

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 1 (73)

2025

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Рожкова Л. В., Гладиллина В. А.</i> Социальный успех в моделях личного успеха современной студенческой молодежи.....	5
<i>Тугускина Г. Н., Дорофеев А. Ф.</i> Меры государственной поддержки по улучшению демографической ситуации: взгляды студенческой молодежи	15
<i>Розенберг Н. В., Афанасьева Ю. Л., Рудакова И. А.</i> Социальный портрет современной студенческой молодежи: ценностные аспекты (по материалам социологических исследований)	24
<i>Корж Н. В., Супиков В. Н.</i> Комфортность городской среды Пензы в оценках студенческой молодежи	42
<i>Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю.</i> Мотивация молодых сотрудников организаций в новых условиях рынка труда	55

ПРАВО

<i>Синцов Г. В., Феоктистов Д. Е., Пархоменко А. Г.</i> О конституционном запрете возбуждения ненависти и вражды	71
<i>Шульженко Ю. Л.</i> Отечественные дореволюционные ученые о конституционно-монархической форме правления в России	84
<i>Николаев Б. В., Павлова Н. А.</i> Значение Второй Гаагской конференции мира в деле кодификации законов и обычаев ведения войны.....	100
<i>Акжигитов Р. Р.</i> Свет и тени украинофильства: государственная политика украинизации и коренизации в СССР в 1920-е гг.	110

<i>Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю.</i> Сравнительное правоведение в условиях многополярного мира.....	124
<i>Липинский Д. А., Иванов А. А.</i> Взаимная обусловленность проявлений юридической аномии в различных компонентах правовой системы	136
<i>Соколов А. Ю.</i> Реформирование правовых основ научной деятельности в России в контексте новых стратегических задач	153
<i>Яшин А. В.</i> Роль жертвы в механизме преступлений, совершаемых в состоянии аффекта.....	164
<i>Подольный Н. А.</i> Системно-деятельностный метод в расследовании преступлений.....	175
<i>Геранин В. В., Мальцева С. Н.</i> Принудительные работы: неиспользованные резервы.....	187
<i>Битюцкий Е. В.</i> Проблема разграничения продолжаемого незаконного сбыта наркотических средств и совокупности преступлений	199
<i>Ежикова С. И.</i> Особый правовой порядок: к постановке вопроса	209

UNIVERSITY PROCEEDINGS

VOLGA REGION

SOCIAL SCIENCES

№ 1 (73)

2025

CONTENTS

SOCIOLOGY

Rozhkova L.V., Gladilina V.A. Social success in personal success models of modern student youth.....	5
Tuguskina G.N., Dorofeev A.F. State support measures to improve the demographic situation: views of student youth	15
Rozenberg N.V., Afanasyeva Yu.L., Rudakova I.A. A social image of modern student youth: value aspects (by the materials of sociological research results).....	24
Korzh N.V., Supikov V.N. Comfort of the urban environment of Penza as assessed by student youth.....	42
Prokazina N.V., Bobyleva N.Yu. Motivation of young employees of organizations in the new labor market conditions	55

LAW

Sintsov G.V., Feoktistov D.E., Parkhomenko A.G. On the constitutional prohibition of inciting hatred and hostility	71
Shul'zhenko Yu.L. Russian pre-revolutionary scientists on the Constitutional monarchical form of Government in Russia.....	84
Nikolaev B.V., Pavlova N.A. The significance of the Second Hague Peace Conference in terms of the codification of laws and customs of warfare.....	100
Akzhigitov R.R. The light and shadows of Ukrainophilia: the state policy of ukrainization and indigenization in the USSR in the 1920s.....	110
Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. Comparative law in a multipolar world	124

<i>Lipinskiy D.A., Ivanov A.A.</i> Mutual determinacy of manifestations of legal anomie in various components of the legal system	136
<i>Sokolov A.Yu.</i> Reforming the legal basis of scientific activities in Russia in the context of new strategic objectives	153
<i>Yashin A.V.</i> The role of the victim in the mechanism of crimes committed in a state of passion	164
<i>Podol'nyy N.A.</i> System-activity method in crime investigation	175
<i>Geranin V.V., Mal'tseva S.N.</i> Forced labor: unused reserves	187
<i>Bityutskiy E.V.</i> The issue of distinguishing between the ongoing illegal sale of narcotic drugs and a set of crimes.....	199
<i>Ezhikova S.I.</i> The issue of special legal procedure.....	209

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

УДК 316

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-1

Социальный успех в моделях личного успеха современной студенческой молодежи

Л. В. Рожкова¹, В. А. Гладиллина²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹mamaeva_lv@mail.ru, ²gladilina.lera@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Успех в жизни каждого человека разный. Он может опираться на модель социального успеха, транслируемого в обществе, или, в случае несовпадения ценностных оснований, выстраиваться на собственной основе, исходя из личностных предпочтений, установок и ценностей. В любом случае можно говорить о том, что каждый индивид выбирает и проводит в жизнь свою модель успеха. Основная цель исследования – анализ доминирующих моделей личного успеха в среде студенческой молодежи и их взаимосвязь с моделями социального успеха. *Материалы и методы.* Исследование успеха молодежи проводится на основе анализа теоретических подходов к понятию и моделям успеха, данных опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, Фонда «Общественное мнение», региональных исследований, а также результатов авторских исследований среди студентов вузов Пензы и Саратова (2024 г.). *Результаты.* Проанализированы основные модели успеха, представленные в работах отечественных исследователей, выявлены доминирующие модели жизненного успеха в среде студенческой молодежи, самооценки успешности студентов и средства их достижения. *Выводы.* По результатам исследований установлено, что современные студенты более тяготеют к миксу американской и компромиссной моделям успеха. Основные составляющие жизненного успеха для молодежи – семья и материальное благополучие; идеалами успешных людей для них являются люди из их окружения. Основные средства достижения успеха – постановка и планирование достижения целей и образование, а для реализации своих целей студенты готовы идти на риск.

Ключевые слова: успех, жизненный успех, модели успеха, студенческая молодежь

Для цитирования: Рожкова Л. В., Гладиллина В. А. Социальный успех в моделях личного успеха современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 5–14. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-1

Social success in personal success models of modern student youth

L.V. Rozhkova¹, V.A. Gladilina²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹mamaeva_lv@mail.ru, ²gladilina.lera@mail.ru

Abstract. *Background.* Success in life of each person is different. It can be based on model of social success, broadcast in society or, in case of mismatch of value bases, it can be built on its own basis, based on personal preferences, attitudes and values. In any case, we can say that each individual chooses and implements his or her own model of success. The main objective of the study is to analyze dominant models of personal success among student youth and their relationship with models of social success. *Materials and methods.* The study of youth success is based on analysis of theoretical approaches to concept and models of success, data of polls VTsIOM, FOM, regional studies, as well as results of the author's research among university students in Penza and Saratov (2024). *Results.* The main models of success presented in works of domestic researchers are analyzed, dominant models of life success in environment of student youth, self-assessments of students' success and means of their achievement are presented. *Conclusions.* According to the research results, it was found that modern students are more inclined to mix of American and compromise models of success. The main components of life success for young people are family and material well-being; ideals of successful people for them are people from their environment. The main means of achieving success are goal setting and planning and education, and students are willing to take risks to realize their goals.

Keywords: success, life success, success models, student youth

For citation: Rozhkova L.V., Gladilina V.A. Social success in personal success models of modern student youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1): 5–14. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-1

Введение

В современном динамичном мире наиболее востребованы креативные, творческие, активные индивиды, профессионалы своего дела, которые способны к «самопостроению своего жизненного пути на основе профессионально-личностного развития» [1, с. 56] в условиях меняющихся требований социальной среды. Как справедливо отмечает М. А. Ядова, именно вариативность и динамизм характеризуют жизненные траектории индивидов в пост-современную эпоху [2, с. 25].

Современная молодежь понимает, что «сегодня “игру с жизнью” выигрывает тот, кто способен максимально быстро... перестроить привычный жизненный маршрут» [2, с. 26].

Рассматривая жизненный успех особой группы молодежи – студенческой молодежи, – необходимо отметить, что этот анализ является актуальным в силу того, что молодежь выступает активным субъектом социальных трансформаций и поэтому ее представления об успехе могут повлиять на будущую успешность преобразований в обществе [3, с. 135]. Кроме того, важно изучение не только факторов, которые оказывают влияние на результаты

успеха, но и тех, которые показывают восприятие успешного поведения [4]. Основная цель исследования – анализ доминирующих моделей личного успеха студентов и их взаимосвязь с моделями социального успеха.

Материалы и методы

Социологический анализ моделей, факторов и составляемых жизненного успеха основан на данных следующих авторских исследований: «Высшее образование как фактор успеха и конструктор будущего студенческой молодежи» (2023 г., г. Пенза, анкетирование, студенты, $n = 400$); «Жизненный и профессиональный успех студенческой молодежи» (2024 г., г. Пенза, Саратов, анкетирование, студенты, $n = 700$); фокус-группы «Жизненный успех молодежи» (2024 г., студенты, две группы по 10 человек). Также для исследования моделей жизненного успеха проводится анализ данных исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения, Фонда «Общественное мнение», ряда региональных опросов.

Результаты

С целью комплексного анализа наиболее распространенных моделей успеха в современной молодежной среде необходимо обратиться к исследованию понятий «жизненный успех», «модели успеха».

Успех рассматривается как «системная интегральная характеристика жизнедеятельности» [5, с. 228]. С позиции социологии Б. Дубин отмечает, что «решающий момент здесь – индивидуальный выбор инструментальной стратегии...» [6, с. 19]. С социологической позиции жизненный успех зависит от социальной среды и способностей индивидов [7, с. 109]

Модель социального успеха рассматривается как «совокупность критериев успешности, актуальных для данного общества в данное время» [4, с. 44]. Модель жизненного успеха – это «модель успеха общества в целом. Заложенное в ней видение/понимание успеха, вкупе с навигированными на него целеполаганием, жизненными стратегиями и тактиками людей, формирует направления социального развития общества» [8, с. 506].

В табл. 1 показаны основные модели успеха.

Дауншифтинг представляет собой новую модель, которая сегодня набирает популярность. Это альтернативная модель, «жизнь ради себя», «образ жизни, подразумевающий добровольный отказ от карьерной гонки и стандартов общества потребления»; в ряде случаев определяется как «жизненный проигрыш» [2]. Однако сознательный дауншифтинг отличен от ненамеренного неуспеха: сознательный отказ от достижений приписывается жизненным неудачам [4]. Как отмечают Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, Т. В. Тришина, И. В. Шавырина, именно пассивные стратегии способствуют распространению мнений о невозможности достижения успеха без полезных связей [9, с. 134].

Таблица 1

Модели жизненного успеха

ФИО	Модели успеха
О. Ю. Клочкова, 2003 г.	В зависимости от направленности на удовлетворение индивидуальных/общественных потребностей: 5 моделей – гедонистическая, советская, компромиссная, американская и аскетическая
Е. В. Караханян, 2008 г.	В зависимости от типа мировоззрения: 2 модели – с западными и восточными установками и ценностями
А. Ю. Согомонов, 2005 г.	В зависимости от достижений: 2 культурно-цивилизационные традиции – «достижительская выделенность» и «достижительская невыделенность». 9 культурных моделей (разные периоды истории и обществ): послушание, стыд, вина, смирение, деньги, призвание, служение, моральная экономика и праздность
Е. В. Лукашевич, 2006 г.	В зависимости от культуры: 2 модели – с направленностью на коллективизм или индивидуализм. В зависимости от системы ценностей: 2 модели – православная и протестантская
А. Д. Галюк, 2004 г.	В зависимости от способов достижения: 2 модели – модель достижения с использованием собственных усилий; модель достижения при помощи усилий извне (случай, полезные связи и др.)

Примечание. Таблица составлена по [4, 10–13].

Таким образом, каждый человек имеет индивидуальную траекторию в достижении успеха, а задачей является грамотное претворение в жизнь личной модели успеха.

Ценности успеха россиян трансформируются, что обуславливает потребность в поиске новых моделей успеха «применительно к конкретному состоянию современного общества при опоре на классические и неоклассические модели» [14, с. 94].

По данным исследований В. В. Петухов делает вывод о том, что россияне не полностью разделяют западную модель успеха, поскольку они не обладают для этого рациональностью и высоким уровнем политической активности [15].

О. Ю. Клочкова отмечает, что сегодня среди россиян распространена компромиссная модель с пониманием успеха «частной жизни» с его одобрением и принятием со стороны близких людей, с учетом материальных составляющих успеха и высокой ценностью образования [10, с. 15].

В среде студенческой молодежи (О. Ю. Клочкова, 2002–2003 гг.) наиболее распространена компромиссная модель (трансформирующаяся советская) – 43 %. Однако в целом это достаточно конформистская модель; ее представители предпочитают «плыть по течению», «быть не хуже других».

Западная модель успеха распространена среди 22,8 % молодежи, а гедонистическую модель поддерживали 5,9 % студентов [10, с. 22–24].

В 2024 г. было проведено авторское исследование жизненного успеха студентов (г. Пенза, Саратов). По мнению студенческой молодежи, в современном российском обществе наиболее распространенной является западная модель успеха, основанная на стремлении к материальному благополучию (табл. 2), хотя от нее практически не отстает гедонистическая модель.

Таблица 2

Распространенные модели успеха в России, $n = 700$

Модели успеха	%
Небольшой достаток, отсутствие сбережений, престиж, полезность профессии (советская)	26,6
Материальный успех и упорный труд (американская)	34,3
Жизненные наслаждения с материальной обеспеченностью (гедонистическая)	32,3
Духовные цели, скромность, воздержание, самоограничение в роскоши и удовольствии (аскетическая)	6,9

По данным авторского опроса 2024 г., основными компонентами жизненного успеха в порядке убывания являются семья (64,3 %) и материальное благополучие (51,7 %). В числе основных ресурсов для достижения успеха: упорный труд, свои усилия (76 %), образование (56,6 %), продуманные планы на будущее (48 %), случай (30,9 %) [7]. Таким образом, основной моделью личного успеха для современных молодых людей выступает американская модель.

Студенты характеризуют успешного человека как того, кто всегда хорошо выглядит и имеет высокий уровень жизни (рис. 1).

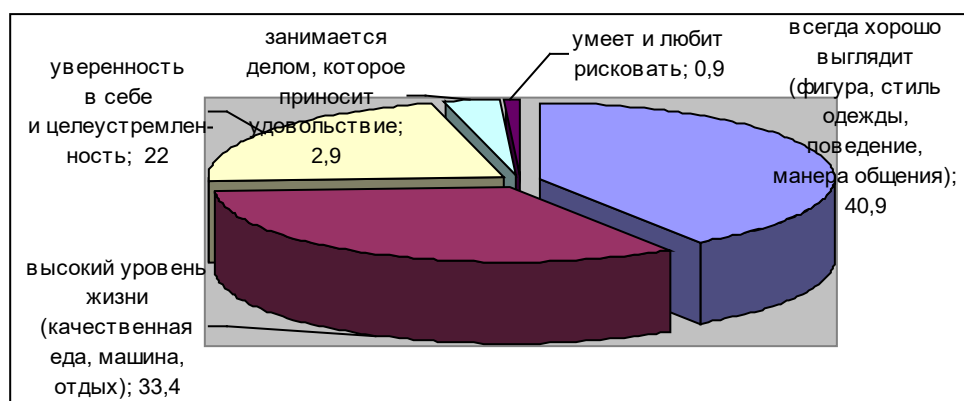

Рис. 1. Общая характеристика успешного человека (% , $n = 700$)

Примерами успешного человека для молодых людей выступает человек из близкого окружения (32,6 %); далее следуют медийные лица (10,3 %). Необходимо отметить, что учителя и преподаватели как «проводники» успеха практически не значимы для студентов (4,6 %) – табл. 3.

Таблица 3

Примеры успешных людей для студентов, $n = 700$

Лидеры успеха	%
Человек из вашего близкого окружения (родители, родственники)	32,6
Друг	5,1
Известный предприниматель-бизнесмен	10,6
Известный спортсмен	1,7
Представитель шоу-бизнеса (кино, театр, музыка)	6,9
Общественно-политический деятель	1,71
Исторический персонаж	4,2
Медийное лицо (телеведущий, журналист, писатель, блогер)	10,2
Учитель, преподаватель	4,57

Около 40 % студентов считают себя успешными, что обусловлено их социальным статусом (рис. 2). При этом 55 % респондентов, по их самооценкам, безусловно стремятся быть успешными, еще 33,2 % скорее к этому стремятся. Только 5,7 % студентов не стремятся быть успешными.

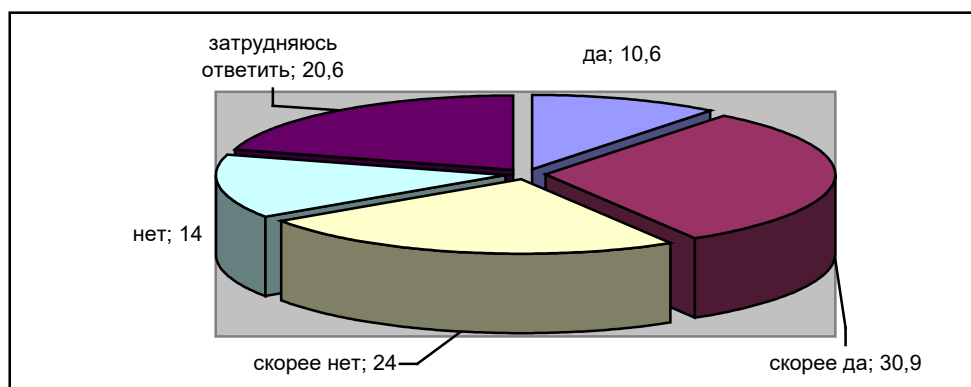

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя успешным человеком?» (% , $n = 700$)

Значительный интерес составляет анализ стратегий достижения жизненного успеха. Так, по исследованию было выявлено, что 59,4 % респондентов ставят перед собой цели и планируют их достижение; еще 52,3 % занимаются своим образованием, чтобы стать успешным; 24,6 % упорно трудятся для достижения успеха (табл. 4). Таким образом, оказалось, что студенты демонстрируют, по терминологии А. Ю. Согомонова, «достижительскую выделенность» [11].

Таблица 4

Личные средства достижения успеха, $n = 700$

Средства достижения успеха	%
Ставлю цели и планирую их достижение	59,4
Забочусь о своем здоровье	19,7
Занимаюсь образованием, саморазвитием	52,3
Упорно тружусь с полной отдачей сил	24,6
Использую свои полезные связи и знакомства	10,9
Использую свои материальные возможности	8,3
Использую свои природные способности, таланты	18,3
Использую свои знания, умения и навыки	33,1
Использую свои личностные качества (предприимчивость, воля, коммуникабельность и т.п.)	26,0
Использую возможности, которые предоставляет государство (поддержка семьи, бизнеса)	3,7

По данным авторского опроса 2024 г. оказалось, что 43,4 % студентов согласны с утверждением о том, что именно лень снижает возможности достижения успеха. Кроме того, современным студентам свойствен и риск в деле достижения жизненного успеха. Так, большинство респондентов (73 %) считают, что риск дает шанс в достижении успеха.

Заключение

Исследование показало направленность студентов на микс американской (в плане использования для достижения успеха материальных возможностей и собственных усилий) и компромиссной (в плане успеха «частной жизни») модели успеха, что, вероятно, связано с тем, что период их рождения и взросления пришелся, во-первых, на эпоху повсеместного распространения западной модели успеха, во-вторых, на периоды постоянных кризисов, что привело к высокой ценности семьи как островка покоя и стабильности. Именно поэтому они ценят семейный комфорт, их идеалами успешных людей являются люди из их окружения. Материальное благополучие занимает важное место в компонентах жизненного успеха, а для его достижения они используют достигательные стратегии.

Список литературы

1. Смирнова П. В., Цаплина О. В. Атрибуция успехов и неудач как ресурс проектирования профессионально-личностного развития студентов // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 2. С. 55–62. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.6>
2. Ядова М. А. Жизненные траектории городской молодежи в России и за рубежом // Социология города. 2023. № 1. С. 20–29. doi: 10.35211/19943520_2023_1_20

3. Тихонина С. А., Симонова М. О. Представление студенческой молодежи о жизненном успехе: опыт социологического исследования // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 134–138.
4. Рикель А. М. Некоторые аспекты социально-психологической проблематики успеха // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2012. № 1. С. 41–48.
5. Кокоткина О. С. Формирование модели жизненного успеха личности: социально-философский аспект // Вестник Луганского государственного университета имени В. Даля. 2021. № 1 (43). С. 228–230.
6. Дубин Б. Успех по-русски // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 5. С. 18–22.
7. Рожкова Л. В., Гладилина В. А. Факторы и компоненты жизненного успеха современной студенческой молодежи // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 2. С. 107–119. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-11 EDN: MKPELE
8. Седова Н. Н. Жизненный успех молодежи – от Москвы до самых до окраин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 505–529. doi: 10.14515/monitoring.2019.6.26
9. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Тришина Т. В., Шавырина И. В. Российская молодежь: социальная диспозиция и перспектива // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 3 (71). С. 132–137. doi: 10.52452/18115942_2023_3_132
10. Ключкова О. Ю. Модель успеха как фактор профессионального выбора: на примере студентов московских педагогических вузов : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. М., 2003. 26 с.
11. Согомонов А. Ю. Генеалогия успеха и неудач. М. : Солтэкс, 2005. 384 с. (Сер.: Библиотека Центра социологического образования).
12. Лукашевич Е. В. «В надежде славы и добра»: Динамика концепта «успех» в массовом сознании россиян // PR в изменяющемся мире: региональный аспект : сб. ст. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. URL: <https://www.asu.ru/files/documents/00003370.pdf>
13. Галюк А. Д. Особенности представлений молодежи о жизненном успехе в современной России : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06. Екатеринбург, 2004. 145 с.
14. Фетисова О. В. Категория успеха в ценностной картине мира россиян: динамический аспект // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series Socio-Economic Sciences. 2021. № 14 (3). С. 90–94. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-3-90-94>
15. Петухов В. Новые активные русские: жизненные приоритеты, социальная мобильность, понимание успеха // Психология и бизнес. URL: <https://psycho.ru/library/312>

References

1. Smirnova P.V., Tsaplina O.V. Attribution of successes and failures as a resource for designing students' professional and personal development. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2024;(2):55–62. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.6>
2. Yadova M.A. Life trajectories of urban youth in Russia and abroad. *Sotsiologiya goroda = Sociology of the city*. 2023;(1):20–29. (In Russ.). doi: 10.35211/19943520_2023_1_20

3. Tikhonina S.A., Simonova M.O. Student youth's perception of success in life: an experience of sociological research. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of economics, law and sociology*. 2022;(2):134–138. (In Russ.)
4. Rikel' A.M. Some aspects of the socio-psychological problems of success. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology*. 2012;(1):41–48. (In Russ.)
5. Kokotkina O.S. Formation of a model of life success of an individual: socio-philosophical aspect. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. Darya = Bulletin of Lugansk State University named after V. Dal'*. 2021;(1):228–230. (In Russ.)
6. Dubin B. Success in Russian. *Monitoring obshchestvennogo mneniya = Monitoring public opinion*. 1998;(5):18–22. (In Russ.)
7. Rozhkova L.V., Gladilina V.A. Factors and components of life success of modern student youth. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2024;12(2):107–119. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-11 EDN: MKPELE
8. Sedova N.N. Life success of young people – from Moscow to the very outskirts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2019;(6):505–529. (In Russ.). doi: 10.14515/monitoring.2019.6.26
9. Reutov E.V., Reutova M.N., Trishina T.V., Shavyrina I.V. Russian youth: social disposition and prospects. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2023;(3):132–137. (In Russ.). doi: 10.52452/18115942_2023_3_132
10. Klochkova O.Yu. *Model of success as a factor in professional choice: on the example of students of Moscow pedagogical universities: PhD abstract*. Moscow, 2003:26. (In Russ.)
11. Sogomonov A.Yu. *Genealogiya uspekha i neudach = Genealogy of success and failure*. Moscow: Solteks, 2005:384. (In Russ.)
12. Lukashevich E.V. "In the hope of glory and goodness": The dynamics of the concept of "success" in the mass consciousness of Russians. *PR v izmenyayushchemsya mire: regional'nyy aspekt: sb. st. = PR in a changing world: regional aspect: collected articles*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2006. (In Russ.). Available at: <https://www.asu.ru/files/documents/00003370.pdf>
13. Galyuk A.D. *Peculiarities of youth ideas about success in life in modern Russia: PhD dissertation*. Ekaterinburg, 2004:145. (In Russ.)
14. Fetisova O.V. The category of success in the value picture of the world of Russians: a dynamic aspect. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series Socio-Economic Sciences*. 2021;(14):90–94. (In Russ.). doi: 10.17213/2075-2067-2021-3-90-94
15. Petukhov V. New active russians: life priorities, social mobility, understanding success. *Psikhologiya i biznes = Psychology and business*. (In Russ.). Available at: <https://psycho.ru/library/312>

Информация об авторах / Information about the authors

Лилия Валерьевна Рожкова

доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
социологии, экономической теории
и международных процессов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Liliya V. Rozhkova

Doctor of sociological sciences,
professor, head of the sub-department
of sociology, economic theory
and international processes,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Валерия Алексеевна Гладилина

аспирант кафедры социологии,
экономической теории и международных
процессов, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: gladilina.lera@mail.ru

Valeria A. Gladilina

Postgraduate student of the sub-department
of sociology, economic theory
and international processes, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.03.2025

Принята к публикации / Accepted 20.03.2025

УДК 316

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-2

Меры государственной поддержки по улучшению демографической ситуации: взгляды студенческой молодежи

Г. Н. Тугускина¹, А. Ф. Дорофеев²

¹Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

¹galina066@mail.ru, ²interdaf@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Негативная демографическая ситуация, складывающаяся в России, обусловленная низкой рождаемостью, порождает серьезные кадровые проблемы. Меры, направленные на стимулирование рождаемости, принимаемые государством, не приносят желаемого результата. Цель исследования – выявление установок студенческой молодежи относительно желания иметь детей, их количества, мнений по эффективности принимаемых государством мер поддержки семей с детьми. *Материалы и методы.* Изучение демографической ситуации в России и Пензенской области, а также отношения молодежи к неблагоприятной демографической ситуации и путям ее преодоления основано на вторичном анализе данных общероссийских исследований и результатах авторского исследования, проведенного среди студенческой молодежи Пензы в 2024 г. *Результаты.* Проведен анализ демографической ситуации в России и Пензенской области. На основе авторского исследования выявлены основные факторы, влияющие на планирование количества детей в будущем; уровень удовлетворенности принимаемыми государством мерами поддержки семей с детьми. *Выводы.* Исходя из того, что подавляющее число участвующих в опросе молодых людей планируют иметь в будущем только одного или двоих детей, а также с учетом долгосрочного демографического прогноза Росстата, кардинального изменения сложившейся на данный момент демографической ситуации в ближайшей перспективе не произойдет.

Ключевые слова: государственная поддержка, демографическая ситуация, репродуктивные установки, студенческая молодежи

Для цитирования: Тугускина Г. Н., Дорофеев А. Ф. Меры государственной поддержки по улучшению демографической ситуации: взгляды студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 15–23. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-2

State support measures to improve the demographic situation: views of student youth

G.N. Tuguskina¹, A.F. Dorofeev²

¹Penza State University, Penza, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

¹galina066@mail.ru, ²interdaf@mail.ru

Abstract. *Background.* The negative demographic situation in Russia caused by the low birth rate gives rise to serious personnel problems. Measures aimed at stimulating the birth rate taken by the state do not bring the desired result. The purpose of the study is to identify the attitudes of student youth regarding the desire to have children, their number, opinions on the effectiveness of state measures to support families with children. *Materials and methods.* The study of the demographic situation in Russia and Penza region, as well as the attitude of young people to the unfavorable demographic situation and ways to overcome it, is based on a secondary analysis of data from all-Russian studies and the results of the author's study conducted among student youth of Penza in 2024. *Results.* An analysis of the demographic situation in Russia and the Penza region was carried out. Based on the author's study, the main factors influencing the planning of the number of children in the future; the level of satisfaction with the measures taken by the state to support families with children. *Conclusions.* Based on the fact that the overwhelming majority of young people participating in the survey plan to have only one or two children in the future, and also taking into account the long-term demographic forecast of Rosstat, there will be no fundamental change in the current demographic situation in the near future.

Keywords: government support, demographic situation, reproductive attitudes, student youth

For citation: Tuguskina G.N., Dorofeev A.F. State support measures to improve the demographic situation: views of student youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(1):15–23. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-2

Введение

Темой многих научных исследований, повесток обсуждений представителей власти является вопрос преодоления демографических проблем в государстве [1]. За последние годы в России наблюдается снижение рождаемости и, как следствие, преобладание семей с одним ребенком. При этом наблюдается не только уменьшение количества детей в семьях, но и рост числа семей, не желающих иметь детей. Самый низкий коэффициент рождаемости в новейшей истории России фиксировался в 2006 г. – 1,31, максимальной рождаемость была в 2015 г., когда коэффициент рождаемости составлял 1,78. В 2023 г. данный показатель снизился до 1,41 [2]. В целом, за последние десять лет спад данного показателя составил 35 %. Единственная развитая страна в мире с рождаемостью до трех детей на женщину – это Израиль. В Китае и Японии коэффициент рождаемости составляет 1,2–1,3,

а в Южной Корее – 0,7. В определенной мере, по мнению экспертов, данная ситуация в России обусловлена «демографической ямой» 1990-х гг. С 2014 г. численность женщин в возрасте 20–29 лет сократилась почти на 40 % [3]. Кроме того, наблюдается более поздний возраст материнства. По данным Росстата, средний возраст женщины при рождении первого ребенка составляет 26,2 года. Данное обстоятельство также оказывает существенное влияние на рождаемость. Государством принимаются значительные меры, направленные на улучшение сложившейся демографической ситуации. В их числе и «программа “Материнский капитал”, принятая в 2007 г. как инструмент стимулирования повышения рождаемости и поддержки семей с детьми. Размер выплат регулярно индексируется, расширяется перечень целей использования материнского капитала»¹.

Следует также отметить принятый в 2023 г. «пилотный проект, направленный на стимулирование рождаемости в Новгородской области, Пензенской области и Тамбовской области. Его мероприятиями предусмотрено создание комфортной среды для проживания, совершенствование системы медицинской помощи, восстановление дорожной инфраструктуры, транспортной доступности, оказание мер социальной поддержки населению, создание условий для развития образования, досуговой деятельности, занятий спортом для детей и взрослых»². В 2024 г. Указом Президента РФ был закреплён статус многодетной семьи и широкий перечень мер социальной поддержки многодетных семей³.

Однако принимаемые государством меры не приносят на данный момент желаемого результата. Цель исследования – выявление установок студенческой молодежи относительно господдержки по стимулированию рождаемости, а также желания иметь детей, их количества, мнений об эффективности принимаемых государством мер поддержки семей с детьми.

Материалы и методы

Изучение демографической проблемы российского общества в контексте выявления взглядов студенческой молодежи на рождение детей основано на материалах вторичного анализа данных Федеральной службы государственной статистики, исследованиях, проведенных Фондом «Общественное мнение». В ноябре 2024 г. среди студентов Пензенского государственного университета был проведен социологический опрос ($n = 224$; выборка квотная – пол, курс обучения).

¹ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон № 256-ФЗ от 29.12.2006 (ред. от 26.12.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/

² О реализации пилотного проекта, направленного на стимулирование рождаемости : постановление Правительства РФ № 1419 от 31.08.2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309010053>

³ О мерах социальной поддержки многодетных семей : указ Президента РФ № 63 от 23.01.2024 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467710/

Результаты

Как показывает статистика, рождаемость неуклонно снижается, а смертность, несмотря на незначительное снижение, по своим показателям превышает число родившихся (рис. 1).

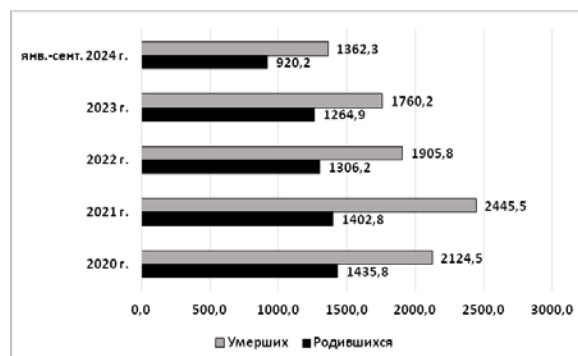

Рис. 1. Динамика рождаемости и смертности населения в России, тыс. чел. [4, 5]

По данным Росстата, в первом полугодии 2024 г. рождаемость снизилась на 3 %, появилось на свет на 16,5 тыс. детей меньше, чем за соответствующий период прошлого года. При этом продолжает расти смертность населения, достигнув почти 4 %, вследствие чего естественная убыль населения за первых шесть месяцев 2024 г. составила 321,5 тыс. человек. Таким образом, в России умирает почти в полтора раза больше людей, чем рождается. Учитывая значение сегодняшнего показателя среднего числа детей на одну женщину (1,41), можно сделать предположение, что серьезных оснований для изменения сложившейся демографической ситуации в ближайшее время нет. Поскольку, согласно расчетам специалистов, «для минимального воспроизводства населения страны коэффициент рождаемости должен находиться в диапазоне 2–2,15 ребенка на женщину. Для обеспечения устойчивого роста численности населения за счет рождаемости необходим показатель выше 2,17» [5].

Аналогичная демографическая ситуация характерна и для Пензенской области (рис. 2).

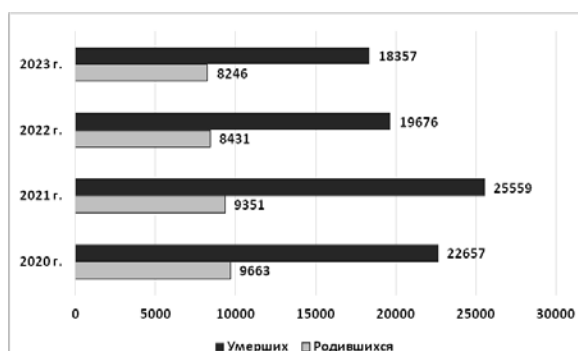

Рис. 2. Динамика рождаемости и смертности населения в Пензенской области, чел. [6, 7]

Естественная убыль в 2023 г. составила 10 111 человек, что значительно меньше, чем в 2021 г. (16 208 человек).

На федеральном уровне за последние годы были введены беспрецедентные финансовые меры поддержки семей с детьми, однако коренных изменений ситуации не произошло. Опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» в 2023 г., показал, что большинство респондентов (80 %) считают, что повышать рождаемость нужно. Однако подавляющее большинство опрошенных в качестве необходимых условий для рождения детей назвали стабильный доход (так ответили 96 % россиян) и наличие собственного жилья (79 % респондентов) [8]. Ответы на вопрос «Сколько у вас детей?» распределились следующим образом (рис. 3).

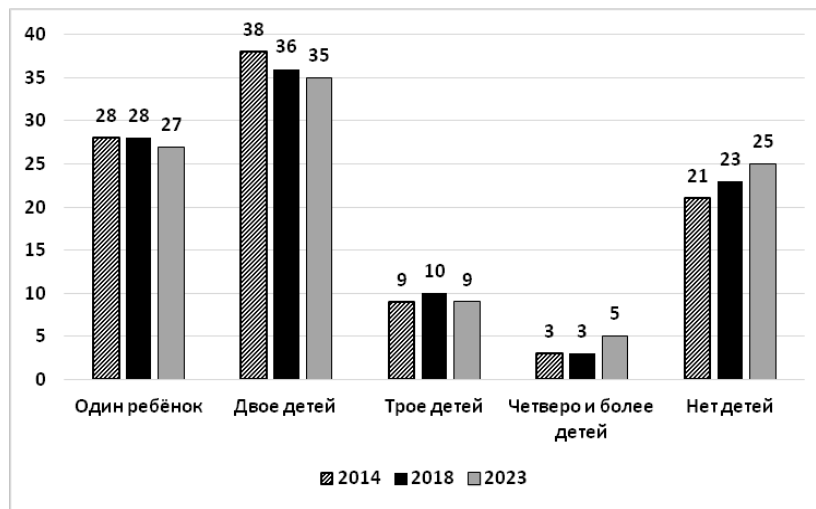

Рис. 3. Динамика численности детей в семьях, % [9]

Подавляющее число семей респондентов имеют одного или двоих детей. Семьи, имеющие троих детей, составляют около 10 %, четверых и более – еще меньше. При этом наметилась устойчивая тенденция постепенного роста числа семей, не имеющих детей. В 2023 г. доля таких семей, согласно данным опроса, составила 25 % [9].

Проведенное автором анкетирование среди студентов Пензенского государственного университета относительно выявления желания иметь детей, их количества, эффективности принимаемых государством мер поддержки семей с детьми показало следующее. Среди факторов, влияющих на планирование количества детей в будущем, подавляющее большинство – почти 93 % – указали уровень материального благосостояния (рис. 4). Среди существенных факторов, влияющих на принятие решения иметь детей, студенты указали: наличие собственного жилья, здоровье и обоюдное желание супругов (так считают 76 % опрошенных). Лишь немногим более 50 % респондентов считают официальный брак фактором, влияющим на решение иметь детей. Влияние поддержки государства на планирование рождения детей указали менее трети всех опрошенных.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какие факторы влияют на планирование количества детей в будущем?»,
 $n = 224$, многовариантные ответы

На вопрос «Считаете ли вы достаточными принимаемые государством меры поддержки семей с детьми?» положительно ответили 47,6 % респондентов. 52,4 % опрошенных считают принимаемые государством меры недостаточными. В числе дополнительных мер поддержки от государства, которые должны иметь семьи с детьми, молодые люди выделили: бесплатные спортивные секции для детей, бесплатный проезд в общественном транспорте (76 %); обеспечение жильем семей с детьми, включая льготную ипотеку (68 %). Далее следуют такие пожелания, как повышение размера пособий по уходу за детьми, увеличение количества бюджетных мест в учебных заведениях. Около трех процентов респондентов ответили, что дополнительные меры поддержки от государства не требуются.

Отвечая на вопрос «Сколько детей вы хотели бы иметь?», 80,5 % респондентов указали, что планируют иметь в будущем двоих детей (рис. 5). Вариант рождения одного ребенка рассматривают 26,8 % опрошенных, 17,1 % готовы к рождению троих детей в будущем. Ни один из респондентов не рассматривает вариант иметь в своей семье четверых и более детей.

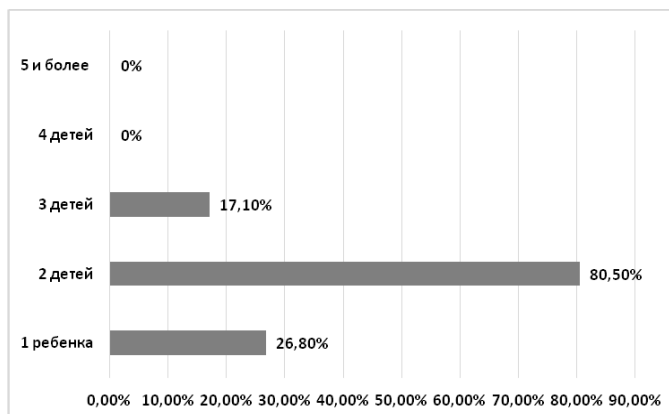

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Сколько детей вы хотели бы иметь?»,
 $n = 224$

Таким образом, можно сделать вывод, что большая часть молодых людей не планирует иметь многодетную семью. А это означает, что при таких установках существенно изменить демографическую ситуацию в нашей стране в ближайшее время вряд ли получится.

Согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата на период до 2045 г. (рис. 6), кардинального изменения сложившейся на данный момент демографической ситуации, не произойдет.

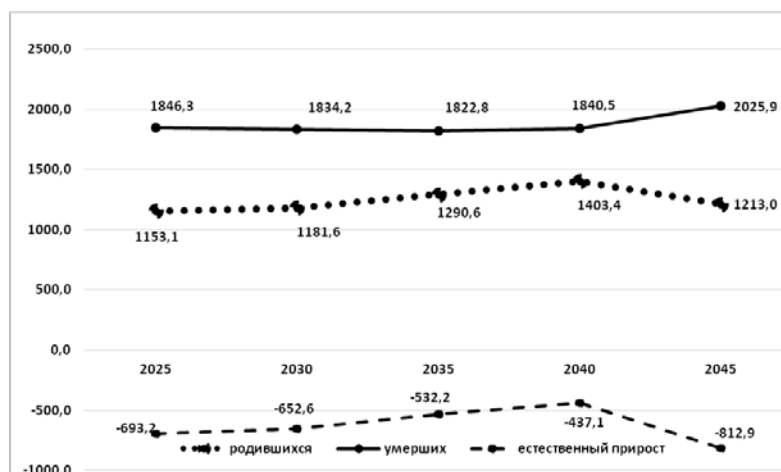

Рис. 6. Средний вариант демографического прогноза Росстата, тыс. чел. [10]

Несмотря на прогнозируемый с 2025 по 2040 г. незначительный рост рождаемости, естественная убыль населения сохранится.

Заключение

Демография выступает одним из важнейших факторов, влияющих на экономическую ситуацию в стране. Как результат неблагоприятной демографической ситуации – это рекордно низкий уровень безработицы в стране и острейший дефицит кадров на рынке труда, рост численности пенсионеров. Меры, предпринимаемые государством, пока не дают ожидаемого результата. Однако следует отметить, что подавляющее число принимаемых решений по стабилизации демографической ситуации в стране характеризуется отложенным действием. Поэтому для получения результата принимаемых мер должно пройти время.

Список литературы

1. Mustafin A. N., Shlyakhtin A. E., Kotulič R. Role of public management in elimination regional disparities // Polish Journal of Management Studies. 2019. Vol. 19, iss. 1. P. 260–270.
2. Росстат: коэффициент рождаемости снизился до 1,41 и обновил многолетний минимум // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e>

3. Агеева О. Антирекорд с 1990-х: почему в 2023 году в России родилось минимальное число детей // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/506569-antirekord-s-1990-hpocemu-v-2023-godu-v-rossii-rodilos-minimal-noe-cislo-detej>
4. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
5. К вопросу о рождаемости в современной России // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Edn_09-2024.htm
6. Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Edn_09-2024.htm
7. Родившиеся, умершие и естественный прирост населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
8. Рождаемость // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Rabota-idom/14875>
9. К вопросу о рождаемости в современной России // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Rabota-idom/14911>
10. Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709>

References

1. Mustafin A.N., Shlyakhtin A.E., Kotulič R. Role of public management in elimination regional disparities. *Polish Journal of Management Studies*. 2019;19(1):260–270.
2. Rosstat: Birth rate fell to 1.41 and hit a multi-year low. *RBC*. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e>
3. Ageeva O. Anti-record since the 1990s: why the minimum number of children were born in Russia in 2023. *Forbes*. (In Russ.). Available at: <https://www.forbes.ru/finansy/506569-antirekord-s-1990-hpocemu-v-2023-godu-v-rossii-rodilos-minimal-noe-cislo-detej>
4. Birth rate, death rate and natural population growth. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki = Federal State Statistics Service*. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
5. On the issue of birth rate in modern Russia. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki = Federal State Statistics Service*. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Edn_09-2024.htm
6. Demography. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki = Federal State Statistics Service*. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Edn_09-2024.htm
7. Births, deaths and natural population growth. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki = Federal State Statistics Service*. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
8. Fertility. *Fond «Obshchestvennoe mnenie» = Public Opinion Foundation*. (In Russ.). Available at: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14875>
9. On the issue of birth rate in modern Russia. *Fond «Obshchestvennoe mnenie» = Public Opinion Foundation*. (In Russ.). Available at: <https://fom.ru/Rabota-idom/14911>
10. Rosstat published a demographic forecast until 2046. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki = Federal State Statistics Service*. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709>

Информация об авторах / Information about the authors

Галина Николаевна Тугускина

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры менеджмента
и государственного управления,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: galina066@mail.ru

Galina N. Tuguskina

Doctor of economic sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of management and public administration,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Андрей Федорович Дорофеев

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры психологии
и развития человеческого капитала,
Финансовый университет
при Правительстве Российской
Федерации (Россия, г. Москва,
Ленинградский пр-кт, 49)

E-mail: interdaf@mail.ru

Andrey F. Dorofeev

Doctor of economic sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of psychology and human capital
development, Financial University under
the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky avenue, Moscow, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 28.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.03.2025

Принята к публикации / Accepted 20.03.2025

УДК 316

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-3

Социальный портрет современной студенческой молодежи: ценностные аспекты (по материалам социологических исследований)

Н. В. Розенберг¹, Ю. Л. Афанасьева², И. А. Рудакова³

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹rozenbergnv@mail.ru, ²volgavuz@pnzgu.ru, ³irina-ia@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Современная студенческая молодежь является важнейшим социальным и демографическим ресурсом общества, именно она определяет будущее развитие экономической, культурной и политической сфер России. В условиях ускоренной цифровизации, происходящих глобальных процессов и вызовов, социальных трансформаций и изменений на рынке труда изучение ценностных ориентаций, жизненных приоритетов и поведения молодежи приобретает особую значимость. Студенты как наиболее активная и мобильная часть молодежи выступают индикатором социальных изменений, что делает их изучение важным направлением социологических исследований. Анализ их взглядов, ценностей и жизненных приоритетов позволяет выявить актуальные тренды и прогнозировать дальнейшее развитие общества в целом. Целью исследования является изучение современной студенческой молодежи на основе данных социологических опросов, а также выявление изменений в их ценностных ориентирах, жизненных установках и общественной активности. *Материалы и методы.* Исследование социального портрета современной студенческой молодежи основано на анализе данных, полученных в ходе двух авторских социологических исследований, проведенных в 2014 и 2024 гг. В исследовании приведены данные анкетных опросов студенческой молодежи, которые позволили выявить их ценностные ориентации, жизненные приоритеты, отношение к образованию, карьере, семье и общественным процессам. Для достижения цели работы был применен системный и сравнительный анализ. *Результаты.* Исследование социального портрета современной студенческой молодежи на основе материалов социологических опросов выявило ключевые характеристики, тенденции и изменения, произошедшие в ценностных ориентациях и жизненных приоритетах данной социальной группы. Результаты исследования показывают, что современная студенческая молодежь демонстрирует сложную и многогранную структуру ценностей. Она сохраняет ориентир на материальный достаток и карьерный успех, но постепенно усиливает интерес к духовности, творчеству и социальной ответственности. Эти изменения отражают адаптацию студентов к новым вызовам и возможностям, предоставляемым современным обществом. *Выводы.* Показано, что современная студенческая молодежь демонстрирует сложное сочетание традиционных и современных ценностей. Несмотря на сохраняющуюся значимость семьи, наблюдается усиление ориентации на карьеру, профессиональное развитие и материальный достаток. Современные студенты демонстрируют процессы адаптации к изменяющемуся миру, сочетание прагматизма и духовных стремлений, а также нарастающую роль индиви-

дуализма в сочетании с социальной ответственностью. Эти особенности определяют как возможности, так и вызовы в формировании государственной молодежной политики, направленной на поддержку студенчества как ключевого ресурса будущего общества.

Ключевые слова: молодежь, студенческая молодежь, социальные установки, жизненные цели, ценности, ценностные ориентации

Для цитирования: Розенберг Н. В., Афанасьева Ю. Л., Рудакова И. А. Социальный портрет современной студенческой молодежи: ценностные аспекты (по материалам социологических исследований) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 24–41. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-3

A social image of modern student youth: value aspects (by the materials of sociological research results)

N.V. Rozenberg¹, Yu.L. Afanasyeva², I.A. Rudakova³

^{1,2,3}Penza State University, Penza, Russia

¹rozenbergnv@mail.ru, ²volgavuz@pnzgu.ru, ³irina-ia@yandex.ru

Abstract. *Background.* Modern student youth is one of the most important social and demographic resources of society, playing a key role in shaping the future development of Russia's economic, cultural, and political spheres. In the context of rapid digitalization, ongoing global processes and challenges, social transformations, and changes in the labor market, studying the values, life priorities, and behavior of young people becomes particularly significant. Students, as the most active and mobile part of youth, serve as an indicator of social change, making their study an important area of sociological research. Analyzing their views, values, and life priorities helps identify current trends and predict the future development of society as a whole. The purpose of this study is to examine modern student youth based on sociological survey data and to identify changes in their value orientations, life attitudes, and social activity. *Materials and methods.* The study of the social portrait of contemporary student youth is based on the analysis of data obtained from two original sociological surveys conducted at different periods (in 2014 and 2024). The research presents data from questionnaire surveys of student youth, which made it possible to identify their value orientations, life priorities, attitudes toward education, career, family, and social processes. To achieve the research goal, a systematic and comparative analysis was applied. *Results.* The study of the social portrait of contemporary student youth, based on sociological survey materials, revealed key characteristics, trends, and changes in the value orientations and life priorities of this social group. The results indicate that modern student youth demonstrates a complex and multifaceted value structure. While maintaining a focus on material well-being and career success, they are gradually showing an increased interest in spirituality, creativity, and social responsibility. These changes reflect the students' adaptation to new challenges and opportunities offered by contemporary society. *Conclusions.* The article demonstrates that modern student youth exhibit a complex combination of traditional and contemporary values. Despite the continued importance of family, there is a growing emphasis on career, professional development, and financial well-being. Modern students display processes of adaptation to a changing world, a blend of pragmatism and

spiritual aspirations, as well as an increasing role of individualism combined with social responsibility. These characteristics define both opportunities and challenges in shaping state youth policy aimed at supporting students as a key resource for the future of society.

Keywords: youth, student youth, social attitudes, life goals, values, value orientations

For citation: Rozenberg N.V., Afanasyeva Yu.L., Rudakova I.A. A social image of modern student youth: value aspects (by the materials of sociological research results). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):24–41. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-3

Введение

В условиях современных стремительно развивающихся и изменяющихся жизненных реалий, где ежедневно появляются новые социальные тренды, установки и образцы поведения, крайне важное значение приобретают процессы трансформации ценностей молодого поколения, изучение представлений и социальных установок молодежи, от которой во многом зависит будущее страны и ее перспективы. Молодежь как особая социальная группа призвана выполнять задачу «ревизии» ценностей и моделей социальной активности. «В любые исторические периоды молодежь выступает в качестве движущей силы развития общества» [1]. В российской социологии на молодежь обращено особое внимание. А. Л. Андреев замечает: «Писать о молодежи, значит писать о будущем» [2, с. 201]. Социологи определяют молодежь как социально-демографическую группу, которая, усваивая опыт предыдущих поколений, одновременно привносит свежие идеи, выполняя таким образом свою функцию новаторства. Молодежь действительно играет ключевую роль в обществе как носитель инноваций и агент социальных изменений. С одной стороны, она перенимает опыт и традиции старших поколений, что способствует сохранению и передаче культурного наследия. С другой – вносит свои идеи, ценности и подходы, адаптируя общественные институты к новым вызовам времени. Ю. А. Зубок обращает внимание на то, что молодежь, представляя социально-демографическую структуру общества, в полной мере отражает его социокультурную специфику в гибридном сочетании традиционных и современных элементов, проекция которых на различные аспекты реальности определяет ее характерные черты [3, с. 40].

Конструкт «социальный портрет» является адекватным инструментом анализа общественных явлений, поскольку вбирает в себя и реликты давно минувших дней, и идеологемы нереализованного будущего, отмечает В. И. Казакова [4, с. 33]. В современной социологии социальный портрет рассматривается как совокупность данных о статусе и ролях человека, нормативных ожиданиях, связанных с его принадлежностью к определенной группе, мотивационных особенностях, а также о его доминирующих чертах, образе жизни, социальных установках, материальном положении. При этом учитываются как общие, так и уникальные аспекты поведения и деятельности [5].

Социальный портрет определенной социально-демографической группы представляет собой набор наиболее общих и устойчивых характеристик, которые можно выявить и проанализировать. Процесс конструирования социального портрета позволяет осмыслить социальные настроения, мотивацию и содержание деятельности, проведение досуга и свободного времени, ценностные приоритеты и способы взаимодействия с социумом, а также данные об образе жизни, социальных настроениях, материальных возможностях и т.д. Конструкт «социальный портрет» позволяет получить информацию о характерных чертах и особенностях группы, ее поведенческих и культурных нормах, об уровне образования, о доходах и других социальных характеристиках. Таким образом, пишет в своей статье М. Г. Солнышкина, социальный портрет как жанр социологического исследования позволяет выявлять характерные черты конкретных социальных групп, а также проводить комплексное описание их ключевых социальных, демографических и социокультурных особенностей [5].

Как отмечает А. В. Махиянова, в качестве измерительных индикаторов составления социального портрета различных демографических групп выступают жизненные планы, оценка условий проживания, досуг и ценностные ориентации. Условия профессиональной деятельности, представления о модусах ролевого поведения, отношения к профессии, оценка профессионального статуса и мотивация труда выступают критерием портрета социальных групп [6]. Разные авторы в своих подходах выделяют разное количество блоков, чтобы достичь объективности и полноты информации. Чаще всего «рисуются» социально-демографический и социально-статусный портрет студента, анализируются мотивационные установки выбора вуза, карьерные ожидания, представление о семейно-брачных отношениях, удовлетворенность обучением, проведение свободного времени и т.д. [7–9]. Социально-статусные особенности студента включают зависимость от поддержки семьи, ограниченную экономическую самостоятельность и стремление к укреплению общественного положения и расширению круга социальных связей через образование. При этом существует значительная дифференциация внутри самой студенческой среды, обусловленная уровнем доходов, доступом к ресурсам и принадлежностью к различным социальным группам. Современный студент активно включен в цифровую реальность, что оказывает влияние на его стиль жизни, способы коммуникации и образовательные предпочтения. Важной характеристикой является ориентация на самореализацию, построение карьеры и адаптацию к требованиям быстро меняющегося рынка труда.

Таким образом, современный студент как социальный субъект сочетает в себе как традиционные черты, характерные для молодежи, так и специфические вызовы и возможности, обусловленные условиями современной социально-экономической и культурной среды. Изучение этой группы позволяет понять более широкие процессы, связанные с трансформацией общества в целом.

Крупнейшей работой в жанре социального портрета, основанной на теоретико-методологическом подходе структурного функционализма, можно назвать исследование М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги «Молодежь России: социологический портрет» [10].

Таким образом, социально-демографические и социально-статусные характеристики современного студента представляют собой многогранное явление, формирующееся под влиянием как макро-, так и микросоциальных факторов. Молодежь, обучающаяся в высших учебных заведениях, находится в уникальной социальной позиции, сочетая черты переходного периода между зависимым статусом ребенка и самостоятельной позицией взрослого.

Построить общее социальное представление о молодежи не представляется возможным, поскольку эта социально-демографическая группа включает в себя достаточно разнообразные и порой противоречивые черты и характеристики. Современные ученые определяют возрастные границы молодежи в диапазоне от 14 до 35 лет и делят молодежь на три подгруппы: подростки – до 18 лет; молодежь – от 18 до 24 лет; молодые взрослые – от 24 до 35 лет. Демографические параметры, такие как возраст, половые различия и региональное происхождение, задают основные характеристики студенческой группы. Важными характеристиками социальной группы «студенческая молодежь» являются, во-первых, рост доли студентов женского пола, а во-вторых, усиление культурного разнообразия в результате процессов глобализации и миграции.

Молодежь неоднородна и по своему социальному составу, включая различные группы по уровню образования, социальному положению, профессиональной ориентации и жизненным ценностям, что отражает разнообразие ее интересов и потребностей, поэтому ее нельзя унифицировать по большинству критериев.

Неоднородна по своему составу и современная студенческая молодежь, поэтому социальный портрет современного студента – это портрет молодежи, представляющей различные социально-демографические группы, различные вкусы, интересы, потребности и ценностные ориентации [11]. Более того, как показали результаты сравнительного анализа, проведенного М. Г. Гильдингерш и А. А. Шадриним, социальный портрет студента вуза в значительной степени обладает свойством специфичности, т.е. является уникальным для каждого вуза [12, с. 98].

Изучение влияния социальных факторов современного информационного общества на формирование ценностных и поведенческих установок студенческой молодежи является одной из актуальных задач современной социологии, поскольку молодежь острее воспринимает политические, экономические и правовые трансформации, происходящие в российском обществе в первой четверти XXI в. Результатом этих трансформаций стали изменения социальных норм и ценностных ориентаций вплоть до диаметрально противоположных по сравнению с началом века.

Для успешной реализации этого процесса требуется регулярный мониторинг ценностей молодежи, изучение ее восприятия трансформационных изменений в российском обществе, а также анализ оценки молодежью работы различных институтов социализации и участников, реализующих молодежную политику. Мы наблюдаем практически непрерывный процесс переоценки ценностей и ценностных представлений. Молодое поколение не просто вырабатывает новые ценности, соответствующие новой социальной действительности, оно адаптирует традиционные ценности к новому этапу развития общества, участвуя в его воспроизводстве. Как указывают социологи, молодежь, и особенно студенческая молодежь, обладает специфическими социальными качествами, способствующими постоянной активной переоценке ими любых ценностей, существующих в обществе [13–15].

Как отмечают современные социологи, социальный портрет студента должен быть рассмотрен комплексно для получения максимально полной и объективной информации [12]. Целью статьи является анализ изменений в ценностных ориентирах, жизненных установках и общественной активности студенческой молодежи. Особое внимание уделяется изучению ключевых изменений в системе ценностей, таких как отношение к образованию, профессиональной самореализации, семье, социальной ответственности и гражданской активности.

В статье рассматриваются также социально-психологические аспекты, включая влияние цифровой среды, глобализации и локальных социокультурных особенностей на формирование ценностей современной молодежи. Анализ базируется на данных авторских эмпирических исследований, что позволяет выявить основные тенденции и определить характерные черты социальных представлений студенческой аудитории.

Таким образом, исследование направлено на анализ динамики ценностей молодежи, через которые студенческая молодежь адаптируется к изменениям социальной среды, а также на выявление потенциала этой группы как активного субъекта социальных изменений.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили два авторских социологических исследования: «Личность и образ жизни современной молодежи» (анкетный опрос молодежи г. Москвы, Тамбова, Пензы, $n = 768$; сентябрь 2014 г. – май 2015 г.); «Социальный портрет современной студенческой молодежи» (анкетный опрос студентов Пензенского государственного университета, $n = 400$; июнь 2024 г.). Вопросы анкеты были посвящены представлениям молодых людей относительно семьи, работы, досуга, целей в жизни, а также восприятию собственной личности. Сравнительный анализ изменений в ценностных установках молодежи на основе данных за 2014 и 2024 гг. позволил выявить динамику изменения ценностей студенческой молодежи в контексте социально-экономических и культурных изменений.

Результаты

По итогам проведенного исследования молодежь разных регионов страны оценила себя и своих сверстников как активных, социально ответственных, уверенных в себе и независимых личностей. Большинство из них – 81,5 % (в 2014 г. – 80,2 %) – уверены, что жизнь человека всецело зависит от него самого – его решений, поступков и действий. Тех, кто полагается на свое окружение или стечение обстоятельств, оказалось гораздо меньше: 9,5 и 9 % соответственно в 2024 г. (рис. 1).

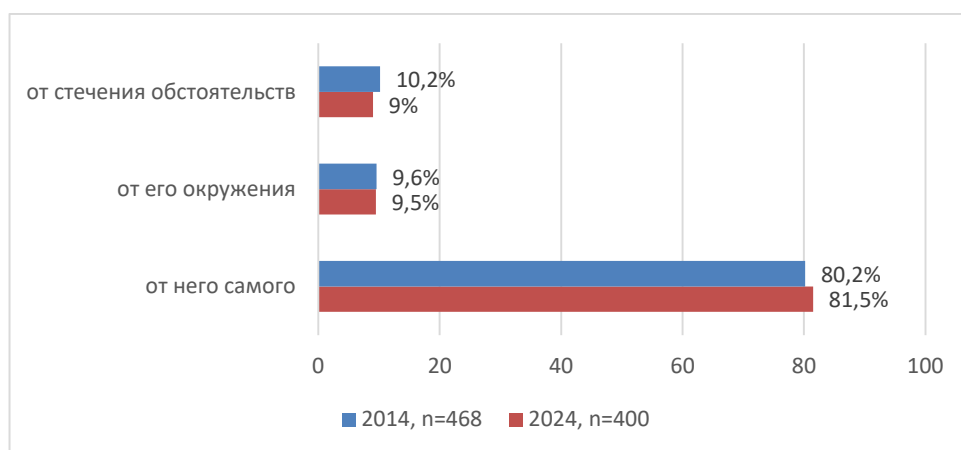

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, от чего в большей мере зависит жизнь человека?»

Больше половины опрошенных молодых людей признают свою ключевую роль не только в собственной судьбе, но и в жизни страны.

Приведенные данные демонстрируют значительный рост согласия с утверждением «Будущее нашей страны во многом зависит от молодежи» за десятилетний период – с 65,4 % в 2014 г. до 81,5 % в 2024 г. (рис. 2).

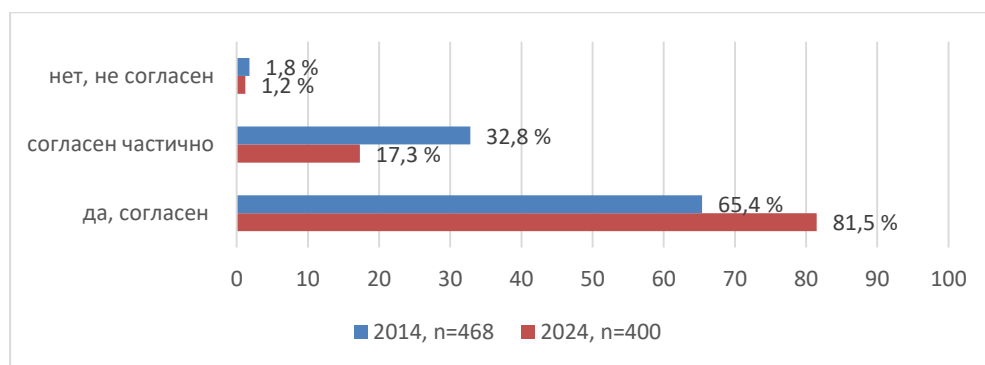

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением: “Будущее нашей страны во многом зависит от молодежи”?»

Признание собственного потенциала связано в целом с увеличением роли молодежи в обществе, она становится заметным субъектом социальных и экономических изменений. Участие молодых людей в политических процессах, инновационных проектах и активистских движениях (например, в волонтерской деятельности) усиливает восприятие себя как движущей силы. Эти данные свидетельствуют как о высокой оценке своего собственного потенциала и способностей как думающей и активной личности, так и о формировании все более позитивного общественного мнения относительно значимости молодежи для развития страны, что накладывает большую ответственность как на самих молодых людей, так и на государственные институты, обеспечивающие их поддержку и развитие.

Самыми приоритетными из сфер жизни для современной студенческой молодежи оказались семья и дети, уровень дохода и достаток, а также работа и карьера (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«Проранжируйте от 1 до 10 указанные сферы и аспекты жизни по значимости лично для Вас» (2014 г., $n = 468$; 2024 г., $n = 400$)

Ответы	Ранг, 2014	Ранг, 2024
Семья и дети	1	1
Уровень дохода и достаток	2	3
Работа и карьера	3	2
Собственное образование и развитие	4	5
Счастье и положительные эмоции	5	4
Общение и дружба	6	7
Отдых и приятное времяпрепровождение	7	6
Социальный статус и положение в обществе	8	8
Покупки и новые вещи	9	9
Социально полезная деятельность	10	10

Данные указывают на то, что для современной молодежи ключевыми приоритетами являются традиционные ценности, такие как семья и дети (78,3 %), что отражает их ориентацию на создание устойчивых и гармоничных социальных связей. Одновременно значительное внимание уделяется аспектам материального благополучия, включая уровень дохода и достаток (54,5 %), а также профессиональной самореализации через работу и карьеру (57 %). Современная молодежь стремится к балансу между личной жизнью и профессиональным развитием. Семья и дети остаются центральными жизненными приоритетами, что свидетельствует о сохранении традиционных ценностей. В то же время значимость дохода и карьеры подчеркивает стремление молодежи к независимости, стабильности и высокому качеству жизни. Такой подход демонстрирует прагматизм и готовность адаптироваться

к современным социально-экономическим реалиям, где успешное сочетание семейных и профессиональных интересов становится определяющим фактором удовлетворенности жизнью.

Группу наименее популярных сфер составили социальный статус и положение в обществе (11,8 %), покупки и новые вещи (6 %), а также социально полезная деятельность (4,3 %), эти сферы занимают низкие позиции среди заявленных приоритетов молодежи. Однако это не означает отсутствия интереса к этим сферам. Наоборот, парадокс заключается в том, что именно эти аспекты становятся ключевыми для самопрезентации молодежи в социальных сетях (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какие сферы и аспекты жизни значимы лично для Вас?»

Ситуация указывает на разрыв между внутренними ценностями и внешними проявлениями поведения молодежи. В реальной жизни приоритеты могут быть связаны с более глубокими личными или профессиональными целями, однако в цифровом пространстве молодежь стремится показать свой успех в сферах, которые обеспечивают видимое признание и подтверждение их значимости со стороны окружающих. Это отражает важность социальных сетей как платформы для формирования социальной идентичности и демонстрации статуса, что подтверждает влияние цифровой среды на поведенческие установки молодых людей.

Результаты опроса показывают сложное отношение молодежи к вопросу моральных принципов и их роли в достижении целей. Несмотря на то что большинство (45,3 % – в 2014 г. и 46,2 % – в 2024 г.) заявили, что не готовы отступить от своих моральных принципов, значительная часть респондентов (36,5 % – в 2014 г. и 32,8 % – в 2024 г.) затруднились ответить, а 18,2 %

в 2014 г. и 21 % в 2024 соответственно открыто заявили о готовности к компромиссу. Таким образом, доля тех, кто не исключает отказа от моральных принципов (54,7 % – в 2014 г. и 53,8 % – в 2024 г.), превысила долю категорически несогласных с этим (рис. 4).

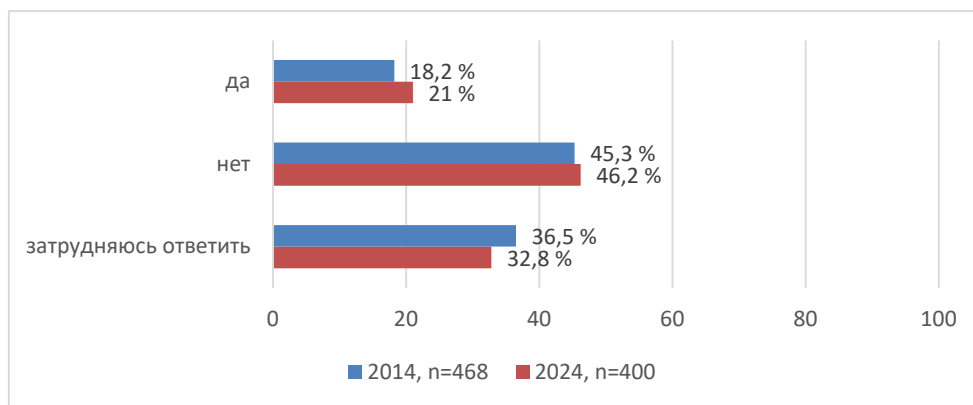

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы отказаться от своих моральных принципов для достижения целей?»

Кроме того, доминирующей остается ориентация молодежи на материальные ценности, несмотря на небольшое снижение ее значимости в период с 2014 по 2024 г. В 2014 г. 86,2 % респондентов отметили материальные ценности в качестве ключевой черты современной личности. В 2024 г. этот показатель снизился до 82,2 %, однако остается значительно выше по сравнению с долей тех, кто выбирает духовность.

Это свидетельствует о стабильности ориентации молодежи на материальные аспекты жизни, такие как доход, карьерные достижения и материальный достаток. Доля респондентов, выбравших духовность как ключевую ценность, увеличилась с 13,8 % в 2014 г. до 17,8 % в 2024 г. Этот прирост, хотя и незначительный, может быть связан с переоценкой жизненных приоритетов, влиянием глобальных кризисов, усилением интереса к личностному развитию и этическим аспектам. Несмотря на преобладание материальных ценностей, рост числа респондентов, подчеркивающих важность духовности, свидетельствует о существовании социальной группы, стремящейся к более глубокому и многогранному пониманию успеха, включая его духовные аспекты. Высокая ориентация на материальные ценности связана с экономической нестабильностью, социальными ожиданиями и значимостью материальных атрибутов как символов успеха. Однако постепенное усиление интереса к духовности может быть следствием влияния кризисов, стремления к устойчивости и поиска смыслов в условиях неопределенности (рис. 5).

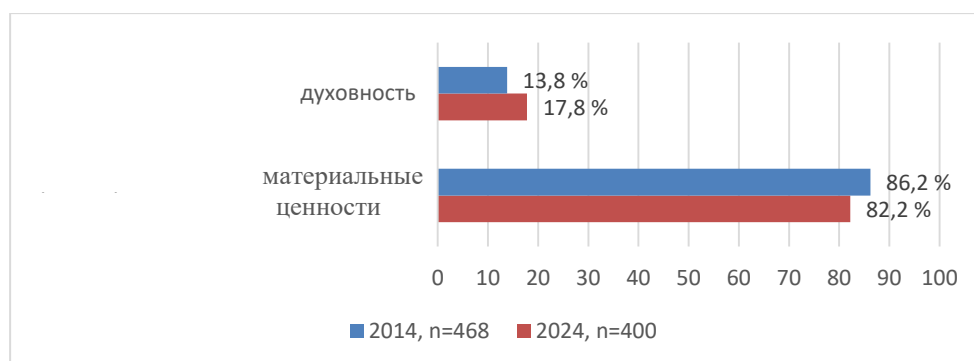

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос
«На Ваш взгляд, на что больше молодежь ориентируется в жизни?»

Проведенные исследования показали, что за десятилетие с 2014 по 2024 г. ценность индивидуализма среди молодежи значительно возросла – с 51,4 до 63,5 %. Это свидетельствует о том, что молодые люди все больше ориентируются на личную свободу, уникальность и самореализацию, отходя от стремления быть частью коллектива или соответствовать социальным шаблонам (рис. 6).

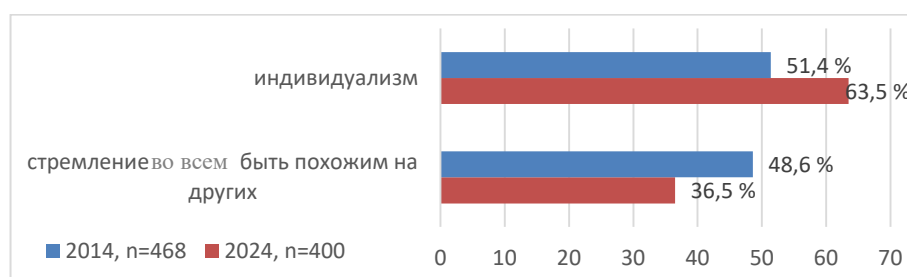

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос
«На что Вы больше ориентируетесь в своей жизни?»

Рост индивидуализма указывает на изменение ценностных ориентаций молодежи, обусловленное влиянием цифровой среды, глобализацией и экономической трансформацией. Молодежь 2020-х гг. выросла в условиях быстрого изменения технологий, новых форм общения и глобальных вызовов, что формирует поколение с акцентом на адаптивность, инновации и самостоятельность. Цифровая среда и доступ к глобальным ресурсам способствуют формированию уникальной идентичности, где человек может выражать себя через творчество, индивидуальные проекты и личные достижения. Социальные сети активно поощряют самопрезентацию и уникальность. Кроме того, рост возможностей в сфере предпринимательства, фриланса и гибкой занятости стимулирует молодежь развивать уникальные навыки и самостоятельно определять свою карьерную траекторию, что подчеркивает важность индивидуальности.

Полученные данные свидетельствуют о том, что ориентация на мобильность, пластичность и готовность к переменам остается ключевой чертой молодежи. Поддержка этой позиции выросла с 77,6 % в 2014 г. до 80,2 % в 2024 г., что подчеркивает усиление гибкости и адаптивности как важного качества для современных молодых людей. В то же время только 22,4 % в 2014 г. и 19,8 % в 2024 г. отдают предпочтение следованию одной выбранной модели поведения (рис. 7).

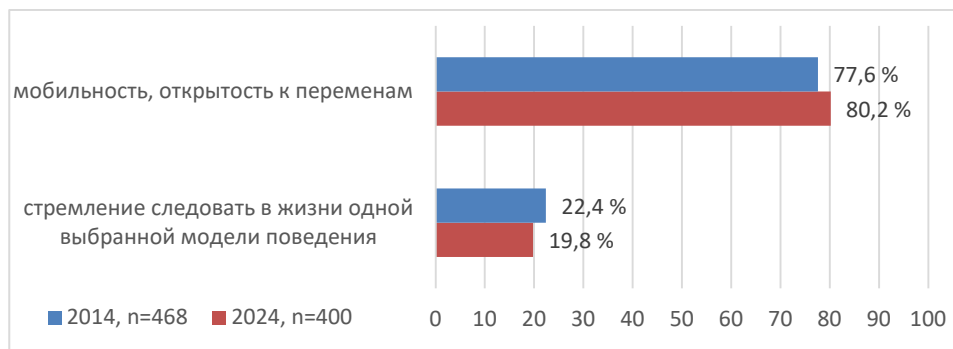

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос
«На что Вы больше ориентируетесь в своей жизни?»

Анализ данных свидетельствует о значительном снижении доли молодежи, которую можно охарактеризовать как «социальных эгоистов», – с 75,6 % в 2014 г. до 52 % в 2024 г. (рис. 8). Это указывает на позитивные изменения в социальном портрете молодежи, связанные с ростом ее готовности учитывать интересы других. Современные глобальные вызовы, такие как военные конфликты, экологические проблемы и пандемии, действительно стимулировали молодежь к большей эмпатии и ориентированности на коллективные интересы. Во-первых, в условиях кризисов молодежь сталкивается с необходимостью поддерживать друг друга и действовать сообща для преодоления трудностей. Это проявляется в повышенном интересе к социальным инициативам, волонтерской деятельности, экологическим движениям и глобальным проектам, направленным на улучшение условий жизни на планете. Во-вторых, пандемия, например, показала важность заботы о здоровье и благополучии других людей, что сделало многие социальные группы более чувствительными к нуждам и переживаниям окружающих. Также благодаря информационным технологиям молодежь имеет доступ к информации о мировых проблемах и может участвовать в глобальных дискуссиях, что способствует формированию более глобального и коллективного мировоззрения. В-третьих, военные конфликты и экологические катастрофы побуждают молодежь искать пути мирного разрешения споров, заниматься экологически устойчивыми проектами и поддерживать идеи социальной справедливости. Все эти факторы играют важную роль в формировании у молодежи эмпатии и ориентации на коллективное благо.

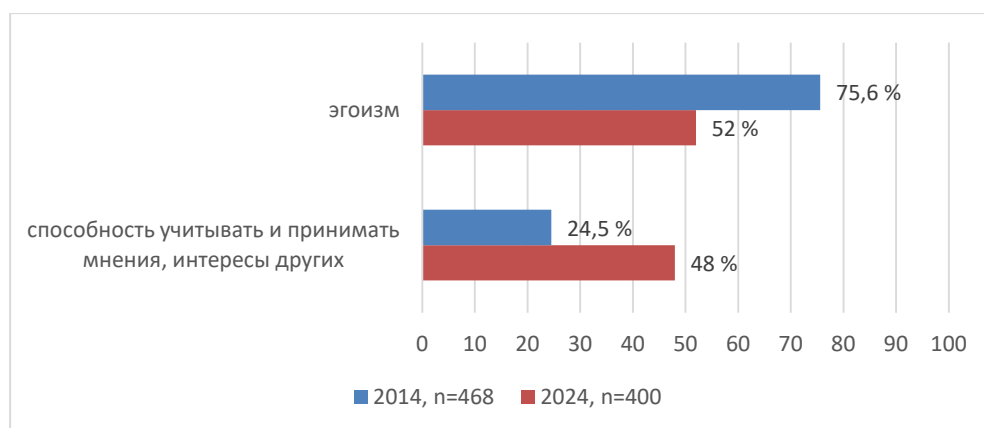

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос
«На что Вы больше ориентируетесь в своей жизни?»

Развитие программ, направленных на вовлечение молодежи в социально значимые проекты, способствует формированию у них осознания важности общественных интересов. В последние годы наблюдается сдвиг в сторону ценностей коллективной ответственности, взаимопомощи и участия в жизни общества, что отражает переоценку значимости исключительно индивидуальных целей.

Анализ ответов на вопрос «Что для Вас значит состояться в жизни?» в 2014 и 2024 гг. позволяет выявить как сохранение традиционных ценностей, так и значительные сдвиги в приоритетах молодежи. **Семья остается ключевой ценностью:** в 2014 г. большинство респондентов (72,1 %) отметили семью как главный показатель жизненной состоятельности. В 2024 г. значение этой ценности немного возросло (74,3 %), что подтверждает устойчивую приверженность молодежи к семейным ценностям. В то же время доля респондентов, связывающих жизненный успех с профессиональной самореализацией, существенно увеличилась с 50,7 % в 2014 г. до 69 % в 2024 г. Это может быть связано с осознанием значимости карьеры для достижения финансовой стабильности и личного удовлетворения. Наблюдается также **существенный рост ценности материального достатка:** позиция «жить в достатке» поднялась с пятого места (22,7 % в 2014 г.) на третье (60,8 % в 2024 г.). Этот сдвиг отражает повышение прагматизма молодежи, усиление экономической неопределенности и важность материального благополучия для устойчивого будущего. Также мы видим **повышение ценности жизни в радость и мечты:** доля тех, кто хочет «жить в радость», выросла с 37,9 до 50 %, а ориентация на исполнение своей мечты (возможно не одной) поднялась с 31,3 до 43,8 %. Это указывает на стремление молодежи к гармонии между достижением целей и личным счастьем, а также желание сохранить эмоциональное благополучие (рис. 9).

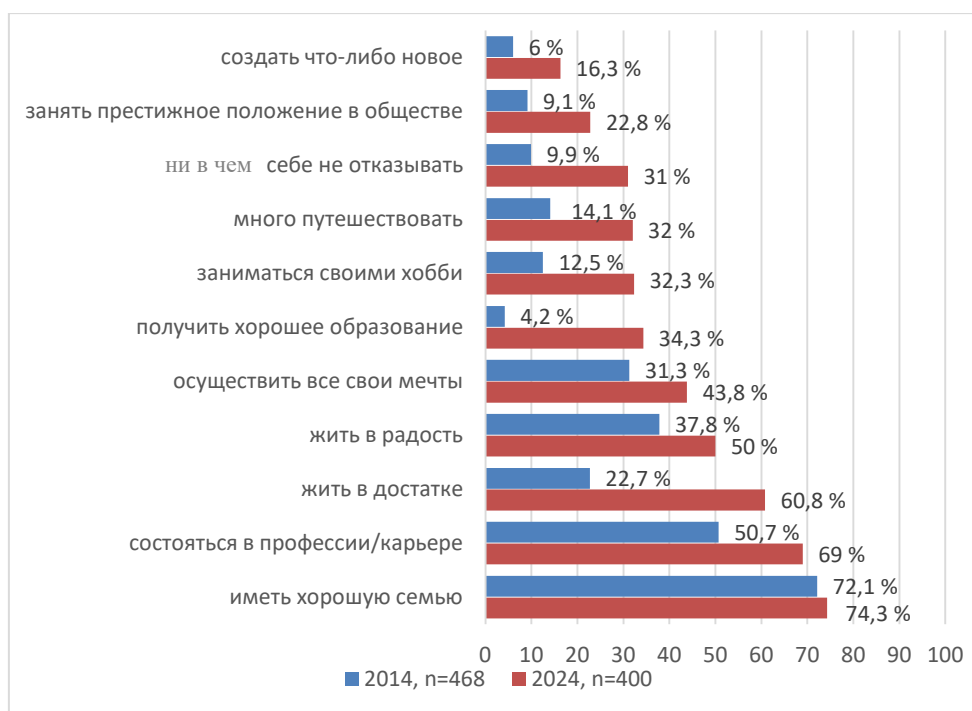

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас значит состояться в жизни?»

В период с 2014 по 2024 г. произошли заметные изменения в ценностных ориентациях молодежи, что свидетельствует о трансформации их жизненных устремлений и приоритетов. В 2014 г. только 4,2 % молодежи рассматривали получение хорошего образования как важную цель, тогда как в 2024 г. этот показатель вырос до 34,3 %. Это указывает на повышение осознания важности образования для профессионального успеха, самореализации и социального статуса. С 6 до 16,3 % увеличилась доля респондентов, стремящихся «создавать что-либо новое», что свидетельствует о росте амбиций в области креативности и стремлении к самовыражению через инновационную деятельность. В 2024 г. респонденты все чаще отмечали такие цели, как «повлиять на людей», «сделать мир лучше» и «оставить след в истории», что указывает на рост социальной ответственности и стремление к значимым изменениям в обществе. Это резкий контраст с 2014 г., когда такие ценности поддерживали менее 1 % опрошенных.

Заключение

Сравнение данных за 2014 и 2024 гг. показывает, что молодежь начинает отходить от упрощенных взглядов на жизнь, в основе которых материальный достаток, минимальная занятость и развлечения. Вместо этого появляются более сложные и амбициозные цели: получение качественного образования, профессиональный рост, творчество, влияние на общество и личное счастье. Это отражает увеличение уровня осознанности, социального

участия и стремления к самореализации, что связано с изменениями в общественных установках и растущими вызовами современной жизни. Изменения социального контекста, в котором ключевую роль играют быстро меняющиеся условия жизни, такие как цифровизация, глобализация и нестабильность рынка труда, приводят к росту ориентации молодежи на мобильность и пластичность. Молодые люди осознают необходимость адаптации и готовности к переменам, что становится важным аспектом их жизни. Снижение доли тех, кто предпочитает стабильность и одну модель поведения, указывает на постепенный отказ от традиционных и статичных жизненных стратегий в пользу гибкости, многозадачности и вариативности выбора. Студенческая молодежь демонстрирует снижение уровня эгоизма, что свидетельствует о ее трансформации в сторону большей открытости, эмпатии и вовлеченности в общественные процессы. В восприятии жизненного успеха традиционные ценности, такие как семья, дополняются усилением значимости карьерных и материальных достижений. Ориентация на финансовое благополучие и карьеру свидетельствует о прагматичном подходе молодежи к жизни в условиях экономических и социальных вызовов. Большинство студентов продолжают считать материальный достаток важным условием жизненного успеха, однако интерес к духовным ценностям и социально значимой деятельности постепенно растет, что свидетельствует о переосмыслении приоритетов.

Несмотря на приоритет материальных ценностей, молодежь не забывает о субъективном ощущении счастья и важности личностного роста, что демонстрирует сбалансированное отношение к жизни. Таким образом, изменения в приоритетах молодежи отражают как сохранение привычных ориентиров, так и их адаптацию к современным условиям, где карьерный и финансовый успех приобретает все большую значимость. Ориентация молодежи на материальные ценности остается устойчивой чертой, но изменения в сторону увеличения значимости духовности свидетельствуют о трансформации ценностных установок этой части общества.

Список литературы

1. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования : монография / под общ. ред. С. В. Чуева ; Государственный университет управления. М. : Издательский дом ГУУ, 2017. 131 с.
2. Андреев А. Л. Рецензия на книгу М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги «Молодежь России: социологический портрет» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1 (95). С. 201–205.
3. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. doi: 10.19181/nko.2023.29.3.1 EDN HMLFLO
4. Казакова В. И. Социальный портрет как объект феноменологического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 32–38.

5. Солнышкина М. Г., Шошина Я. М. Социальный портрет современной молодежи, имеющей татуировки // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 5. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1150> (дата обращения: 02.12.2024) doi: 10.17805/trudy.2019.5.1
6. Махиянова А. В. Методика составления социального портрета населения // Электронный экономический вестник Татарстана. 2015. № 1. С. 77–81.
7. Желнина Е. В., Папчихина М. А. Социальный портрет современного работающего студента: социологический анализ // Научен вектор на Балканите. 2019. Т. 3, № 3 (5). С. 59–66. doi: 10.34671/SCH.SVB.2019.0303.0015
8. Бесчасная А. А. Социальный портрет студента как компонент мониторинга качества организации образовательного процесса // Дискурс. 2019. Т. 5, № 5. С. 64–75.
9. Белинская Д. В., Задонская И. А., Томилин В. Ф. Социальный портрет современного студента (на примере студентов ТГУ им. Г. Р. Державина) // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 7 (9). С. 76–85.
10. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа (Russian youth within the context of sociological analysis) : монография. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=7555 doi: 10.19181/monogr.978-5-89697-317-1
11. Ярмек О. В., Дерюгин П. П., Ярмек В. Е. Социальный портрет современного студента // Дискурс. 2019. Т. 5, № 4. С. 53–64. doi: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-53-64
12. Гильдингерш М. Г., Шадрин А. А. Особенности социального портрета студента вуза // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. № 4 (51). С. 87–100.
13. Осипова Н. Г., Елишев С. О., Прончев Г. Б., Монахов Д. Н. Социально-политические процессы, институты социализации и субъекты молодежной политики современной России // Журнал перспективных исследований в области права и экономики. 2017. № 8 (2). С. 545–558.
14. Осипова Н. Г., Елишев С. О. Молодежь в системе социально-гуманитарных наук : монография. М. : Перспектива, 2022. 246 с.
15. Chigisheva O., Tarman B. Transformation of educational policy, theory and practice in post-soviet social studies education // Journal of Social Studies Education Research. 2017. Vol. 8, № 2. URL: https://www.academia.edu/92048862/Editorial_for_Special_Issue_Transformation_of_Educational_Policy_Theory_and_Practice_in_Post_Soviet_Social_Studies_Education

References

1. Chuev S.V. (ed.). *Tsennostnye orientatsii rossiyskoy molodezhi i realizatsiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki: rezul'taty issledovaniya: monografiya* = Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: research results: monograph. Moscow: Izdatel'skiy dom GUU, 2017:131. (In Russ.)
2. Andreev A.L. Review of the book by M.K. Gorshkov and F.E. Sheregi "Youth of Russia: a sociological portrait". *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* = Monitoring public opinion: economic and social changes. 2010;(1):201–205. (In Russ.)
3. Zubok Yu.A., Seliverstova N.A. Young people's ideas about the country's future in the projection of culture. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* = Science. Culture. Society. 2023;29(3):39–52. (In Russ.). doi: 10.19181/nko.2023.29.3.1 EDN: HMLFLO

4. Kazakova V.I. Social portrait as an object of phenomenological analysis. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2011;(1):32–38. (In Russ.)
5. Solnyshkina M.G., Shoshina Ya.M. Social portrait of modern youth with tattoos. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta = Proceedings of Moscow University of Humanities*. 2019;(5). (In Russ.). Available at: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1150> (accessed 02.12.2024) doi: 10.17805/trudy.2019.5.1
6. Makhiyanova A.V. Methodology for compiling a social portrait of the population. *Elektronnyy ekonomicheskyy vestnik Tatarstana = Electronic economic bulletin of Tatarstan*. 2015;(1):77–81. (In Russ.)
7. Zhelnina E.V., Papchikhina M.A. Social portrait of a modern working student: sociological analysis. *Nauchen vektor na Balkanite = Scientific vector in the Balkans*. 2019;3(3):59–66. (In Russ.). doi: 10.34671/SCH.SVB.2019.0303.0015
8. Beschasnaya A.A. Social portrait of a student as a component of monitoring the quality of the organization of the educational process. *Diskurs = Discourse*. 2019;5(5):64–75. (In Russ.)
9. Belinskaya D.V., Zadonskaya I.A., Tomilin V.F. Social portrait of a modern student (based on the example of students of the G.R. Derzhavin Tomsk State University). *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-economic phenomena and processes*. 2014;(7):76–85. (In Russ.)
10. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Rossiyskaya molodezh' v kontekste sotsiologicheskogo analiza (Russian youth within the context of sociological analysis): monografiya = Russian youth in the context of sociological analysis (Russian youth in the context of sociological analysis): monograph*. Moscow: FNISTs RAN, 2019:263. (In Russ.). Available at: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=7555 doi: 10.19181/monogr.978-5-89697-317-1
11. Yarmak O.V., Deryugin P.P., Yarmak V.E. Social portrait of a modern student. *Diskurs = Discourse*. 2019;5(4):53–64. (In Russ.). doi: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-53-64
12. Gil'dingersh M.G., Shadrin A.A. Features of the social portrait of a university student. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium = Vectors of well-being: economy and society*. 2023;(4):87–100. (In Russ.)
13. Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monakhov D.N. Socio-political processes, institutions of socialization and subjects of youth policy in modern Russia. *Zhurnal perspektivnykh issledovaniy v oblasti prava i ekonomiki = Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2017;(8):545–558. (In Russ.)
14. Osipova N.G., Elishev S.O. *Molodezh' v sisteme sotsial'no-gumanitarnykh nauk: monografiya = Youth in the system of social and humanitarian sciences: monograph*. Moscow: Perspektiva, 2022:246. (In Russ.)
15. Chigisheva O., Tarman B. Transformation of educational policy, theory and practice in post-soviet social studies education. *Journal of Social Studies Education Research*. 2017;8(2). Available at: https://www.academia.edu/92048862/Editorial_for_Special_Issue_Transformation_of_Educational_Policy_Theory_and_Practice_in_Post_Soviet_Social_Studies_Education

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Владимировна Розенберг

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и социальных коммуникаций,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: rozenbergnv@mail.ru

Natal'ya V. Rozenberg

Doctor of philosophical sciences, professor,
head of the sub-department of philosophy
and social communications, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Юлия Леонидовна Афанасьева

кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии
и социальных коммуникаций,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Yuliya L. Afanasyeva

Candidate of sociological sciences,
associate professor of the sub-department
of philosophy and social communications,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Ирина Александровна Рудакова

кандидат социологических наук, доцент
кафедры философии и социальных
коммуникаций, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: irina-ia@yandex.ru

Irina A. Rudakova

Candidate of sociological sciences,
associate professor of the sub-department
of philosophy and social communications,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.03.2025

Принята к публикации / Accepted 26.03.2025

УДК 316

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-4

Комфортность городской среды Пензы в оценках студенческой молодежи

Н. В. Корж¹, В. Н. Супиков²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹natalya.korzh@mail.ru, ²supikov.vadim@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Современные городские агломерации становятся центрами обучения, производства, торговли, предоставления услуг, проведения досуга и т.д. В зависимости от качества и комфорта городской инфраструктуры формируется отношение к данному поселению как у местных жителей, так и у туристов. Молодые люди являются активными пользователями инфраструктурных объектов городской среды. Если город не позволяет молодежи в полной мере реализовать себя, они покидают его. Целью работы является изучение параметров комфортности городской среды Пензы для современной студенческой молодежи. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели были использованы результаты авторского исследования, проведенного среди студенческой молодежи в 2024 г. Кроме того, были использованы данные общероссийских опросов, представленных Всероссийским центром изучения общественного мнения. *Результаты.* В рамках исследования было выявлено понимание комфортности городской среды среди молодежи, определены трудности, с которыми сталкиваются молодые люди в своем городе, охарактеризован досуг молодежи. *Выводы.* Проведенное исследование позволило выявить неоднозначные оценки со стороны студенческой молодежи комфортности городской среды Пензы. Молодые люди выделили положительные стороны проживания в своем городе, а также акцентировали внимание на проблемах. Результаты исследования показали, что, несмотря на положительные оценки окружающей их городской среды, они готовы уехать в более крупные города, которые предоставляют больше возможностей для самореализации и успешного трудоустройства.

Ключевые слова: город, студенческая молодежь, городская среда, возможности, комфортность

Для цитирования: Корж Н. В., Супиков В. Н. Комфортность городской среды Пензы в оценках студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 42–54. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-4

Comfort of the urban environment of Penza as assessed by student youth

N.V. Korzh¹, V.N. Supikov²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

natalya.korzh@mail.ru¹, supikov.vadim@mail.ru²

Abstract. *Background.* Modern urban agglomerations are becoming centers of education, production, trade, provision of services, leisure, etc. Depending on the quality and comfort of the urban infrastructure, the attitude towards this settlement is formed both by local residents and tourists. Young people are active users of the infrastructure facilities of the urban environment. If the city does not allow young people to fully realize themselves, they leave it. The purpose of this work is to study the parameters of the comfort of the urban environment of Penza for modern student youth. *Materials and methods.* To achieve this goal, the results of the author's study conducted among student youth in 2024 were used. In addition, data from all-Russian surveys presented by VTSIOM were used. *Results.* The study revealed the understanding of the "comfortability of the urban environment" among young people, identified the difficulties that young people face in their city, and characterized the leisure of young people. *Conclusions.* The study revealed ambiguous assessments of the comfort of the urban environment of Penza from student youth. Young people highlighted both the positive aspects of living in their city and focused on the problems. The results of the study showed that despite positive assessments of the urban environment around them, they are ready to move to larger cities that provide more opportunities for self-realization and successful employment.

Keywords: city, student youth, urban environment, opportunities, comfort

For citation: Korzh N.V., Supikov V.N. Comfort of the urban environment of Penza as assessed by student youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(1): 42–54. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-4

Введение

В настоящее время большинство населения проживает в городах и темп миграции сельского населения в города не снижается. Согласно мировому рейтингу стран по доле городских жителей в структуре всего населения страны, который представлен United Nations Department of Economic and Social Affairs, Россия находится на 60 месте (74,6 %) [1]. Современный город представляет собой среду, которая создается в результате взаимодействия различных социальных структур, реализации целей и потребностей социальных групп, сформированных социальных отношений и взаимосвязей. В зависимости от социально-экономического, территориального положения, этнического состава города формируется привычная жизнь горожан.

Сегодня в процессе урбанизации происходит конструирование комфортной для жизнедеятельности человека среды, позволяющей в ней жить и реализовывать свой потенциал.

Характеристики города и проживающего в нем социального сообщества начали привлекать внимание ученых еще в конце XIX – начале XX в. Одними из первых к социологическому анализу урбанизации обратились

такие социологи, как М. Вебер [2], Ф. Теннис [3], Г. Зиммель [4] и др. Представители Чикагской школы социологии анализируют личность в городской среде и способы взаимодействия в городском пространстве [5]. Отечественные ученые также проявляли интерес к проблемам урбанизации, среди них можно выделить О. Н. Яницкого [6], Л. Б. Когана [7], В. Г. Ильина [8] и др. Современные социологи исследуют проблемы отдельных городов [9–11], социальное взаимодействие в городском пространстве [12], особенности «умных городов» [13] и т.д. Объектом внимания социологов в городском пространстве выступает целый ряд вопросов, связанных с тем, что в нем сосуществуют различные социальные группы, отличающиеся по социально-демографическим, духовно-ценностным, поведенческим, профессиональным и другим характеристикам.

С развитием общества город становится не только местом проживания и удовлетворения основных потребностей, но и местом самореализации личности. В связи с этим все чаще исследователи обращаются к понятию «комфортная городская среда», которая представляет собой не просто условия, а именно благоприятные условия для жизнедеятельности человека.

Начиная с 2018 г. действует Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды», целью которого является благоустройство и развитие городов [14]. Для достижения целей реализации данного проекта был разработан индекс качества городской среды, оценивающий шесть видов пространства (жилье, улично-дорожную сеть, озеленение, общественно-деловую и социально-досуговую инфраструктуру и общегородское пространство). Данные виды пространства оцениваются по таким критериям, как безопасность, комфортность, экологичность, современность среды, идентичность и разнообразие, эффективность управления [15].

Государственные инициативы направлены на реконструкцию исторических объектов, улучшение городского пространства для семей с детьми, повышение качества жизни городского населения. Однако, несмотря на реализуемые федеральные программы, в большинстве городов появляются различные социальные проблемы, требующие анализа и изучения. В зависимости от инфраструктуры, экономического и социального развития, места расположения привлекательность города будет различной. Сегодня комфортная городская среда должна удовлетворять основные потребности человека в труде, досуге, образовании, медицине и т.д. Большая часть перечисленных потребностей реализуется в больших городах, так как в них лучше представлена инфраструктура, больше рабочих мест, представлен широкий выбор мест досуга, образования, самореализации в связи с этим города-миллионники становятся более привлекательными для места проживания. Если город соответствует основным требованиям его жителей, то миграция из данного поселения снижается. Как отмечает Е. А. Попов, город должен не только позволять личности самореализовываться и достигать благополучия, но и давать дополнительные возможности социализации [16, с. 20–24]. Данная проблема

актуальна в молодежной среде. Для молодого поколения характерна активная мобильность, поиск лучшего для себя места проживания и самореализации, именно поэтому в большинстве провинциальных городов фиксируется отток молодежи в экономически развитые города. Степень удовлетворенности своим городом определяет будущие стратегии молодых людей: так, если место проживания соответствует их требованиям, они остаются в родном городе, если городская среда не оправдывает их ожиданий, молодежь переезжает в более благоприятные и комфортные места для них.

Проведенные общероссийские исследования показывают, что старшее поколение оценивает качество городской среды своего населенного пункта выше, чем молодежь. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), молодые люди (25–34 года) оценили свое место проживания как определенно хорошее (20 %) и скорее хорошее (44 %), а люди в возрасте старше 60 – определенно хорошее (24 %) и скорее хорошее (48 %) [17]. Стоит отметить, что по результатам данного исследования выделена существенная разница между качеством городской среды в Москве и Санкт-Петербурге и других городах.

Понимание представлений молодежи о своем городе позволяет выявить основные проблемы, из-за которых молодые люди мигрируют в более крупные города.

Материалы и методы

Анализ оценок комфортности городской среды Пензы проводился по результатам авторских исследований. Было проведено анкетирование среди студентов г. Пензы (2024 г., $n = 314$), а также две фокус-группы (2024 г., число участников в каждой – 9) среди студентов Пензенского государственного университета. Для сравнения полученных данных авторского исследования использовались результаты общероссийских опросов, проведенных ВЦИОМ: «Комфортная среда: оценки жителей российских городов» (23 июля 2023 г., $n = 1600$) [17]; «Среда, которая нас формирует. Как россияне оценивают качество городской среды и динамику ее изменения» (21 октября 2020 г., $n = 1600$) [18].

Результаты

Современная молодежь отличается от предыдущих поколений не только ценностными ориентациями, но и предоставляемыми им возможностями выбора. Молодые люди в настоящее время имеют неограниченный доступ к различной информации, что позволяет им сравнивать, оценивать и выбирать наиболее выгодные им модели поведения. В современных условиях меняется среда обитания личности, что приводит к изменению привычных практик, образа жизни. Городская среда как искусственно созданная среда обитания человека также подвержена трансформациям из-за влияния потребностей городских жителей.

Молодые люди относятся к наиболее активной части населения, которые в своих моделях поведения по-разному формируют городскую среду: кто-то предлагает свои инициативы по улучшению качества городской среды, кто-то принимает участие в благоустройстве своих территорий, кто-то уезжает из своего родного города в поисках более комфортного проживания, кто-то ничего не делает для улучшения своего места жительства.

Анализ результатов проведенных фокус-групп позволил выявить, что студенческая молодежь под комфортной городской средой понимает прежде всего комфортные условия для проживания различных групп населения. Как отмечают студенты, в комфортной городской среде человек должен удовлетворять все свои потребности, тогда городское поселение сможет расширяться за счет пополнения жителей и способствовать экономическому развитию.

Муж., 19 лет: «Комфортная городская среда – это пространство, в котором людям хочется находиться. В это понятие можно включить много критериев, таких как экология, архитектура, инфраструктура и т.д. Если качество городской среды соответствует ожиданиям ее жителей, то образ города имеет положительное впечатление».

Жен., 21 год: «Комфортная городская среда подразумевает создание условий, способствующих удобству и благополучию горожан. Создание комфортной городской среды требует комплексного подхода, учитывающего потребности различных групп населения и стремление к улучшению качества жизни всех граждан в городе».

Жен., 19 лет: «“Городская среда” – это комплексное понятие, которое включает в себя все элементы, формирующие облик и атмосферу города, а “комфортная городская среда” – это созданные условия, в которых личности удобно проживать, удовлетворять свои потребности, реализовывать свой потенциал».

В своих мнениях студенты подчеркивают, что комфорт городского пространства должен способствовать удовлетворению потребностей его жителей, повышать качество жизни.

Согласно индексу качества городской среды, Пенза по итогам 2023 г. получила 205 баллов из 360 возможных [19]. Данный показатель можно отнести к средним общероссийским значениям.

Социологический опрос, проведенный среди студенческой молодежи, позволил выявить мнения о городской среде Пензы. Большинство респондентов достаточно высоко оценивают городскую среду. Так, 47,1 % опрошенных признали городскую среду как скорее хорошую, чем нет; 15,9 % – очень хорошую и 14 % – отличную. Почти 78 % студентов согласились с тем, что городская среда оказывает прямое воздействие на социальное самочувствие горожан, которое выражает эмоционально-оценочное отношение личности к социальной реальности в определенный период времени и в конкретном регионе [20, с. 904].

Необходимо отметить, что студенческая молодежь находится на этапе получения профессионального образования и поэтому оценивает те условия, которые помогут ей реализовать профессиональные и жизненные стратегии. В связи с этим молодые люди выделили основные трудности, с которыми сталкивается молодежь в г. Пензе (рис. 1).

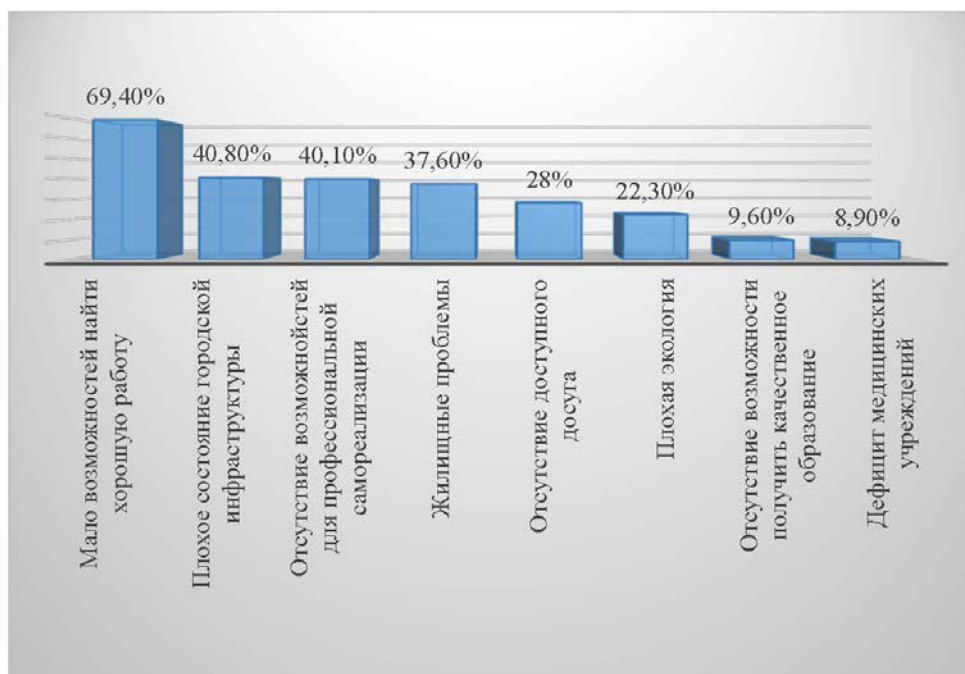

Рис. 1. Трудности, с которыми сталкивается пензенская молодежь
($n = 314$, многовариантные ответы)

Анализ данных социологического опроса показал, что большая часть проблем в рамках города связана с трудоустройством. 69,4 % опрошенных отметили ограниченные возможности найти хорошую работу и 40,1 % – отсутствие самореализации в профессиональной деятельности. Проблема занятости молодежи является актуальной для многих провинциальных городов России. Заканчивая профессиональные заведения, молодые люди уезжают в крупные города, где находят высокооплачиваемую работу и лучшие возможности для карьерного продвижения. Как и многие другие регионы России, г. Пенза сталкивается с экономическими вызовами, такими как уровень безработицы и недостаток рабочих мест. Это может привести к миграции молодежи в поисках лучших возможностей.

Данные, приведенные ВЦИОМ в 2020 г., показывают тенденцию к обострению данной проблемы в зависимости от численности населенного пункта (рис. 2).

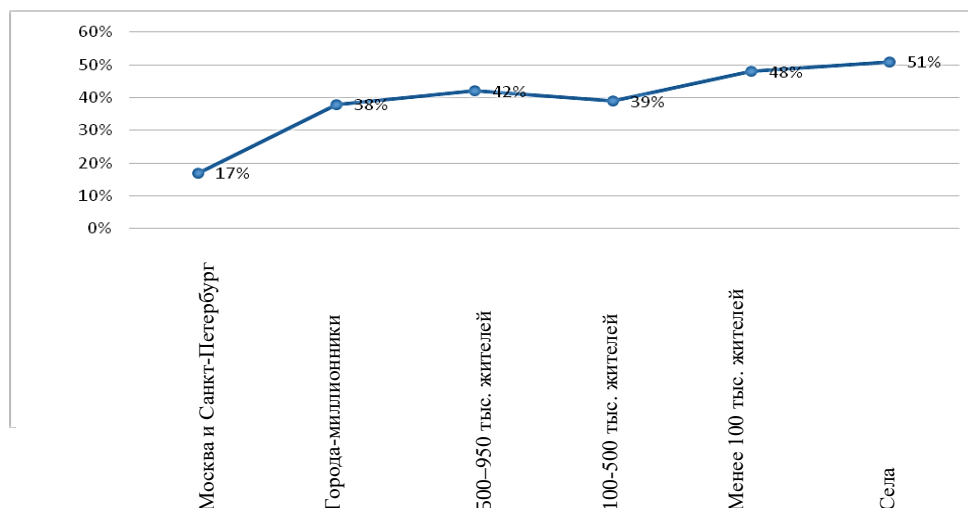

Рис. 2. Проблема занятости населения в населенных пунктах / городах [18]

Таким образом, оценивая свой населенный пункт, жители характеризуют возможности удовлетворения своих потребностей. Трудовая занятость позволяет личности удовлетворять материальные, профессиональные, социальные потребности, самовыражаться, в связи с этим проблема занятости может замедлять социально-экономическое развитие города, вызывая недовольство жителей населенного пункта.

Еще одним из важных пространств, составляющих комфортную городскую среду, является социально-досуговая инфраструктура. Досуговая деятельность характерна для всех групп населения, но особую актуальность она приобретает в молодежной среде. Молодые люди имеют больше возможностей для выбора проведения своего досуга, так как они в меньшей степени обременены бытовыми и семейными проблемами. В настоящее время досуг может по-разному проводиться и выполнять различные функции: развлечения, просвещения и т.д.

Большинство опрошенных студентов считают, что в Пензе созданы все условия для проведения досуга молодежи (скорее да – 47,1 %; да – 31,8 %; скорее нет – 14 %; нет – 3,2 %). Способ проведения свободного времени будет индивидуальным для каждой отдельной личности, в зависимости от ее ценностей и предпочтений. Проведенное исследование показало, что досуг студентов в основном направлен на развлечения. Основным местом проведения свободного времени становятся магазины и торговые центры (82,2 %), кафе и рестораны (73,2 %), кинотеатры (63 %). На четвертом по значимости месте студенты отметили посещение парка, леса, пребывание на природе (58,6 %). Познавательный досуг, к сожалению, не особо популярен среди студентов (посещение театра – 22,3 %; выставки, музеи – 15,9 %; библиотека – 8,9 %). Возможно, такие данные объясняются тем, что торговые центры и магазины находятся в шаговой доступности, кроме того, в крупных торговых центрах представлены не только торговые зоны, но и фуд-корты, кинотеатры, детские игровые зоны.

Несмотря на то что результаты массового опроса не выявили популярность посещения культурных объектов, в рамках фокус-групповых дискуссий в качестве привлекательных аспектов г. Пензы студенты выделили культурно-исторические объекты и озеленение города.

Жен., 21 год: «Пенза может выглядеть привлекательной для проживания за счет культуры (в Пензе есть интересные места и достопримечательности) и экологии (наш город можно считать достаточно озелененным городом)».

Жен., 19 лет: «Я считаю, что наш город может выглядеть привлекательным для проживания благодаря нескольким компонентам, таким как культура и образование. Пенза имеет богатую культурную историю, и в ней проводится много культурных мероприятий, город известен своими театрами, музеями и художественными галереями. Это создает благоприятную атмосферу для жителей, способствуя развитию творческих способностей и культурного обмена. Также наличие образовательных учреждений различного уровня привлекает студентов и молодых специалистов из соседних областей».

Муж., 21 год: «Я считаю, что Пенза – один из самых зеленых городов России. Здесь много парков и скверов, что делает жизнь более комфортной и приятной. Чистый воздух и наличие зеленых зон очень важны для здоровья, особенно для студентов, которые часто проводят много времени на улице».

Несмотря на то что молодые люди отмечают наличие возможностей для самореализации в Пензе, многие в перспективе готовы переехать в более крупный город. Так, 71,3 % респондентов отметили, что в их городе есть все возможности для самореализации молодежи, 21,7 % затруднились ответить и только 7 % не видят в данном городе возможности реализации своего потенциала.

При этом 58,6 % студентов хотели бы переехать в другой город (рис. 3). Среди городов, в которые они хотели бы уехать, Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Казань.

Пенза является областным центром, в котором сосредоточены образовательные, медицинские, производственные и социальные объекты региона. Несмотря на реализацию различных государственных проектов по улучшению благоустройства, повышению демографии, социальной защищенности населения, численность жителей города за два последних года снизилась почти на 21 тыс. чел. (2022 г. – 509,5 тыс. чел, а 2024 г. – 488,3 тыс. чел.) и увеличился средний возраст жителей с 41,7 до 43,1 года [21].

Статистические данные указывают на уменьшение и старение населения, в связи с этим в рамках проведенного исследования студенческая молодежь выделила возможные причины миграции населения в более крупные города.

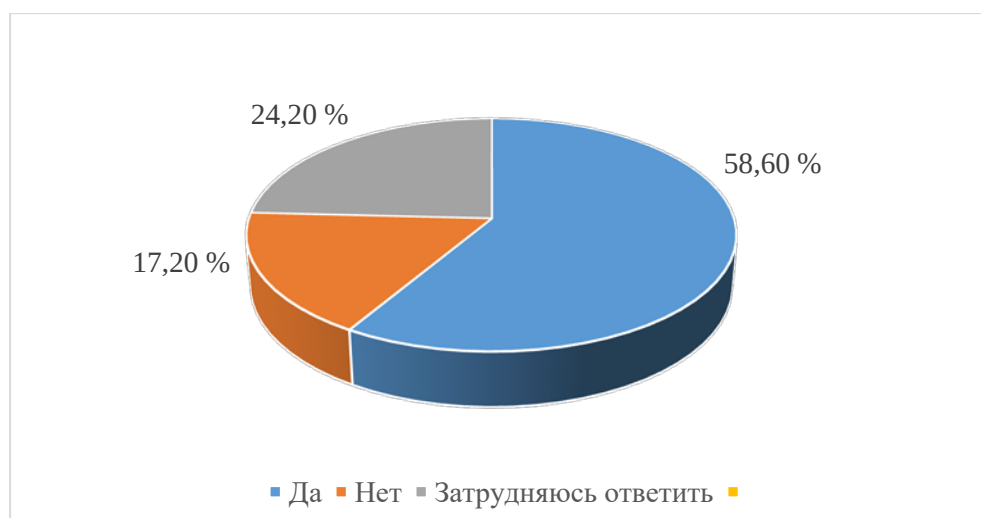

Рис. 3 Распределение ответов на вопрос «Если бы у Вас была бы возможность, Вы хотели бы переехать жить в другой город?» (n = 314)

Молодые люди в целом положительно относятся к своему городу и готовы в нем проживать, но не сейчас. В фокус-групповых дискуссиях молодежь рекомендовала Пензу как место для «спокойной, размеренной жизни», но не для амбициозных, целеустремленных молодых людей, желающих профессионального и карьерного роста.

Жен., 21 год: «Я не рекомендовала бы молодому поколению Пензу для проживания, так как это типичный провинциальный городок в России. Здесь нет возможности дальнейшего развития, нет интересных образовательных и творческих программ. А вот людям старшего поколения, возможно бы, Пенза подошла для проживания, так как такому поколению нужна тихая и спокойная жизнь. Все удобства (больницы, аптеки, магазины и т.д.) под рукой».

Жен., 19 лет: «Я бы порекомендовала свой город для проживания, потому что в нем очень интересно, хорошо развита культурная сфера и сфера развлечений. Спокойный город, особенно подойдет для пенсионеров и тех, кто любит историю. Много садов и парков, магазины рядом с домом. Пенза не большая, и доехать от одного конца города до другого не очень долго. Работа есть, но если хочется большего, то этот город не подходит».

Муж., 21 год: «Если бы люди нуждались в возможностях для роста и развития, реализации своих амбиций, то я бы не порекомендовал Пензу, поскольку здесь, по моему мнению, сложно добиться каких-либо высот».

По результатам фокус-групповых дискуссий можно сделать вывод о том, что молодые люди свой город рассматривают для проживания после реализации своих карьерных и материальных целей. По их мнению, данный город подходит для семей с маленькими детьми и для людей более старшего возраста (пенсионеров). Как отметила студенческая молодежь, для вышеуказанных социальных групп созданы все возможности и инфраструктурные объекты для комфортного проживания.

Заключение

В настоящее время город оказывает воздействие на реализацию жизненных возможностей, профессионального и творческого потенциала, достижение материального благополучия молодых людей. Результаты проведенного исследования позволили выявить ряд особенностей восприятия своего города со стороны студенческой молодежи. С одной стороны, студенты лояльны к своему месту проживания, больше половины опрошенных удовлетворены качеством городской среды, с другой стороны, также больше половины опрошенных готовы (или собираются) переехать в более крупный город. Таким образом, можно сделать вывод, что положительное отношение к своему городу не является удерживающим фактором. Среди положительных аспектов проживания в своем городе респонденты отметили наличие культурных объектов, хорошую экологию, спокойную жизнь, однако выделили и существующие недостатки, такие как мало возможностей для успешного трудоустройства, самореализации.

В современном мире можно наблюдать быстрый социально-экономический процесс развития одних городов и замедление или упадок других. Причинами, как правило, выступают возможности, которые предоставляются личности в том или ином населенном пункте. Хорошая инфраструктура, качественное жилье, благоустроенная придомовая зона не являются первостепенным фактором выбора города для проживания. В первую очередь индивид обращает внимание на наличие вакантных мест на местном рынке труда и уровень заработных плат. Именно поэтому города, где есть возможность получить качественное образование, удачно трудоустроиться, самореализоваться в профессии, привлекают молодежь.

Список литературы

1. Рейтинг стран мира по уровню урбанизации // Гуманитарный портал: исследования и прогнозы. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index>
2. Вебер М. Город // Избранные произведения / пер. с нем. и общ. ред. Ю. Н. Давыдов. М. : Прогресс, 1990. С. 309–446.
3. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. М. : Фонд Университет ; СПб. : Владимир Даль, 2002. 450 с.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–12.
5. Чикагская школа социологии : сб. пер. / сост. и пер. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко ; РАН ; ИНИОН ; Центр социал. науч.-информ. исслед. ; Отд. социологии и социал. психологии. М. : ИНИОН РАН, 2015. 430 с.
6. Яницкий О. Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117–126.
7. Коган Л. Б. Города и политика: российские уроки. Обнинск : Институт муниципального управления, 2003. 216 с.
8. Ильин В. Г. Город: образ, концепт, реальность (социокультурный анализ). Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2003. 248 с.

9. Стрельникова А. В., Веригина Т. Е. Город технологичный или город «удобный»: урбанистические тенденции и их воплощение (на примере Москвы) // Мир России. 2023. Т. 32, № 3. С. 6–27. doi: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-6-27 EDN: TSEFFG
10. Алакшин А. Э., Андреев А. Н., Барабанова К. С. [и др.]. Живая среда Петербурга. Город как дом // Социокультурное пространство Санкт-Петербурга: репрезентации и интерпретации. К 350-летию Петра I и 320-летию Петербурга : монография / отв. ред.: В. В. Козловский, Н. Е. Мазалова ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. С. 179–185.
11. Караханова Т. М., Большакова О. А. Свободное время городских жителей: динамика использования // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. Вып. 21. С. 350–383. doi: 10.19181/ezheg.2023.14
12. Бредникова О. Е. Соседствование в российском большом городе: время и место соседских коммуникаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 1. С. 118–142. doi: 10.31119/jssa.2023.26.1.5 EDN: FSHRQC
13. Рубан Л. С., Забузов О. Н. Эволюция городов: от укрепленных военных поселений к умным городам // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 11 (80). С. 3102–3110. doi: 10.35775/PSI.2021.80.11.011
14. Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» реализуется в рамках национального проекта «Жилье и городская среда». URL: <https://gorodsreda.ru/>
15. Методика индекса качества городов // Индекс качества городской среды. URL: <https://xn---dtbccdtsypabxk.xn--p1ai/#/methodology>
16. Попов Е. А. Городская среда как объект изучения в социологии // Социодинамика. 2019. № 9. С. 20–24. doi: 10.25136/2409-7144.2019.9.30465
17. Комфортная среда: оценки жителей российских городов // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2023. 23 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov>
18. Среда, которая нас формирует. Как россияне оценивают качество городской среды и динамику ее изменения // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2020. 21 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sreda-kotoraya-nas-formiruet-kak-rossiyane-ocenivayut-kachestvo-gorodskoj-sredy-i-dinamiku-ee-izmeneniya>
19. Индекс качества городской среды в разрезе городов и субъектов Российской Федерации за 2023 год // Минстрой России. URL: https://minstroyrf.gov.ru/docs/364202/?clear_cache=Y
20. Кошарная Г. Б., Корж Н. В. Социальное самочувствие студенческой молодежи (региональный аспект) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 4. doi: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-905-918
21. Официальный сайт администрации г. Пензы. URL: <https://www.penza-gorod.ru>

References

1. Ranking of countries of the world by level of urbanization. *Gumanitarnyy portal: issledovaniya i prognozy = Humanitarian portal: research and forecasts*. (In Russ.). Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index>
2. Veber M. City. *Izbrannye proizvedeniya = Selected works. Transl. from German*. Moscow: Progress, 1990:309–446. (In Russ.)

3. Tennis F. *Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii = Community and society. Basic concepts of pure sociology*. Transl. from German by D.V. Sklyadnev. Moscow: Fond Universitet; Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2002:450. (In Russ.)
4. Zimmel' G. Big cities and spiritual life. *Logos*. 2002;(3):1–12. (In Russ.)
5. Nikolaev V.G. (comp. and transl.), Efremenko D.V. (resp. ed.). *Chikagskaya shkola sotsiologii: sb. per. = Chicago school of sociology: collected translations*. Moscow: INION RAN, 2015:430. (In Russ.)
6. Yanitskiy O.N. History of urban sociology in Russia: evolution of ideas. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2016;(8):117–126. (In Russ.)
7. Kogan L.B. *Goroda i politika: rossiyskie uroki = Cities and Politics: Russian Lessons*. Obninsk: Institut munitsipal'nogo upravleniya, 2003:216. (In Russ.)
8. Il'in V.G. *Gorod: obraz, kontsept, real'nost' (sotsiokul'turnyy analiz) = City: image, concept, reality (sociocultural analysis)*. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 2003:248. (In Russ.)
9. Strel'nikova A.V., Verigina T.E. Technological city or “convenient” city: urban trends and their implementation (using Moscow as an example). *Mir Rossii = The World of Russia*. 2023;32(3):6–27. (In Russ.). doi: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-6-27 EDN: TSEFFG
10. Alakshin A.E., Andreev A.N., Barabanova K.S. et al. Living environment of St. Petersburg. The city as a home. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo Sankt-Peterburga: reprezentatsii i interpretatsii. K 350-letiyu Petra I i 320-letiyu Peterburga: monografiya = Sociocultural space of St. Petersburg: representations and interpretations. To the 350th anniversary of Peter I and the 320th anniversary of St. Petersburg: monograph*. Moscow: FNISTs RAN, 2023:179–185. (In Russ.)
11. Karakhanova T.M., Bol'shakova O.A. Free time of city dwellers: dynamics of use. *Rossiia reformiruyushchayasya: ezhegodnik = Russia in reform: yearbook*. Moscow: FNISTs RAN, 2023;(1):350–383. (In Russ.). doi: 10.19181/ezheg.2023.14
12. Brednikova O.E. Neighborhood in a Russian big city: time and place of neighborly communications. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = Journal of sociology and social anthropology*. 2023;26(1):118–142. (In Russ.). doi: 10.31119/jssa.2023.26.1.5 EDN: FSHRQC
13. Ruban L.S., Zabuzov O.N. The evolution of cities: from fortified military settlements to smart cities. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy = Issues of national and federal relations*. 2021;11(11):3102–3110. (In Russ.). doi: 10.35775/PSI.2021.80.11.011
14. *Federal'nyy projekt «Formirovanie komfortnoy gorodskoy sredy» realizuetsya v ramkakh natsional'nogo projekta «Zhil'e i gorodskaya sreda» = The federal project “Formation of a comfortable urban environment” is being implemented within the framework of the national project “Housing and urban environment”*. (In Russ.). Available at: <https://gorodsreda.ru/>
15. Methodology of the city quality index. *Indeks kachestva gorodskoy sredy = Urban Environment Quality Index*. (In Russ.). Available at: <https://xn----dtbcccddtsypabxk.xn--p1ai/#/methodology>
16. Popov E.A. Urban environment as an object of study in sociology. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*. 2019;(9):20–24. doi: 10.25136/2409-7144.2019.9.30465
17. Comfortable environment: assessments of residents of Russian cities. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = The Russian Public Opinion Research*

- Center. 2023;23 Jul. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov>
18. The environment that shapes us. How Russians assess the quality of the urban environment and the dynamics of its change. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = The Russian Public Opinion Research Center*. 2020;21 Oct. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sreda-kotorayanas-formiruet-kak-rossiyane-ocenivayut-kachestvo-gorodskoj-sre-dy-i-dinamiku-ee-izmeneniya>
19. Urban environment quality index by cities and regions of the Russian Federation for 2023. *Minstroy Rossii = Ministry of Construction of Russia*. (In Russ.). Available at: https://minstroyrf.gov.ru/docs/364202/?clear_cache=Y
20. Kosharnaya G.B., Korzh N.V. Social well-being of student youth (regional aspect). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. 2020;(4). (In Russ.). doi: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-905-918
21. *Ofitsial'nyy sayt administratsii g. Penzy = Official website of the Penza city administration*. (In Russ.). Available at: <https://www.penza-gorod.ru>

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Владимировна Корж

кандидат социологических наук,
доцент, доцент кафедры социологии,
экономической теории
и международных процессов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: natalya.korzh@mail.ru

Natalya V. Korzh

Candidate of sociological sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of sociology,
economic theory and international
processes, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Вадим Николаевич Супиков

доктор социологических наук,
профессор, профессор кафедры
менеджмента и государственного
управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: supikov.vadim@mail.ru

Vadim N. Supikov

Doctor of sociological sciences, professor,
professor of the sub-department
of management and public administration,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.03.2025

Принята к публикации / Accepted 20.03.2025

УДК 331

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-5

Мотивация молодых сотрудников организаций в новых условиях рынка труда

Н. В. Проказина¹, Н. Ю. Бобылева²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия;

Среднерусский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Орел, Россия

²Колледж Среднерусского института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Орел, Россия

¹nvprokazina@mail.ru, ²nataliya.bobyleva24@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность обращения к вопросам мотивации молодых сотрудников организаций в современных условиях рынка труда тесно связана с необходимостью привлечения и удержания персонала, повышения лояльности сотрудников к организации и в целом повышения производительности труда. В большей степени это относится к молодым сотрудникам (20–35 лет) в связи с особенностями их социальных установок и представлений о работодателях, трудовой деятельности, об условиях труда. Цель работы – выделить особенности мотивации молодых сотрудников организаций в новых условиях рынка труда. *Материалы и методы.* Выводы и положения основаны на системном анализе. Теоретическим основанием послужили классические и современные теории мотивации. В основе авторских положений лежат результаты всероссийских социологических исследований (проведенные Всероссийским центром изучения общественного мнения, HeadHunter, Русской Школой Управления, консалтинговой компанией «Культура Инноваций») о мотивации и ее особенностях у представителей разных поколений в изменяющихся условиях рынка труда. *Результаты.* На основе теоретического анализа определены ключевые положения классических и современных теорий мотиваций. Охарактеризованы новые условия рынка труда, формирующие социальные представления молодых сотрудников о профессиональной деятельности и ее условиях, об идеальном работодателе, личностном и профессиональном развитии. Описаны не только положительные аспекты материального стимулирования, но и его негативные последствия. Аргументировано, что успешное управление мотивацией молодых сотрудников требует баланса между материальными и нематериальными факторами. Проведенный анализ позволил выделить особенности мотивации молодых сотрудников организаций в новых условиях рынка труда. *Выводы.* Основные условия рынка труда на современном этапе включают в себя: замедление темпов роста зарплат, дефицит персонала, «перепрыгивание» молодых кадров из организации в организацию, поиск эффективных способов мотивации персонала. Главной особенностью мотивации к профессиональной деятельности молодых сотрудников являются: полимотивированность, индивидуально-ситуативная иерархия мотивов и их компенсаторные

отношения. Наиболее выражены у молодых сотрудников запросы на психологическую безопасность культуры труда, поддержку и наставничество, ориентацию на баланс трудовой и личной сферы жизнедеятельности.

Ключевые слова: молодые сотрудники, теории мотивации, материальное стимулирование, материальные стимулы, нематериальные стимулы, мотивация, эффективность труда, рынок труда

Для цитирования: Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю. Мотивация молодых сотрудников организаций в новых условиях рынка труда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 55–70. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-5

Motivation of young employees of organizations in the new labor market conditions

N.V. Prokazina¹, N.Yu. Bobyleva²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia;
Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

²College of the Central Russian Institute of Management branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

¹nvprokazina@mail.ru, ²nataliya.bobyleva24@yandex.ru

Abstract. Background. The relevance of addressing the issues of motivation of young employees of organizations in modern labor market conditions is closely related to the need to attract and retain staff, increase employee loyalty to the organization and, in general, increase labor productivity. To a greater extent, this applies to young employees (20–35 years old) due to the peculiarities of their social attitudes and ideas about employers, about work, and about working conditions. The purpose of the work is to highlight the features of motivation of young employees of organizations in the new labor market conditions. *Materials and methods.* The conclusions and provisions are based on a systematic analysis. The theoretical basis is based on classical and modern theories of motivation. The author's provisions are based on the results of All-Russian sociological research on motivation and its characteristics among representatives of different generations in changing labor market conditions. *Results.* Based on the theoretical analysis, the key provisions of classical and modern theories of motivation are identified. New labor market conditions are characterized, forming the social ideas of young employees about professional activity and its conditions, about the ideal employer, personal and professional development. It describes not only the positive aspects of financial incentives, but also its negative consequences. It is argued that successful motivation management of young employees requires a balance between tangible and intangible factors. The analysis made it possible to identify the features of motivation of young employees of organizations in the new labor market conditions. *Conclusions.* The main labor market conditions at the present stage include: a slowdown in salary growth, staff shortages, the “jump” of young personnel from organization to organization, and the search for effective ways to motivate staff. The main features of motivation for professional activity of young employees are: polymotivation, individual-situational

hierarchy of motives and their compensatory relationships. Young employees have the most pronounced requests for the psychological safety of the work culture, support and mentoring, and orientation towards a balance of work and personal spheres of life.

Keywords: young employees, theories of motivation, financial incentives, material incentives, non-material incentives, motivation, labor efficiency, labor market

For citation: Prokazina N.V., Bobyleva N.Yu. Motivation of young employees of organizations in the new labor market conditions. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):55–70. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-5

Введение

Сегодня на рынке труда происходят глобальные изменения, которые существенным образом влияют на поведение как работников, так и работодателей. Мы считаем, что «на трудовые отношения и их трансформацию существенное влияние оказывают не только социально-экономические процессы, но и научно-технический прогресс, технологические изменения и процессы глобализации» [1].

В условиях беспрецедентно низкого уровня безработицы, характерного как для России, так и для развитых стран мира, одной из ключевых задач является привлечение и удержание персонала в организациях, создание условий для профессионального развития и формирование лояльности и приверженности к организации. Особую актуальность эти задачи приобретают в отношении молодых сотрудников, поскольку именно они во многом определяют развитие организации.

В условиях глобальной экономики, ускоренной цифровизации, растущей конкуренции за квалифицированные кадры организации сталкиваются с необходимостью поиска эффективных методов и подходов к мотивации молодых сотрудников. Вопросы мотивации и стимулирования труда становятся не только важным инструментом для повышения производительности, но и фактором, влияющим на корпоративную культуру и способность организаций адаптироваться к изменяющимся условиям рынка.

Проблема мотивации и стимулирования сотрудников компаний была актуальна на протяжении всего XX в. и остается значимой сегодня. На протяжении прошлого столетия варианты ее решения были предложены в рамках многочисленных содержательных и процессуальных теорий мотивации. Решение проблем мотивации и стимулирования сотрудников организаций связано с необходимостью адаптации различных методов, методик и программ под реалии рынка, которые в разные исторические периоды и для разных социально-демографических групп требуют актуализации и соответствия вызовам времени. С начала XXI в. на рынке труда стали происходить существенные трансформации, породившие новые условия и запросы. А сложность происходящих процессов в условиях изменившегося рынка труда потребовала междисциплинарного подхода к исследованию проблем мотивации, в том числе мотивации молодых сотрудников организации. Это нашло свое отражение в опубликованных работах и исследованиях.

В экономическом аспекте работы раскрывают проблему востребованности гибкой системы мотивации человеческого капитала как стратегического ресурса, обеспечивающего экономическую стабильность страны, а не только отдельного предприятия [2]. Большое внимание уделяется разработке комплексного подхода в управлении трудовой мотивацией, которая будет основана на ситуативных и качественных характеристиках персонала [3].

Психологический ракурс исследуемых проблем прослеживается в работах Н. В. Антоновой и В. И. Федоринова, рассматривающих трудовую мотивацию через взаимосвязь увлеченности и удовлетворенности работой [4]; особенности мотивации и трудовых интересов работников на удаленной работе [5]; актуализации задач психологических исследований в сфере труда и трудового поведения [6].

В социологическом ракурсе за последние годы наиболее интересными представляются следующие работы:

- анализирующие ключевые изменения, произошедшие на рынке труда [1, 6];
- раскрывающие феномен «ловушки» экономической мотивации, проявляющейся в неготовности работников к повышению производительности труда при условии повышения заработной платы в связи с наличием альтернативных жизненных приоритетов и критическим уровнем нагрузки на работе [7];
- рассматривающие мотивацию как сложноорганизованную систему и подчеркивающие, что ведущими факторами эффективной профессиональной деятельности в условиях постиндустриального/информационного общества выступают «приверженность профессии и ориентированность работника на самореализацию и профессиональное развитие» [8];
- демонстрирующие исследовательские подходы и результаты мотивационных профилей работников, которые могут быть интегрированы в программы управления социальным развитием организации [9], особенностью которых является личностно-ориентированные подходы по формированию личностного потенциала [10, 11];
- раскрывающие особенности карьерных ожиданий и ценностей молодых работников на рынке труда [12], характер и направленность трудовых стратегий и поведения молодых людей [13], стратегии занятости молодежи в условиях неопределенности [14], дуальность во взглядах на труд [15], изменение отношения молодежи к труду [16].

Анализ обозначенных источников позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время вопрос мотивации молодых сотрудников носит системный характер. Процесс материального поощрения тесно взаимосвязан с нематериальными стимулами, оказывающими на молодых сотрудников организации значимое социально-психологическое воздействие. Однако мотивация молодых сотрудников имеет свои особенности, связанные с их как социально-демографическими, так и профессиональными характеристиками. Но существенное значение в этом случае играют и изменяющиеся условия на рынке

труда. Так, исследователи отмечают, что для современного этапа развития рынка труда характерны: замедление темпов роста зарплат, дефицит персонала, «перепрыгивание» молодых кадров из организации в организацию, поиск эффективных способов мотивации персонала.

Цель работы – выделить особенности мотивации молодых сотрудников организаций в новых условиях рынка труда.

Материалы и методы

Положения и выводы, предложенные в данной статье, опираются на результаты вторичного анализа данных эмпирических исследований:

- 1) HeadHunter [17];
- 2) Русской Школы Управления [18];
- 3) Всероссийского центра изучения общественного мнения [19–21];
- 4) консалтинговой компании «Культура Инноваций» «Молодые таланты – 2024» [22].

Результаты

В изменившихся и перманентно трансформирующихся условиях рынка труда, характерного для современного этапа постиндустриального развития, особое значение имеют запросы и ожидания молодых сотрудников. Их ожидания, представления о работе, особенности мотивации, выявление факторов привлечения на рынок труда и профессиональное развитие становятся актуальными как в научном, так и в практическом аспектах.

Исследование теорий мотивации создает предпосылки к поиску и организации эффективной системы мотивации, обеспечивает повышение качества работы сотрудников и условия для формирования приверженности и лояльности организации, возникновения интереса к своим обязанностям.

Теоретический анализ существующих теорий мотивации позволяет сделать следующие выводы.

Первое. В настоящее время разработано множество мотивационных теорий (содержательных, процессуальных), которые в чем-то повторяют, дополняют, уточняют друг друга, но и демонстрируют разные характеристики и особенности, определяющие мотивацию сотрудников.

Второе. Ни одна из теоретических конструкций не способна системно и комплексно обосновать доминирующие мотивы для всех сотрудников.

Третье. Многообразие теорий мотивации свидетельствует не только о сложности мотивационного процесса, но и о его многообразии, вариативности и ситуативности.

Таким образом, сегодня говорить о приоритетности каких-то мотивов, иерархической организации мотивов сотрудников организаций, тем более молодых сотрудников, не представляется корректным. В современных условиях полимотивированность, индивидуально-ситуативная иерархия мотивов

и их компенсаторные отношения являются эффективным методом для формирования мотивационного воздействия на молодых сотрудников организаций в новых условиях рынка труда.

Результаты многолетних исследований показывают, что высокая заработная плата является приоритетным мотивационным фактором для всех возрастных категорий (лишь респонденты младше 18 лет отдают предпочтение удобному графику работы, что может быть обусловлено возможностью совмещать работу с учебой, – 59 против 41 %) [18]. Приоритетным мотивационным фактором еще является удобный график работы, а большие возможности карьерного роста и развития привлекательны для респондентов до 45 лет, далее более важными становятся масштабные и интересные задачи, реализуемые в ходе выполнения трудовых функций (табл. 1).

Таблица 1

Инструменты мотивации [18]

Топ-5 мотивационных факторов					
Респонденты младше 18 лет	Респонденты 18–24 лет	Респонденты 25–34 лет	Респонденты 35–44 лет	Респонденты 45–54 лет	Респонденты старше 55 лет
Удобный график работы (59 %)	Высокая зарплата (57 %)	Высокая зарплата (62 %)	Высокая зарплата (61 %)	Высокая зарплата (66 %)	Высокая зарплата (61 %)
Высокая зарплата (41 %)	Удобный график работы (42 %)	Большие возможности карьерного роста и развития (38 %)	Большие возможности карьерного роста и развития (34 %)	Официальное оформление и белая зарплата (34 %)	Удобный график работы (36 %)
Похвала и признание результатов коллегами и начальством (31 %)	Большие возможности карьерного роста и развития (41 %)	Удобный график работы (31 %)	Масштабные и интересные задачи (30 %)	Удобный график работы (33 %)	Масштабные и интересные задачи (34 %)
Большие возможности карьерного роста и развития, масштабные и интересные задачи (28 %)	Масштабные и интересные задачи (23 %)	Премии, бонусы и 13-я зарплата (27 %)	Удобный график работы (29 %)	Масштабные и интересные задачи (28 %)	Официальное оформление и белая зарплата (29 %)
Возможность работать из дома (28 %)	Комфортный офис, удобное рабочее место (23 %)	Масштабные и интересные задачи (25 %)	Официальное оформление и белая зарплата (28 %)	Большие возможности карьерного роста и развития, а также премии и бонусы (20 %)	Репутация компании (22 %)

Ранее мы отмечали, что «отношение молодежи к труду является сложным интегрированным образованием», включающим разнообразные аспекты [23]. Это подтверждает корректность подхода о полимотивированности, индивидуально-ситуативной иерархии мотивов и их компенсаторных отношений. Так, несмотря на то что результаты исследований подтверждают увеличение доли тех, кто труд связывает прежде всего с оплатой, фиксируется тренд на формирование установки о том, что в труд можно вкладываться независимо от заработка, но при условии, если он будет интересным. Для старшей молодежной группы (в возрасте от 25 до 34 лет) прослеживается ориентация на финансовую составляющую труда. Предполагаем, что это связано с тем, что это время создания семьи и расширения потребности в финансах (рис. 1).

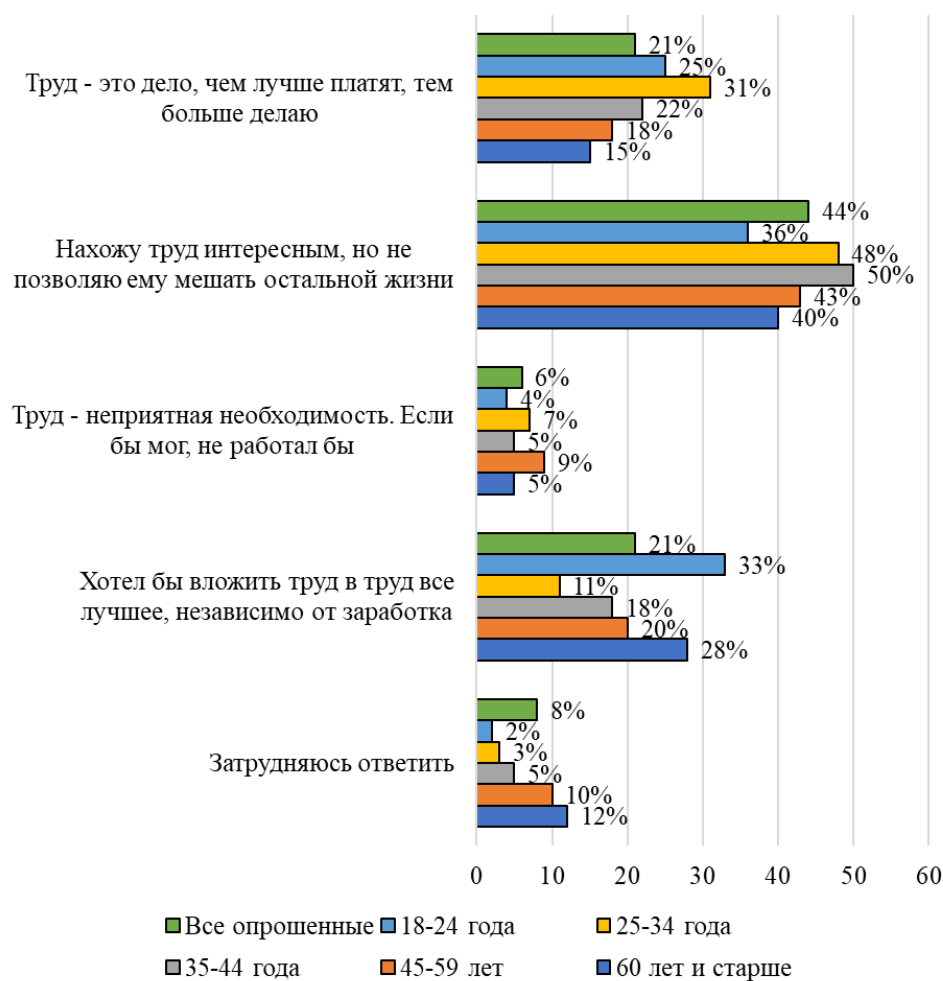

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Чем для Вас является труд?» по возрастам [23]

Мотивация трудовой деятельности связана с удовлетворенностью трудом и оценкой собственной эффективности. Разница в субъективной оценке

критериев эффективности на рабочем месте прослеживается при сравнительном анализе представителей различных социально-демографических групп. Для пожилых людей собственные ощущения от проделанной работы и чувство удовлетворенности (32 %) важнее, чем качество выполненной работы (26 %) или количество выполненных задач (18 %). Для всех остальных возрастных категорий первостепенно качество выполненной работы, а потом количество выполненных задач (41–46 % отдают предпочтения качеству, а 38–40 % – количеству) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение вариантов ответов на вопрос «А как Вы в основном определяете свою эффективность на рабочем месте?» (закрытый вопрос, до двух ответов, процент от работающих россиян) [19]

Субъективная оценка критериев эффективности на рабочем месте	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
По качеству выполненной работы	41	45	46	39	26
По количеству выполненных задач	38	39	40	29	18
По самоощущениям, чувству удовлетворенности	23	19	16	27	32
По достижению главной цели работы/проекта	18	18	16	15	5
По количеству потраченного на работу времени	11	16	14	16	4
По оценке руководства или коллег	19	18	8	8	15
Никак / не определяю	1	<1	<1	<1	1
Другое	0	1	4	4	8
Затрудняюсь ответить	0	5	2	3	13

2024 г. для российской экономики был непростым. Тенденции на рынке труда, наметившиеся в ковидный и постковидный период, связанные с желанием выбора свободного, удобного графика, комфортных условий труда, баланса между трудовой и личной жизнью, стали во многом предопределять поведение сотрудников и потенциальных соискателей. Одновременно с этим произошло существенное уменьшение численности возрастной когорты, находящейся в трудоспособном возрасте. В ряде сфер бизнеса наметился кадровый голод. И первой реакцией многих работодателей стало увеличение

денежного вознаграждения, способное привлечь трудовые ресурсы. По данным экономистов, 57 % компаний, опрошенных сервисом SuperJob в июне 2024 г., заявили об индексации окладов работников. 20 % компаний регулярно пересматривают зарплаты в соответствии с рыночной обстановкой [24].

К тому же наблюдается тенденция замены схемы оплаты процентов с продаж фиксированными окладами. В таком случае процент с продаж будет играть роль дополнительного стимула и мотиватора. К примеру, розничная сеть Munz Group (обувные бренды Salamander, Thomas Munz, Briggs) увеличила оклад и уменьшила премиальные показатели [24]. Если ранее оклад и премия за проданные экземпляры обуви, к примеру, для продавцов соотносились в равных пропорциях, то в настоящее время ситуация поменялась – люди нуждаются в гарантированной оплате труда и не готовы трудиться за процент, который можно и не получить в неблагоприятной профессиональной ситуации.

Данные исследования подтверждают, что материальное стимулирование сотрудников является важным показателем, влияющим на эффективность труда. Однако материальные стимулы не являются единственным фактором, который может способствовать более высокой производительности и повышению качества работы.

Результаты исследований о паттернах поведения молодых специалистов, выделяя требования молодых сотрудников к работодателям, подчеркивают существенную роль таких факторов, как «психологически безопасная культура труда, запрос на поддержку и наставничество и совпадение собственных ценностных ориентации и ценностей организации» [22].

Исследователи отмечают, что для молодых сотрудников ключевыми являются следующие потребности:

- понимание своего ценностного вклада в развитие организации;
- ощущение себя частью команды;
- возможность реализации своего потенциала;
- проявление уважения и забота о людях [22].

Обсуждение

Представление о труде, его смыслах и содержании у молодых сотрудников зависит от многих факторов. Однако одним из ключевых являются те социокультурные особенности среды, в которых проходила социализация. В результате мотивация существенно зависит от отношения к труду, которое можно рассматривать как «социальное представление, являющееся результатом индивидуального и группового конструирования представлений и установок о том, каким должен быть труд» [23].

Известно, что материальное стимулирование сотрудников компаний не только позволяет стимулировать высокие результаты труда и формировать интерес сотрудников к организации, но и создает предпосылки для молодых сотрудников к максимально эффективному использованию своего трудового

потенциала. Поэтому утверждать, что деньги представляют самоценность, будет не совсем корректно. Людям важны те открывающиеся возможности, которые способны подарить им материальные блага.

Результаты исследований [19–22] позволяют сформулировать несколько положений, отражающих особенности мотивации молодых сотрудников на рынке труда.

1. Для молодых сотрудников не только деньги являются основным мотивом для работы. Сегодня молодым сотрудникам важна культура организации и те возможности для личностного и профессионального развития, которые эта организация представляет. Следовательно, программы по развитию, возможность обучения на рабочем месте – это дополнительные мотиваторы для молодых сотрудников.

2. Несмотря на частую смену организаций, перманентный поиск комфортных условий труда и оплаты, молодые сотрудники готовы трудиться и развиваться в одной организации при условии соответствия их запросам. Поэтому создание не только комфортных, но и психологически безопасных условий, поддержка и конструктивные коммуникации могут выступать удерживающими мотиваторами.

3. Достойная оплата труда является существенным фактором, однако без понимания смысла и значения своей деятельности, своего вклада в общее дело материальные стимулы теряют свое значение. Это актуализирует роль наставничества, сопровождения и развития внутренних коммуникаций.

4. Эффективность и результативность труда определяется не временем нахождения на работе (без выходных, перерывов, отпуска), а умением достичь баланса между работой и остальной жизнью. Организация тренингов и мастер-классов по формированию навыков управления своим временем, энергией, ресурсами, делегирования способна выступить как условие, обеспечивающее дополнительные мотивационные факторы для молодых сотрудников.

5. Работа может быть результативной только в том случае, если она не только интересна, но и полезна, в ней есть смысл и необходимость. Это обуславливает работу со смыслами, с расширением представлений о труде и подчеркивает роль и значение коммуникации с лидерами организации для молодых сотрудников.

Сформулированные положения могут послужить основой для разработки эффективной системы мотивации молодых сотрудников организаций. Однако это общие рекомендации, которые составляют основу и должны дополняться/уточняться/корректироваться в соответствии с персональными качественными характеристиками молодых сотрудников, конкретной ситуацией, в которой разрабатывается/корректируется мотивационная программа. Существенным ограничением мотивационных программ молодых сотрудников является требование постоянной коррекции с опорой на ключевые запросы: требование психологической безопасности культуры труда, запрос на поддержку и наставничество, ориентация на баланс трудовой и личной сферы

жизнедеятельности. Это порождает новые интересные направления исследований мотивации молодых сотрудников организаций.

Заключение

Основные условия рынка труда на современном этапе включают в себя замедление темпов роста зарплат, дефицит персонала, «перепрыгивание» молодых кадров из организации в организацию, поиск эффективных способов мотивации персонала.

В изменившихся и перманентно трансформирующихся условиях рынка труда, характерного для современного этапа постиндустриального развития, особое значение имеют запросы и ожидания молодых сотрудников.

Материальное стимулирование молодых сотрудников организаций представляет собой один из самых востребованных и эффективных способов воздействия на персонал. Однако сегодня наиболее востребован комплексный подход, сочетающий материальное стимулирование с другими видами мотивации.

Главной особенностью мотивации к профессиональной деятельности молодых сотрудников являются: полимотивированность, индивидуально-ситуативная иерархия мотивов и их компенсаторные отношения. Наиболее выражены у молодых сотрудников запросы на требование психологической безопасности культуры труда, запрос на поддержку и наставничество, ориентация на баланс трудовой и личной сферы жизнедеятельности.

Общие представления и выделение специфических особенностей мотивации молодых сотрудников организаций в новых условиях рынка труда позволяют наметить социально-технологические схемы, которые должны наполняться конкретным содержанием с учетом ситуативных, личностных, организационных факторов.

Список литературы

1. Проказина Н. В. Концептуальные подходы к трансформации трудовых отношений // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : материалы Всерос. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г.). СПб. : Сциентиа, 2023. С. 525–527. EDN XYKRRV
2. Алемсотова Г. К., Шейхова П. М., Имашова Д. Г., Валиева Д. Г. Мотивация как фактор эффективного управления в условиях рынка // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 4 (162). С. 299–308. doi: 10.26726/1812-7096-2024-4-299-308 EDN FWNUF
3. Гагарина С. Н., Садовникова А. С. Трудовая мотивация персонала в современной организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 1–1 (83). С. 44–47. doi: 10.24412/2411-0450-2022-1-183-44-47 EDN NEMPNL
4. Федоринов В. И., Антонова Н. В. Трудовая мотивация сотрудников финансовой организации: связь с увлеченностью и удовлетворенностью работой // Организационная психология. 2024. Т. 14, № 1. С. 173–195. doi: 10.17323/2312-5942-2024-14-1-173-195 EDN WVEFHH

5. Лобанова Т. Н. Анализ мотивационной структуры и трудовых интересов руководителей и сотрудников на удаленной работе // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2022. № 3. С. 200–224. doi: 10.11621/vsp.2022.03.10 EDN LGPFNM
6. Хохлова М. Г. Неформальная занятость в мире // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 7. С. 130–140. doi: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-130-140 EDN SVZSBK
7. Карачаровский В. В., Гурулева М. Н. Ловушка мотивации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 34–46. doi: 10.31857/S013216250027365-4 EDN TKFSLH
8. Эфендиев А. Г., Абрамова Е. В. Мотивационная основа трудовой деятельности: опыт реализации многомерного подхода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 1. С. 26–57. doi: 10.31119/jssa.2022.26.1.2 EDN JJEZLX
9. Харченко В. С. Мотивация и мотивационные профили сотрудников современных организаций // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1 (33). С. 156–171. doi: 10.19181/snsp.2021.9.1.7879 EDN JESSSG
10. Асмолов А. Г. Человек как субъект полимотивации. Рец. на кн.: Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М. : ВЦИОМ, 2023 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2 (180). С. 277–286. doi: 10.14515/monitoring.2024.2.2598 EDN QYMPYG
11. Аникин В. А., Антонов Е. В., Антонова В. К. [и др.]. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований. М. : Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. 462 с. EDN ZHHTSU
12. Левицкая А. Н., Покровская Н. Н. Карьерные ожидания и планы молодых специалистов на рынке труда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 1. С. 105–137. doi: 10.31119/jssa.2021.24.1.5 EDN ZYIUFD
13. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш., Воробьев В. П. Отношение к труду и трудовые установки молодежи в современных условиях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 2 (66). С. 116–126. doi: 10.21685/2072-3016-2023-2-11 EDN ILMBJL
14. Колесник Е. А., Половинко В. С. Молодежь на региональном рынке труда: стратегии занятости в условиях неопределенности // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2023. Т. 21, № 4. С. 98–109. doi: 10.24147/1812-3988.2023.21(4).98-109 EDN IZSCJI
15. Исаев А. В., Алексеенок Е. А. Ценностные предпочтения и ожидания современной молодежи в сфере труда: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 176–189. doi: 10.24412/2071-6141-2023-1-176-189 EDN OGGBXN
16. Проказина Н. В. Отношение молодежи к труду как субъективный фактор трансформации социальной структуры общества // Социологический альманах : материалы XIII Орловских социологических чтений (г. Орел, 3–4 декабря 2012 г.) / Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС ; Орловское отделение Российского общества социологов. Орел : Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. С. 163–168.
17. Что мотивирует сотрудников хорошо работать: результаты опроса // HeadHunter. URL: <https://rostov.hh.ru/article/25965?ysclid=m2l01mq24d930898406> (дата обращения: 23.10.2024).

18. Конохова Ю. Как российские компании мотивируют сотрудников // Русская Школа Управления. URL: <https://uprav.ru/blog/kak-rossiyskie-kompanii-motiviruyut-sotrudnikov/> (дата обращения: 23.10.2024).
19. Работа, зарплата, эффективность: есть ли связь? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-zarplata-ehffektivnost-est-li-svjaz> (дата обращения: 15.10.2024).
20. Новости: Жить – значит работать? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-znachit-rabotat> (дата обращения: 23.10.2024).
21. Ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ // ВЦИОМ-Навигатор. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=280&q_id=25924&date=16.08.2020 (дата обращения: 23.10.2024).
22. Молодые таланты: найм и адаптация // Бизнес Психологи. URL: <https://business-psychologists.ru/announcements/molodye-talanty-naym-i-adaptatsiya/> (дата обращения: 23.10.2024).
23. Проказина Н. В. Отношение к труду: установки и практики молодых россиян // Трансформация труда в (де) глобализирующемся обществе. СПб. : Скифия-принт, 2021. С. 410–422. EDN CPYEZO
24. Программы мотивации меняются в ответ на кадровый голод // СДЭК. URL: <https://www.cdek.ru/ru/press/view/2024-06-27-programmy-motivacii-menautsa-v-otvet-na-kadrovyy-golod/> (дата обращения: 23.10.2024).

References

1. Prokazina N.V. Conceptual approaches to the transformation of labor relations. *Rossiyskoe obshchestvo segodnya: tsennosti, instituty, protsessy: materialy Vseros. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, 16–18 noyabrya 2023 g.) = Russian society today: values, institutions, processes: proceedings of the All-Russian scientific conference (Saint Petersburg, November 16–18, 2023)*. Saint Petersburg: Stsientia, 2023:525–527. (In Russ.). EDN: XYKRRV
2. Alemsetova G.K., Sheykhova P.M., Imashova D.G., Valieva D.G. Motivation as a factor of effective management in market conditions. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional problems of economic transformation*. 2024;(4):299–308. (In Russ.). doi: 10.26726/1812-7096-2024-4-299-308 EDN: FWINUF
3. Gagarina S.N., Sadovnikova A.S. Labor motivation of personnel in a modern organization. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2022;(1–1):44–47. (In Russ.). doi: 10.24412/2411-0450-2022-1-183-44-47 EDN: NEMPNL
4. Fedorinov V.I., Antonova N.V. Work motivation of employees of a financial organization: relationship with passion and job satisfaction. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organisational psychology*. 2024;14(1):173–195. (In Russ.). doi: 10.17323/2312-5942-2024-14-1-173-195 EDN: WWEFHH
5. Lobanova T.N. Analysis of the motivational structure and labor interests of managers and employees working remotely. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology*. 2022;(3):200–224. (In Russ.). doi: 10.11621/vsp.2022.03.10 EDN: LGPFNM
6. Khokhlova M.G. Informal employment in the world. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations*. 2024;68(7):130–140. (In Russ.). doi: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-130-140 EDN: SVZSBK

7. Karacharovskiy V.V., Guruleva M.N. The motivation trap in the Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2023;(8):34–46. (In Russ.). doi: 10.31857/S013216250027365-4 EDN: TKFSHL
8. Efendiev A.G., Abramova E.V. Motivational basis of work activity: experience of implementation of multidimensional approach. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = Journal of sociology and social anthropology*. 2023;26(1):26–57. (In Russ.). doi: 10.31119/jssa.2022.26.1.2 EDN: JJEZLX
9. Kharchenko V.S. Motivation and motivational profiles of employees of modern organizations. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2021;9(1):156–171. (In Russ.). doi: 10.19181/snsp.2021.9.1.7879 EDN: JESSSG
10. Asmolov A.G. Man as a subject of political motivation. Retrieved from the book: Human potential: modern interpretations and results of research. Under scientific editorship L.N. Ovcharova, V.A. Anikin, P.S. Sorokin. Moscow: VTsIOM, 2023. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2024;(2):277–286. (In Russ.). doi: 10.14515/monitoring.2024.2.2598 EDN: QYMPYG
11. Anikin V.A., Antonov E.V., Antonova V.K. et al. *Chelovecheskiy potentsial: sovremennyye traktovki i rezul'taty issledovaniy = Human potential: modern interpretations and research results*. Moscow: Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya, 2023:462. (In Russ.). EDN: ZHHTSU
12. Levitskaya A.N., Pokrovskaya N.N. Career expectations and plans of young professionals in the labor market. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(1):105–137. (In Russ.). doi: 10.31119/jssa.2021.24.1.5 EDN: ZYIUFD
13. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh., Vorob'ev V.P. Attitude to work and work attitudes of young people in modern conditions. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2023;(2):116–126. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2023-2-11 EDN: ILMBJL
14. Kolesnik E.A., Polovinko V.S. Youth in the regional labor market: employment strategies in conditions of uncertainty. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika» = Bulletin of Omsk University. Series “Economics”*. 2023;21(4):98–109. (In Russ.). doi: 10.24147/1812-3988.2023.21(4).98-109 EDN: IZSCJI
15. Isaev A.V., Alekseenok E.A. Value preferences and expectations of modern youth in the sphere of labor: sociological analysis. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2023;(1):176–189. (In Russ.). doi: 10.24412/2071-6141-2023-1-176-189 EDN: OGGBXN
16. Prokazina N.V. The attitude of young people to work as a subjective factor in the transformation of the social structure of society. *Sotsiologicheskii al'manakh: materialy XIII Orlovskikh sotsiologicheskikh chteniy (g. Orel, 3–4 dekabrya 2012 g.) = Sociological almanac: proceedings of the 13th Orel sociological readings (Orel, December 3–4, 2012)*. Orel: Izd-vo Srednerusskogo isnituta upravleniya – filiala RANKhiGS, 2021:163–168. (In Russ.)
17. What motivates employees to work well: survey results. *HeadHunter*. (In Russ.). Available at: <https://rostov.hh.ru/article/25965?ysclid=m2l01mq24d930898406> (accessed 23.10.2024).

18. Konokhova Yu. How Russian companies motivate employees. *Russkaya Shkola Upravleniya* = *Russian School of Management*. (In Russ.). Available at: <https://uprav.ru/blog/kak-rossiyskie-kompanii-motiviruyut-sotrudnikov/> (accessed 23.10.2024).
19. Work, salary, efficiency: is there a connection? *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* = *The Russian Public Opinion Research Center*. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-zarplata-ehffektivnost-est-li-svjaz> (accessed 15.10.2024).
20. News: To live means to work? *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* = *The Russian Public Opinion Research Center*. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-znachit-rabotat> (accessed 23.10.2024).
21. Daily all-Russian telephone survey by VTsIOM. *VTsIOM-Navigator* = *The Russian Public Opinion Research Center-Navigator*. (In Russ.). Available at: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=280&q_id=25924&date=16.08.2020 (accessed 23.10.2024).
22. Young talents: hiring and adaptation. *Biznes Psikhologi* = *Business Psychologists*. (In Russ.). Available at: <https://business-psychologists.ru/announcements/molodye-talanty-naym-i-adaptatsiya/> (accessed 23.10.2024).
23. Prokazina N.V. Attitude to work: attitudes and practices of young Russians. *Transformatsiya truda v (de) globaliziruyushchemsya obshchestve* = *Transformation of labor in a (de)globalizing society*. Saint Petersburg: Skifiya-print, 2021:410–422. (In Russ.). EDN: CPYEZO
24. Incentive programs change in response to staff shortages. *SDEK*. (In Russ.). Available at: <https://www.cdek.ru/ru/press/view/2024-06-27-programmy-motivacii-menautsa-v-otvet-na-kad-rovyj-golod/> (accessed 23.10.2024).

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Васильевна Проказина

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49); профессор кафедры социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Орел, ул. Октябрьская, 12)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Наталья Юрьевна Бобылева

преподаватель первой категории, Колледж Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, г. Орел, ул. Октябрьская, 12)

E-mail: nataliya.bobyleva24@yandex.ru

Natalia V. Prokazina

Doctor of sociological sciences, professor, professor of the sub-department of sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky avenue, Moscow, Russia); professor of the sub-department of sociology and social technologies, Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (12 Oktyabrskaya street, Orel, Russia)

Natalia Yu. Bobyleva

Lecturer of the first category, College of the Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (12 Oktyabrskaya street, Orel, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 28.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 06.03.2025

Принята к публикации / Accepted 12.03.2025

УДК 342.7

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-6

О конституционном запрете возбуждения ненависти и вражды

Г. В. Синцов¹, Д. Е. Феоктистов², А. Г. Пархоменко³

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹g_sintsov@mail.ru, ²d_e_f@bk.ru, ³alexparhom@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследуется конституционно-правовая природа запрета на возбуждение ненависти и вражды по дискриминационным признакам. Авторы проводят сравнительный анализ конституционно-правовых норм и норм уголовного, административного и антиэкстремистского законодательства и судебной практики в части правовой регламентации и применения данного запрета. *Материалы и методы.* Для достижения поставленных целей авторами использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы. *Результаты.* Выявлены неоднозначность научного и нормативного понимания категорий «возбуждение ненависти», «возбуждение вражды», «разжигание розни». В то же время правоприменительная практика не уделяет столь пристального внимания для разделения данных категорий. Одновременно сугубо практическим вопросом в рамках квалификации действия как экстремистского является разграничение не понятий «ненависть» и «вражда», а «вражда» и «угроза применения насилия». *Выводы.* Нормы специального законодательства не должны выходить за пределы конституционно-правовых запретов свободы мысли и слова и устанавливать иные критерии экстремистских правонарушений. Нормы уголовного и административного права должны быть гармонизированы с практикой их применения.

Ключевые слова: возбуждение ненависти, возбуждение вражды, разжигание розни, угроза применения насилия, дискриминация, экстремизм

Для цитирования: Синцов Г. В., Феоктистов Д. Е., Пархоменко А. Г. О конституционном запрете возбуждения ненависти и вражды // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 71–83. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-6

On the constitutional prohibition of inciting hatred and hostility

G.V. Sintsov¹, D.E. Feoktistov², A.G. Parkhomenko³

^{1,2,3}Penza State University, Penza, Russia

¹g_sintsov@mail.ru, ²d_e_f@bk.ru, ³alexparhom@mail.ru

Abstract. *Background.* The article examines the constitutional and legal nature of the ban on inciting hatred and hostility on discriminatory grounds. The authors conduct a comparative analysis of constitutional legal norms and norms of criminal, administrative and anti-extremist legislation in terms of the legal regulation of this ban. *Materials and methods.* To achieve their goals, the authors used formal legal and comparative legal methods. *Results.* The ambiguity of the scientific understanding of the categories “inciting hatred”, “inciting enmity”, “inciting discord” is revealed. At the same time, law enforcement practice does not pay such close attention to separating these categories. At the same time, a purely practical issue in qualifying an action as extremist is not the distinction between “hatred” and “hostility”, but the distinction between “hostility” and “threat of violence”. *Conclusions.* The norms of special legislation and the practice of its application should not go beyond the constitutional and legal prohibitions of freedom of thought and speech, and establish other criteria for extremist offenses.

Keywords: inciting hatred, inciting enmity, inciting discord, threat of violence, discrimination, extremism

For citation: Sintsov G.V., Feoktistov D.E., Parkhomenko A.G. On the constitutional prohibition of inciting hatred and hostility. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(1):71–83. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-6

Свобода мысли, свобода слова, свобода выражения мнения признаны базовыми ценностями свободы человека, их необходимым атрибутом и условием развития личности.

Конституция РФ закладывает фундаментальные основы для признания, использования и защиты данных свобод, а также устанавливает определенные правовые рамки, выход за пределы которых не будет отвечать целям обеспечения национальной безопасности. Перечисленные свободы в установленных Конституцией РФ границах – это и определенный набор требований к поведению личности, к форме и способам выражения мнения.

С одной стороны, «свобода мысли и слова подразумевает возможность свободомыслия, инакомыслия и вольнодумства и тем самым гарантирует право человека критиковать общепринятые нормы морали, права, религии» [1, с. 263]. Однако с другой – «в той мере, в какой в обществе существует консенсус по основным общечеловеческим ценностям, абсолютную свободу слова нельзя рассматривать как исключительно позитивное явление в жизни общества» [1, с. 266].

И это конституционное ограничение заложено в ч. 2 ст. 29 Конституции РФ, не допускающей пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, запрещающей

пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, а также ч. 5 ст. 13, запрещающей создание и деятельность общественных организаций, цели или действия которых направлены на «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»¹.

Данный запрет является своеобразным отражением конституционно-правовой логики самоограничений, установленных ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, предусматривающих некую грань между свободой личности и законными интересами других лиц.

Данный конституционный запрет в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ нашел свое развитие в специальном законодательстве, в первую очередь в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон о противодействии экстремизму)².

Как известно, антиэкстремистское законодательство, отождествляя понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность», не предусматривая определения ни одного из них, тем не менее раскрывает их содержание через перечисление:

- отдельных видов преступлений «общего» экстремистского порядка;
- отдельных разновидностей политического экстремизма;
- отдельных видов террористических преступлений;
- административных правонарушений экстремистской направленности;
- мотивов, побуждающих к их совершению;
- общих критериев нарушения по дискриминационным признакам, носящих по своей правовой природе межотраслевой характер.

В литературе неоднократно обращалось внимание, что бланкетность формулировок закона, неоднозначность содержания экстремистской деятельности – все эти факторы опосредуют как неоправданное и даже широкое применение мер запретительного характера [2, с. 110].

Рассмотрим отдельные проявления экстремистских нарушений в контексте их сравнения с конституционными запретами.

Итак, Конституция РФ говорит о нескольких «экстремистских» запретах:

- возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды, однако через специальные действия – пропаганду или агитацию (ч. 2 ст. 29);
- пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29);
- разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни – но не в поведении отдельного человека, а через деятельность общественных объединений (ч. 5 ст. 13).

¹ Конституция Российской Федерации : (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

² О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон № 114-ФЗ от 25.07.2002 (ред. от 15.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

Закон о противодействии экстремизму относит к данному противоправному явлению (ст. 1):

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- иное любое нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Сравнительный анализ приведенных норм может позволить прийти к выводу, что в специальном законодательстве:

- либо была предпринята попытка определенной инкорпорации конституционных норм в единый экстремистский признак;
- либо законодателем не выдержана единая юридическая техника в определении признаков экстремизма.

Обратим внимание, что закон не называет конкретные виды действий, результатом совершения которых должно быть возбуждение розни, следовательно, можно сделать вывод, в данном случае «возбуждение розни» является мотивом, целью (последствиями) совершения любых действий.

Таким образом, согласно Конституции РФ соответствующие экстремистские действия должны реализовываться в форме агитации или пропаганды либо через противоправную деятельность общественных объединений, в то время как Закон о противодействии экстремизму фактически относит к таковому любые действия, основным признаком которых будет являться мотив (цель) возбуждения розни по дискриминационным признакам.

Как было указано выше, Закон о противодействии экстремизму не разграничивает критерии и виды ответственности за экстремистские правонарушения – законодателем лишь предпринята попытка перечислить ряд экстремистских деяний, отдельные из которых изначально получили закрепление в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ), а в последующем, в рамках либерализации уголовно-правовой политики по данным делам, были включены и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (например, ст. 20.3.1).

Основная «экстремистская» статья 282 УК РФ в настоящее время предусматривает ответственность за «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Экстремистскими преступлениями признаются такие действия, которые направлены на «возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе»¹.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Обязательными условиями для квалификации действий по ч. 1 данной статьи (начиная с 01.07.2019¹) являются:

- совершение этих действий публично (в том числе с использованием средств массовой информации или сети Интернет);
- совершение этих действий после того, как за аналогичные действия гражданин уже был привлечен к административной ответственности в течение одного года.

Таким образом, сравнительный анализ конституционного и отраслевого законодательства показывает следующее:

1. Нормы уголовного закона отчасти воспроизвели конституционные нормы (ч. 2 ст. 29), однако без привязки к конкретным действиям.

2. В то же время нормы уголовного закона формально разделяют категории «возбуждение ненависти» и «возбуждение вражды», в отличие от норм конституционного права.

3. Нормы уголовного закона не оперируют категорией «возбуждение розни», в отличие от норм антиэкстремистского законодательства, и категорией «разжигание розни», в отличие от конституционных норм.

4. Уголовно наказуемыми являются не только действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, но и действия, направленные на унижение достоинства одного человека либо группы лиц (такие деяния и критерии отсутствуют в конституционном и антиэкстремистском законодательстве).

5. В уголовном законодательстве к экстремизму относится дискриминация по признаку социальной группы. Причем данное деяние, несмотря на отдельную критику в юридической литературе, имеет определенную корреляцию как с конституционными нормами, так и с Законом о противодействии экстремизму.

Среди исследователей имеется мнение, что такое широкое и формальное неопределенное понятие социальной группы может привести к тому, что к уголовной ответственности будут привлекать за действия, возбуждающие ненависть или вражду по отношению к любому человеку относительно любой его групповой принадлежности (профессии, хобби, стиля жизни, места жительства) [3, с. 308]. Такой законодательный подход, без единого правового знаменателя к обозначению социальной группы, опосредовал не только критику в научном сообществе, но и весьма неординарные предложения, начиная с установления термина «социальная группа» в уголовном законе и заканчивая составлением специального списка социальных групп: своего рода нормативного ориентира для правоприменителя, который в последующем мог бы изменяться и дополняться [4, с. 217]. Конституционный Суд РФ, неоднократно отказывая в принятии жалоб на ст. 282 УК РФ в части проверки категорий «социальная группа» и «мотивы ненависти и вражды», обосновывая

¹ О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон № 519-ФЗ от 27.12.2018 // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2018. № 53 (ч. I). Ст. 8445.

смысл данной нормы целями «охраны общественных отношений, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков», тем не менее вопросов толкования и понимания термина «социальная группа» не касался¹.

Между тем отметим, что Конституция РФ запрещает:

- пропаганду по признакам социального превосходства;
- пропаганду и агитацию, возбуждающую социальную ненависть и вражду;
- деятельность общественных организаций, направленных на разжигание социальной розни.

При этом Закон о противодействии экстремизму признает экстремистскими:

- как деяния, пропагандирующие исключительность, превосходство или неполноценность человека по социальной принадлежности;
- так и деяния, направленные на возбуждение социальной розни.

С позиции рядового гражданина (а именно с такой позиции необходимо строить архитектуру формулировок данных норм) этимология данных слов должна быть понятна для восприятия. Так, в толковом словаре С. И. Ожегова данные понятия раскрываются одно через другое: вражда – отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью; в свою очередь, ненависть – это чувство сильной вражды и отвращения; наконец, рознь – это вражда, ссора [5, с. 164, 617, 1022].

В юридической литературе предпринимались попытки разграничить понятия «ненависть» и «вражда» через эмоциональные и поведенческие аспекты.

Как считает Ю. Е. Пухирь, «ненависть – это своеобразное эмоциональное состояние, способствующее развитию вражды», а вражда реализуется «уже не во внутреннем переживании, а в определенного рода поведенческих действиях. <...> возбуждение ненависти связано с формированием у лиц внутреннего негативного отношения к какой-либо социальной группе, а вот возбуждение вражды уже будет дополняться еще и негативным поведением по отношению к этой группе» [6, с. 92].

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корта Евгения Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 1503-О от 18.07.2017 // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71772130/paragraph/12/doclist/170/22/1/0:0> (дата обращения: 18.03.2025) ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Носика Антона Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 1411-О от 27.06.2017 // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71724294/paragraph/4/doclist/170/23/1/0:0> (дата обращения: 18.03.2025) ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Поткина Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 1502-О от 18.07.2017 // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71772132/paragraph/13/doclist/170/30/1/0:0> (дата обращения: 18.03.2025).

Исследователь также делает вывод о неразрывности и взаимосвязанности данных понятий: «Для того чтобы сформировать вражду, необходимо изначально породить ненависть» [6, с. 93].

Несмотря на предпринимаемые попытки разграничения данных категорий, первичным элементом всегда будет являться информация, носящая побудительный характер и имеющая всегда негативный оттенок дискриминационного характера.

А. В. Жеребченко предлагает рассматривать в качестве смыслового содержания рассматриваемого уголовного преступления «попытку столкнуть между собой представителей больших социальных групп, вызвать у них сначала чувства неприязни и ненависти друг к другу, а затем и отношения, пронизанные враждебными действиями» [7, с. 85].

По мнению М. А. Яворского и Д. С. Гордеева, на практике данные категории не получают какого-либо смыслового разграничения. Правоприменители не устанавливают, какие именно действия экстремиста повлекли возбуждение ненависти, а какие опосредовали состояние вражды, обычно суды в приговорах используют формулировку «совершил действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды» [8, с. 212].

Избранный правоприменителем подход, по мнению данных авторов, вполне оправдан, поскольку:

- одни и те же действия могут оказать влияние на эмоциональное состояние одного человека либо побудить к определенным действиям другого;
- указанное обстоятельство не будет иметь существенного значения, поскольку квалификация соответствующих экстремистских действий осуществляется по одной и той же статье 282 УК РФ;
- в то же время формальное разграничение указанных категорий даст возможность правоприменителю «выбрать более справедливое наказание в рамках санкции» [8, с. 212].

Несмотря на разницу, порой существенную, в законодательной технике и понимании экстремизма в конституционном и специальном законодательстве, между тем возникают сугубо практические вопросы:

1. Как данные различные юридические подходы находят свое отражение в правоприменительной практике?
2. Разделяют ли суды категории «ненависть», «вражда», «рознь», «унижение достоинства»?
3. Имеются ли какие-либо квалифицирующие признаки, отделяющие одно деяние от другого?

В примечании 2 к ст. 282 УК РФ категории ненависти и вражды разъединены союзом «или» и названы в качестве квалифицирующих мотивов экстремистских преступлений.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 Постановления от 28.06.2011 № 11 использует формулировки уголовного закона и также разъединяет эти понятия, однако никакой смысловой градации между ними не проводит. Обратим

внимание, что к соответствующим действиям Верховный Суд РФ относит высказывания, «обосновывающие и (или) утверждающие необходимость совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия»¹.

Конституционный Суд РФ, отказывая в принятии жалобы на ст. 282 УК РФ, содержание которой, по мнению заявителя, имеет недостаточную формальную определенность, указал, что диспозиция данной статьи «устанавливает уголовную ответственность не за любые действия, а только за те, которые совершаются с умыслом, направленным на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение достоинства человека или группы лиц»².

Некоторые ответы отчасти можно найти в методических рекомендациях Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» (при обязательном учете года их издания)³. Как видно из самого названия, акцент делается только на вопросах возбуждения вражды. Основан данный подход на первоначальной редакции ст. 282 УК РФ, диспозиция которой изначально предусматривала ответственность за «действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды».

Следует обратить внимание на то, что формы проявления вражды, приведенные в рекомендациях, охватывают собой и категорию возбуждения ненависти: таковыми признаются неприязнь, сильная антипатия, ненависть, желание любыми способами ущемить чьи-либо права и законные интересы.

Анализ данных рекомендаций позволяет сделать вывод, что ее авторы рассматривают ненависть как проявление вражды, а собственно возбуждение вражды синонимично с разжиганием розни.

Таким образом, как судебные разъяснения, так и рекомендации не ориентируют правоприменителя на разделение категорий «ненависть» и «вражда».

Однако отметим, что одной из проблем в данном ключе видится не только соотношение ненависти и вражды как факторов психологического и практического свойства, но и вопросы проявления именно вражды как побуждения к совершению определенных действий. Данный вопрос осложняется тем, что ст. 282 УК РФ в п. «а» ч. 2 имеет квалифицирующий признак «угроза применения насилия». Причем, как известно, для квалификации действий по данной части не требуется первоначального привлечения гражданина к административной ответственности.

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28.06.2011 (ред. от 28.10.2021) // Российская газета. 2011. № 142.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чулкина Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 154-О-О от 19.02.2009 // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/1790928/paragraph/8/doclist/170/26/1/0:0> (дата обращения: 18.03.2025).

³ Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ № 27-19-99 от 29.06.1999. URL: <https://rusexpert.ru/public/biblioteka-pdf/1.42MetRekGenProk1999.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).

Рассмотрим этот вопрос через анализ правоприменительной практики.

Так, приговором Егорьевского городского суда Московской области от 25.04.2024 по делу № 1-145/2024 гражданин Ерофеев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ¹.

Ерофеев в социальной сети «ВКонтакте» разместил в местной группе под постом, посвященным закрытию общежития для мигрантов, ряд комментариев. Данные комментарии, как установил суд, были направлены на «возбуждение ненависти и вражды неопределенного широкого круга лиц относительно к лицам, выделенной по национальному признаку», информация в них «содержит отрицательную эмоциональную оценку, содержит призывы к осуществлению действий насильственного характера с целью физического уничтожения мигрантов – выходцев из Средней Азии – по признаку национальной принадлежности».

Среди комментариев были следующие: «Предать пламени, чтобы не размножались... уже все заполонили», «Их проще завалить». По делу проводилась оценка и иных комментариев, но ключевыми, как представляется, являются вышеназванные.

В рамках дела была проведена психолого-лингвистическая экспертиза, которая установила, что в указанных фразах в комментариях присутствуют следующие лингвистические и психологические признаки:

1. Побуждение совершения каких-либо противоправных действий (в том числе насильственных, разрушительных, дискриминационных) по отношению к мигрантам. Побуждение выражается в манипулятивных фразах и ориентировано на формирование негативной оценки к определенным нациям и побуждение отдельно взятой группы лиц к действиям.

2. Публичный призыв к экстремистской деятельности, в том числе в виде побуждения к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности.

3. Возбуждения розни (ненависти, вражды), «которые выражаются во сдвиге от позитивной идентичности к гиперидентичности (мы и они) и формировании враждебной установки к признанию и противоправным действиям в данном случае по отношению мигрантам как социальной группе, в подстрекательстве к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности»².

Суд посчитал установленным, что в данных комментариях содержатся лингвистические и психологические признаки возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (в том числе по принадлежности к социальной группе) с применением насилия или угрозой его применения.

¹ Приговор Егорьевского городского суда Московской области от 25.04.2024 по делу № 1-145/2024 // Гарант. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/340033016/paragraph/1/doclist/1678/1/0/0> (дата обращения: 18.03.2025).

² Там же.

Обратим внимание, что экспертиза:

- все названные категории розни, вражды и ненависти рассматривает как синонимичные;
- не выделяет специальных признаков и маркеров вражды;
- мигрантов называет социальной группой, а дискриминационные признаки применительно к мигрантам – по критерию национальности.

В свою очередь суд на основе экспертного заключения призывы к осуществлению незаконных действий в отношении мигрантов оценил не только как возбуждающие вражду к мигрантам, но и как угрозу применения к ним насилия.

Таким образом, сугубо практическим вопросом в рамках квалификации действия как экстремистского является разграничение не терминов «ненависть» и «вражда», а «вражда» и «угроза применения насилия».

Отметим, что грань между административными правонарушениями и уголовными преступлениями, направленными на возбуждение вражды в этом ключе, может быть очень тонкой и может зависеть зачастую от позиции эксперта.

Так, Постановлением Нижнеломовского районного суда Пензенской области от 14.02.2024 по делу № 5-17/2024 гражданин Верясов был признан виновным по ст. 20.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Как установлено судом, данный гражданин в социальной сети «Одноклассники» увидел видеоролик, в котором «подросток из Средней Азии, выражаясь нецензурно, с ножом набрасывался на сотрудников полиции». «Возмутившись поведением подростка, он под указанным видеороликом разместил комментарий с текстом: “гасить ха**й на глухорая, не зависимо от возраста”» (орфография и пунктуация сохранены – *прим. авт.*).

Проведенное по делу исследование показало, что в данном комментарии имеется «высказывание, выражающее утверждение о необходимости совершения враждебных (насильственных действий) одной группы лиц, объединенных по признакам расы, национальности, языка и происхождения».

Суд посчитал установленной вину гражданина «в совершении действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, публично». Признаков ст. 282 УК РФ судом не установлено¹.

Постановлением Оренбургского районного суда Оренбургской области от 29.05.2024 по делу № 5-116/2024 гражданин Винников был признан виновным по аналогичной статье. Данный гражданин в социальной сети «ВКонтакте», используя свой профиль «Елена Ивановна», разместил в одной

¹ Постановление Нижнеломовского районного суда Пензенской области от 14.02.2024 по делу № 5-17/2024 // Гарант. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/338432002/paragraph/1/doclist/1660/1/0/0> (дата обращения: 18.03.2025).

из групп ряд комментариев под видеозаписью, в том числе: «Утопить, как муму, всех этих “чу**к”».

Проведенное исследование показало, что в данном комментарии «содержится высказывание, содержащее утверждение необходимости совершения насильственных действий (“утопить”, по отношению к группе лиц, выраженных в тексте комментария как “чу**и”».

Суд квалифицировал деяние как «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека по признакам национальности». Как и в предшествующем деле, признаков ст. 282 УК РФ не установлено¹.

Таким образом, конституционные запреты, во-первых, существенно расширены в специальном законодательстве; во-вторых, используют иное содержание при установлении признаков, характеризующих экстремизм; в-третьих, зачастую не используются в качестве ориентира правоприменителем.

Как представляется, специальное законодательство, регулирующее вопросы противодействия экстремизму и устанавливающее соответствующие виды юридической ответственности, должно:

- не расширять рамки конституционно-правовых запретов;
- не устанавливать иные критерии экстремизма;
- конкретизировать конституционно-правовые нормы, но в установленных самой Конституцией РФ пределах;
- не объединять все конституционно-правовые запреты в целях создания единого экстремистского нарушения;
- разграничить категории «возбуждение вражды» и «угроза применения насилия» либо исключить данный признак из п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ.

Список литературы

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 1008 с.
2. Литвяк Л. Г. К вопросу о понятиях «экстремистская деятельность (экстремизм)» и «преступления экстремистской направленности» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С.109–112.
3. Араева Л. А., Осадчий М. А. Экспертно-лингвистическая идентификация социальной принадлежности при расследовании преступлений, предусмотренных статьёй 282 УК РФ // Юрислингвистика – 8: Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 307–313.
4. Яворский М. А., Гордеев Д. С. Социальная группа в контексте статьи 282 УК РФ: понятие и анализ правоприменительной практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3 (31). С. 216–218.

¹ Постановление Оренбургского районного суда Оренбургской области от 29.05.2024 по делу № 5-116/2024 // Гарант. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/339956451/paragraph/1/doclist/756/6/1/0:0> (дата обращения: 18.03.2025).

5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. 1376 с.
6. Пухирь Ю. Е. Проблема соотношения ненависти и вражды в рамках статьи 282 УК РФ через призму публичности и СМИ // Вестник Омского юридического института. 2011. № 1 (14). С. 92–94.
7. Жеребченко А. В. Перспектива либерализации уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 84–87.
8. Яворский М. А., Гордеев Д. С. Некоторые проблемные моменты определения понятий «возбуждение ненависти либо вражды» и «унижение достоинства человека» в контексте ст. 282 УК РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3 (31). С. 211–215.

References

1. Zor'kin V.D. (ed.). *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. 2-e izd., peresmotr.* = *Commentary on the Constitution of the Russian Federation. The 2nd edition, revised.* Moscow: Norma: INFRA-M, 2011:1008. (In Russ.)
2. Litvyak L.G. On the issue of the concepts of “extremist activity (extremism)” and “extremist crimes”. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* = *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2016;(5):109–112. (In Russ.)
3. Araeva L.A., Osadchiy M.A. Expert-linguistic identification of social affiliation during the investigation of crimes under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Yurislingvistika – 8: Russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo: mezhvuz. sb. nauch. st.* = *Jurislinguistics – 8: Russian language and modern Russian law: interuniversity collected articles*. Kemerovo; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007:307–313. (In Russ.)
4. Yavorskiy M.A., Gordeev D.S. Social group in the context of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation: concept and analysis of law enforcement practice. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;(4-3):216–218. (In Russ.)
5. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy. 28-e izd., pererab.* = *Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions. The 28th edition, revised.* Moscow: Mir i Obrazovanie, 2019:1376. (In Russ.)
6. Pukhir' Yu.E. The problem of the relationship between hatred and enmity within the framework of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation through the prism of publicity and the media. *Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta* = *Bulletin of Omsk Law Institute*. 2011;(1):92–94. (In Russ.)
7. Zherebchenko A.V. The prospect of liberalizing criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity (Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(3):84–87. (In Russ.)
8. Yavorskiy M.A., Gordeev D.S. Some problematic aspects of the definition of the concepts of “incitement of hatred or enmity” and “humiliation of human dignity” in the context of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Mezhdunarod-*

nyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019;(4-3):211–215. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Глеб Владимирович Синцов

доктор юридических наук, профессор
кафедры частного и публичного права,
проректор по международной
деятельности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: g_sintsov@mail.ru

Gleb V. Sintsov

Doctor of juridical sciences, professor
of the sub-department of private and public
law, Vice-Rector for International Affairs,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Данил Евгеньевич Феоктистов

кандидат юридических наук, доцент
кафедры частного и публичного права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: d_e_f@bk.ru

Danil E. Feoktistov

Candidate of juridical sciences, associate
professor of the sub-department of private
and public law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Александр Григорьевич Пархоменко

доктор юридических наук, профессор,
профессор-консультант кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: alexparhom@mail.ru

Alexander G. Parkhomenko

Doctor of juridical sciences, professor, pro-
fessor-consultant of the sub-department of
state and legal disciplines, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 28.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.03.2025

Принята к публикации / Accepted 24.03.2025

УДК 342.3

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-7

Отечественные дореволюционные ученые о конституционно-монархической форме правления в России

Ю. Л. Шульженко

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

constitution@igpran.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность избранной темы обусловлена главным образом возросшим сегодня интересом общества, ученых к русской истории в целом, истории русской юридической науки в частности. Тем самым создается реальная возможность для выявления эффективных решений, институтов прошлого, апробированных временем, практикой, для их применения, использования в современной действительности с соответствующей коррекцией. Цель исследования – дать характеристику формы правления, созданной в ходе первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. в нашей стране, спорных вопросов по данной проблематике, представить свою точку зрения. *Материалы и методы.* При подготовке работы использованы три основных научных метода – догматический, исторический, сравнительный. *Результаты.* Проанализирован широкий круг вопросов, которые были в центре внимания научного мира в тот период и остаются актуальными и в наши дни. Это понятие формы правления, монархии (ограниченной, дуалистической); сущность конституционной монархии; российская форма конституционной монархии; основные черты конституционной монархии в России: наличие общероссийской конституции (Основные государственные законы 1906 г.) и создание, функционирование народного представительства – парламента, Государственной Думы. *Выводы.* Во-первых, в России в ходе реформ 1905–1907 гг. устанавливается такая форма правления, как конституционная монархия. Она была отсталой и имела существенные недостатки, отклонения от классической модели. Вместе с тем были созданы условия для их устранения. Но этого не произошло. Напротив, принимались решения, которые свидетельствовали о возвращении к абсолютизму. Во-вторых, Основные государственные законы 1906 г. – это первая общероссийская конституция.

Ключевые слова: Конституция, конституционная монархия, монархия, парламент, партии, республика, форма правления

Для цитирования: Шульженко Ю. Л. Отечественные дореволюционные ученые о конституционно-монархической форме правления в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 84–99. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-7

Russian pre-revolutionary scientists on the Constitutional monarchical form of Government in Russia

Yu.L. Shul'zhenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

constitution@igpran.ru

Abstract. *Background.* Relevance of the chosen topic is conditioned mainly due to the increased interest of society and scientists to Russian history in general and to the history of Russian law in particular. This creates a real opportunity to identify effective solutions, institutions of the past, proven by time and practice, for their application and use in modern reality with appropriate correction. The purpose of the study is to characterize the form of government created during the first bourgeois-democratic revolution of 1905–1907 in our country, there are controversial issues on this issue, to present our point of view. In this regard, a wide range of issues that were at the center of attention of the scientific world at that time and remain relevant today are analyzed. This is the concept of a form of government; monarchy (limited, dualistic); the essence of constitutional monarchy; the Russian form of constitutional monarchy; the main features of the constitutional monarchy in Russia are the existence of the all-Russian constitution (the Main State Laws of 1906) and the creation and functioning of the people's representative office – Parliament, the State Duma. Two main conclusions on the topic are presented, which were and are important both in theoretical and practical terms and are particularly controversial. Firstly, in Russia, during the reforms of 1905–1907, a constitutional monarchy was established. It was backward and had significant drawbacks, deviations from the classical model. However, conditions have been created to eliminate them. But that didn't happen. On the contrary, decisions were made that indicated a return to absolutism. Secondly, the Main state Laws of 1906 are the first all-Russian constitution. Three main scientific methods were used in the preparation of the article: dogmatic, historical, and comparative.

Keywords: Constitution, constitutional monarchy, monarchy, parliament, parties, republic, form of government

For citation: Shul'zhenko Yu.L. Russian pre-revolutionary scientists on the Constitutional monarchical form of Government in Russia. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):84–99. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-7

Проблематика отечественной истории как никогда актуальна в наши дни. Выступая на встрече с историками и представителями традиционных религий в ноябре 2022 г., Президент России В. В. Путин отметил: «История нашей страны – непрерывный, постоянный поток. Мы должны рассматривать ее в целом, со всеми порой крайне сложными и даже противоречивыми периодами. Для государства, общества, власти, граждан крайне важны полные знания о нашем прошлом – и в далеком прошлом, и в близком, и в давнем» [1]. И именно таким является период конституционной монархии в России. Он был и остается предметом споров в научной среде. И именно этому периоду, позициям отечественных дореволюционных ученых по данной проблематике и будет посвящена эта статья.

Данные вопросы начали анализироваться в определенной мере в важнейший период развития русского государственного права, его обособления – во второй половине XIX в. Это нашло отражение, в частности, в первом учебнике по русскому государственному праву, подготовленном русским ученым И. Е. Андреевским и увидевшем свет в 1866 г., в первых монографических работах по русскому государственному праву [2, с. 3–5; 3, с. 1–2, 38]. В дальнейшем по проблематике форм правления стали высказываться различные позиции. В те времена отсутствовали учения, определения, которые считались бы общепризнанными. Было исключение. Все ученые разделяли форму правления на два типа – монархия, республика. По мнению Н. И. Лазаревского, «обновлено различие этих двух форм правления в различии числа правящих: в монархии власть принадлежит одному, в республике – всем или, по крайней мере, многим» [4, с. 58].

Во второй половине XIX в. центральное место отводилось анализу монархии, и прежде всего неограниченной. Был представлен ряд их определений. Например, М. И. Свешников – «монархия является всегда такой формой правления, где одно лицо носило определенный титул, причем основной чертой было коронование этого лица» [5, с. 213]; В. В. Сокольский – «неограниченная монархия есть такая, в которой не существует органов и учреждений, с необходимостью участвующих в законодательной и правительственной деятельности монарха» [6, с. 15].

Были представлены классификации прав российского монарха, принципы, свойства, основы такой монархической власти. Все авторы особо отмечали такой постулат науки отечественного государственного права – верховенством государственной власти, всей ее полнотой обладает исключительно царь. При этом в центре внимания находился анализ, обоснование принципа такого верховенства, закрепленного в формуле в ст. 1 действовавших тогда Основных законов, – всероссийский император является монархом самодержавным и неограниченным. Одним из начал отечественного государственного строя, права являлась безответственность императора. В научной литературе в связи с этим подчеркивалось, что таким образом отождествлялись понятия «верховенство» и «безответственность» [7, с. 350].

Исходя еще из Наказа Екатерины II 1768 г., трудов М. М. Сперанского [8, с. 181] обосновывалась, отстаивалась доктрина отечественного дореволюционного законодательства о выделении трех реальных проявлений монархической власти: управления верховного, управления подчиненного и законодательства. Обосновывая верховную власть монарха в России, особо подчеркивалось, превозносилось ее происхождение от Бога. Как величайшую идею трактовали дореволюционные ученые-правоведы идею единения царя и народа. Наибольшее развитие, законодательное отражение она получила при Николае II. Но основы данной идеи мы встречаем еще в литературе второй половины XIX в. (И. С. Аксаков, К. Д. Кавелин).

Новые подходы к определению монархии стали использоваться начиная с 1905 г. Так, И. А. Ильин в основу взял «положение главы государства». Ученый считал, что если последний имеет свои права наследственно, на всю жизнь и при этом свободен от всякого рода ответственности за свои действия, «то он имеет титул монарха, а государство является монархией» [9, с. 113]. Основываясь на теории различия монархии и республики австрийца Е. Бернацкиа, в соответствии с которой монарх противопоставлялся государству, как бы находясь вне его [10], Н. М. Коркунов охарактеризовал монархию «как государственное устройство, при котором функция представлять государство, как целое, осуществляется как собственное право безответственным лицом» [11, с. 113]. Заметим, что данная теория подверглась в середине 20-х гг. прошлого века критике со стороны А. А. Жилина. Он считал ее противоречащей имевшим место в то время взглядам на государство, сущность государственной власти, которая принадлежала государству в целом и не могла «быть присваиваемой какому-нибудь лицу или органу, как его личное право» [12, с. 149].

Продолжение имела дискуссия, начатая еще в конце XX в., о вычленинии двух форм представительной монархии – дуалистической и парламентарной. В центре внимания находились следующие позиции. Во-первых, парламент в дуалистической монархии осуществляет законодательную, финансовую функции, управление же страной осуществляет исключительно император. В результате монарх и парламент – две самостоятельные власти, имеющие свои определенные полномочия. Это и определяет название «дуалистическая монархия». В законодательной сфере парламент и монарх действуют совместно. Монарх управляет страной самостоятельно. Во-вторых, в условиях парламентарной монархии парламент наделен всеми функциями власти государства. Из этого следует, что монарх не может осуществлять власть самостоятельно, без парламента.

По мнению Ф. Ф. Кокошкина, различия между парламентской и дуалистической монархией не определены. Это связано прежде всего с тем, что закон не устанавливает правила парламентаризма. Они, как правило, результат практики и не могут иметь четкого юридического определения. Важно иметь в виду и то, что сама возможность применения таких правил находится в зависимости от ряда важных условий, в первую очередь от наличия в парламенте сплоченного, прочного большинства. «Поэтому между парламентарными и дуалистическими монархиями нельзя провести резкой грани» [13, с. 47].

Но вполне естественным в центре внимания был вопрос о том, какая форма правления была установлена в России в ходе буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. Подавляющее большинство придерживались позиции о том, что в нашей стране устанавливается представительный конституционный строй. Форма правления – конституционная (представительная, ограниченная) монархия [14, с. 196; 15, с. 311]. Такую же точку зрения высказывали ряд ученых и в советское время, и в наши дни [16, с. 88–93;

17, с. 89–90]. Важно особо подчеркнуть, что, анализируя российскую форму конституционной монархии, подавляющее большинство ученых-юристов того периода обоснованно характеризовали ее как слабо развитую, зачаточную. Это связывалось главным образом с сосредоточением в руках императора значительной власти, весьма слабыми полномочиями, включая законодательную, бюджетную сферы народного представительства – Государственной Думы, фактически нулевым влиянием ее на правительственную деятельность [18, с. 121; 19, с. 59].

Значительное внимание было уделено вопросу о тех критериях, которые определяют сущность конституционной монархии, тому, чем она отличается от иных форм правления. Таковых, с нашей точки зрения, два. Это прежде всего наличие конституции. Первой общероссийской конституцией, по нашему мнению, были Основные государственные законы 1906 г. В пользу этого говорят главным образом их высшая юридическая сила, содержание – охват основополагающих, важнейших государственно-правовых институтов, структура. Что касается названия, то мировая практика свидетельствовала о том, что не во всех государствах применялся термин «конституция». В Греции использовалось понятие «синтагма», в Италии – «статут», во многих странах – «основной закон». Отметим и имевшую место дискуссию об отличиях Основных государственных законов 1906 г. от российских Основных законов, которые были изданы в 1832–1892 гг. Здесь особое значение для нас имеет высказанная позиция о том, что такого рода отличия – свидетельство того, что Основные государственные законы 1906 г. являются конституцией. Отмечалось и то, что принятие Основных законов в 1906 г. обуславливалось и недостатками прежних Основных законов.

Не всегда и не всеми учеными Основные государственные законы 1906 г. признавались конституцией. В рассматриваемый нами период мнение было практически единодушным – это первая общероссийская конституция. Такая позиция была непопулярна в советский период. Господствующим было мнение о том, что лишь исключительно социализм мог дать нашему народу конституцию, и первой называлась Конституция РСФСР 1918 г. За то, что Основные государственные законы 1906 г. являются конституцией, ратовали единицы [20, с. 274; 21, с. 23–24]. При этом они подвергались острейшей критике. Сегодня также представлены две позиции. Одни считают, что Основные государственные законы – конституция, другие – нет [22, с. 123; 23, с. 54].

Вместе с тем на основе мировой теории и практики выделялся главенствующий критерий, касающийся сущности конституционной, представительной монархии, характеризующий ее отличие от иных форм правления. Это наличие представительного органа государственной власти, фактическое осуществление им законодательной деятельности. Такой критерий в той или иной форме был закреплён в основных законах всех конституционных монархий того времени в двух четко определенных позициях: «законодательная власть осуществляется монархом в слиянии с народным представитель-

ством», «ни один закон не может быть издан, изменен, отменен, приостановлен, аутентически истолкован иначе, как с согласия и одобрения народного представительства» [24, с. 60–62].

В результате реформ 1905–1907 гг. в России создается двухпалатный парламент в лице Государственного Совета и Государственной Думы. Образованный еще в 1810 г. Государственный Совет стал фактически законосовещательным органом. Реформы 1905–1907 гг. существенно расширили его права, прежде всего в области законодательства. В принципе он стал своего рода верхней палатой российского парламента. Особо важное значение имело создание на высшем уровне Государственной Думы, второй палаты парламента – высшего народного представительства. «Господь да благословит труды, предстоящие Мне в единении с Государственным Советом и Государственной Думой, и да знаменуется день сей отныне днем обновления нравственного облика Земли Русской, днем зарождения ее лучших сил», – отметил Николай II в своем выступлении на первом заседании Государственной Думы [25]. С введением представительства связывались существенные и радикальные изменения, которые должны были наступить в стране. Особо подчеркивались здесь место и роль народных масс. С созданием представительства в государстве власть существует не только для народа, а «сам народ становится государством; народное благо осуществляется не только для народа, но и через него. Сам народ становится властью» [26, с. 178].

На основании ст. 1 Учреждения Государственной Думы от 20 февраля 1906 г. она создавалась для обсуждения законодательных предложений, восходящих к императору по силе Основных государственных законов в порядке, определенном в данном Учреждении и в Учреждении Государственного Совета. Вышеуказанные критерии конституционной, представительной монархии в той или иной форме содержались в правовых актах России 1905–1907 гг. В Основных государственных законах 1906 г. они были сформулированы, закреплены в следующей форме: ст. 7 – «Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой»; ст. 96 – «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения государя императора». В соответствии с позициями дореволюционных ученых Основные государственные законы 1906 г. установили начала народного представительства, что является важнейшим фактором для характеристики России в качестве конституционной монархии.

Наряду с этим еще раз подчеркнем, и это весьма важно, что в научном мире того периода обоснованно характеризовали российскую форму конституционной монархии как слаборазвитую, незавершенную, зачаточную. Это обосновывалось наличием таких показателей, как сосредоточение в руках императора значительных властных функций; весьма незначительными полномочиями в законодательной, бюджетной области народного представительства;

в реальном отсутствии влияния на функционирование правительства со стороны Государственной Думы.

Обратим внимание и на имевший место в те годы спор о моменте перехода России к конституционной монархии. Здесь были представлены три точки зрения: с Манифеста от 17 октября 1905 г.; с даты издания Основных государственных законов 1906 г. – 23 апреля 1906 г.; с 27 апреля 1906 г. – день, когда собралась первая Государственная Дума. Подбор таких актов, событий был не случаен, а обуславливался их важнейшей ролью в рассматриваемый период: Манифест 17 октября 1906 г. установил начала будущего нового строя; Основные государственные законы 1906 г. – первая конституция такого строя; 27 апреля 1906 г. – день начала деятельности Государственной Думы, функционирования парламента – основополагающего атрибута конституционной монархии. Были приняты и иные важные правовые акты, связанные с организацией и деятельностью нового строя, имеющие не меньшее значение. Например, новое Учреждение Государственного Совета от 26 апреля 1906 г., новое Положение о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г. По нашему мнению, «все эти акты в целом и стали основой создания нового государственного строя в России – конституционной монархии» [27, с. 162].

Были представлены и иные точки зрения. Так, утверждалось, что реформы в России 1905–1907 гг. не привели к установлению в ней конституционной монархии. Впервые об этом заявил иностранец, профессор из г. Познани Ю. Гатчек. Без каких-либо оснований, должного анализа русского государственного строя он просто бездоказательно охарактеризовал Россию «автократией», имеющей народное представительство [28, с. 23]. В отечественной науке точки зрения о том, что в России продолжала существовать абсолютная монархия, придерживались С. А. Котляревский, М. А. Рейснер. Во многом с этим была созвучна и позиция о том, что в результате реформ 1905–1907 гг. государственный строй в России оставался прежним и лишь обновился. Ярким сторонником ее был П. Е. Казанский. Обосновывал это он тем, что в прошлом самодержавие у нас не выливалось во всех случаях в одну и ту же форму. «Особенно резка и заметна грань между патримониальным образом правления московских Царей и публично-правовым строем России периода императорского. Причем последний строй, несомненно, постепенно усовершенствовался и укреплялся» [7, с. 54, 553].

Аналогичные подходы, выводы сохранились и в советский период. Но при этом упор делался на том, что трудно представить однозначный ответ о форме правления в России после 1905 г. [29, с. 6; 30, с. 177–178; 31]. Отметим основные аргументы тех, кто утверждал, что Россия представляла собой монархию и после 1905 г.: нигде, ни в каком правовом акте не говорилось о том, что император слагал с себя принадлежащую ему власть; в действовавших Основных законах отсутствовали какие-либо указания об изменении формы правления, основ государственной власти в стране; Основные государственные законы 1906 г. наделили императора очень широкими функциями, и в то

же время народное представительство – Государственная Дума – имело мало прав, особенно в области законодательства; несоответствие значительного числа статей этих Основных законов, большого количества действовавших в то время законодательных актов сущности, духу конституционного государства; существенные нарушения в реальности Основных государственных законов, при этом особый акцент делался на то, что принятая новая редакция Положения о выборах в Государственную Думу в июне 1906 г. противоречила Основным государственным законам [32, с. 66; 33, с. 215, 227]. Следует отметить, что, с нашей точки зрения, представленные аргументы находятся фактически в полном соответствии со спецификой, отмеченной теми авторами, которые относили Россию к конституционной монархии.

Обратим внимание и на другие позиции, касающиеся формы правления в России, установленной в ходе революции 1905–1907 гг. В целом исходным здесь было положение следующего характера – это переходная, промежуточная форма между абсолютной и конституционной монархией, дуалистическая. Но при всем этом позиции, выводы здесь были различны. Так, Н. И. Палиенко, основываясь на представленной еще до 1905 г. Н. М. Коркуновым классификации форм представительной монархии, считал, что Россия стала дуалистической конституционной монархией. По его мнению, это следовало из двойственного характера государственной власти. Она разделялась между создаваемым ответственным перед императором правительством и Государственным Советом, Государственной Думой – парламентом [34, с. 70].

Позиция С. А. Котляревского сводилась к тому, что он возникший дуалистический государственный строй в России трактовал как противоположность парламентаризму при отсутствии, недопустимости даже самых ограниченных основ ответственности политической. Указывалось на то, что в нашей стране независимость правительства от народного представительства была гораздо более объемной, чем независимость последнего от правительства. Исходя из этого управленческая власть была фактически совершенно изъята из сферы компетенции парламента. Отсюда правительство в области законодательства носило фактически руководящую роль, а в юридическом плане – преобладающую. Это в особенности было связано с закрепленной обязанностью предварительного отзыва правительства в случае инициативы Государственной Думы. «Все это перемещает центр тяжести государственного механизма с представительства на правительство, ответственное лишь перед верховной властью» [35, с. 276].

Весьма противоречива здесь позиция Н. О. Куплевского. С одной стороны, он, основываясь на реформах 1905–1907 гг., которые узаконили участие представителей народа в законодательстве, определял новую форму правления в России в качестве представительной монархии. С другой стороны, по мнению ученого, эта форма весьма своеобразна и не соответствует какому-либо типу монархий в Западной Европе. Ее нельзя считать ни конституционной, ни ограниченной, ни абсолютной, ни дуалистической. Обосновывалось это тем, что представительный строй монархии в нашей стране был

введен волею императора для обеспечения в ней спокойствия, порядка, улучшения благосостояния населения. И в таком смысле она продолжает быть самодержавной. Особо подчеркивалось, что это был первый опыт введения народного представительства, и в значительной мере неудачный. В обоснование этого указывалось то, что «дикие и полудикие депутаты», «более культурные поляки, преследовавшие свои особые цели», занявшие первую, вторую Думы, не смогли обеспечить в России надлежащий порядок, необходимое развитие, в связи с чем царь, основываясь на своей «нравственной обязанности», изменил состав Государственной Думы летом 1907 г. В соответствии с такими рассуждениями представлен вывод следующего характера: «Прошедшая история России показала, что участие народного представительства в государственной деятельности есть условие, необходимое для блага империи, но формы этого представительства могут быть различны» [36, с. 69].

По нашему мнению, данные подходы, некоторые высказанные здесь позиции в ряде случаев недостаточно полно аргументированы, спорны. Это достаточно четко выявляется при их более глубоком, всестороннем анализе, а иногда из самого конкретного текста автора. В первую очередь это относится к противопоставлению такого понятия, как «представительная монархия», понятиям «конституционная монархия», «ограниченная монархия». Это необоснованно и несостоятельно. Это аргументируется тем, что создание, наличие, функционирование народного представительства – один из основных атрибутов, признаков, показателей, характерных для двух этих типов монархии. Еще один факт: как политики, так и ученые того времени, как и в наши дни, используют, употребляют такие термины, как «конституционная монархия», «представительная монархия», «ограниченная монархия», в качестве синонимов. Да и сам Н. О. Куплевский подтверждает это, что нашло свое выражение в цитате из представленного его труда: российский государственный строй назван конституционным на том основании, «что в нем признается необходимость участия представителей народа в отправлении серьезных функций государственной власти» [36, с. 69].

Обратим внимание и на то, что в периодической печати, в научных трудах тех лет появились такие определения, связанные с формой правления, конституцией в России, как «самодержавная конституция», «конституционное самодержавие». Весьма интересна, профессиональна здесь их характеристика В. В. Ивановского. В основе ее заложена позиция о том, что конституция 1906 г., которая закрепила конкретную форму правления в нашей стране, является октроированной. Она была разработана и дарована императорской властью, без участия народных представителей. «Благодаря такому характеру возникновения конституционного строя, центр тяжести государственной власти сосредотачивается в особе Монарха, что и дало повод назвать русскую конституцию самодержавной конституцией» [15, с. 328–329].

В дальнейшем проводится идея о том, что все вышеотмеченное не является чем-то нереальным. Обосновывается это тем, что в мире существует значительное количество конституционных монархий, в которых центральное место во власти отведено самому монарху. При этом отмечено, что конституционная монархия в России имеет свою специфику по сравнению с иными конституционными монархиями. Она в большей степени тяготеет к такому типу монархии, как абсолютная. Выделена и такая специфика, как закрепление конституцией слов «самодержавный», «неограниченный»; наличие особого раздела Учреждения Императорской Фамилии, который имел фактически статус Основного закона; исключительное право императора быть инициатором пересмотра Основных законов, что ущемляло роль и значение конституционного строя; функционирование специального, верховного управления, что фактически не обеспечивало четкого, реального разграничения между законом и распоряжением, создавая тем самым двойственность законопорядка, расшатывая тем самым такой постулат конституционного государства, как его единство. Важен здесь и заключительный вывод о том, что созданная в России конституционная монархия относится «к типу наименее развитых форм этой категории, уступая даже такому государству, как Пруссия, с его классной системой представительства и обширными прерогативами короны» [15, с. 328–329].

Обратим внимание и на позицию С. А. Котляревского о перерождении самоограниченной монархии в ограниченную. Он считал такое явление объективным, в результате чего решается вопрос о природе нового строя, который первоначально усложнялся личностным фактором. «В России это изменение тем важнее, чем более возбуждал споров этот смысл – споров, по существу, политических, но принимавших, как это постоянно бывает, юридический облик» [35, с. 339].

В научной литературе того времени имела место обоснованная позиция о том, что большинство юристов России недооценивали специфику созданного отечественного государственного строя – конституционной монархии. В этом обвинялись такие авторитеты юридической науки, как Гессен, Кошкин, Лазаревский, Шалланд. Так, по мнению Н. А. Захарова, они игнорируют всякого рода специфику отечественной конституции. Вместе с тем она реально существует и нуждается в глубоком и всестороннем анализе, освещении. Основные выводы указанных ученых сводились, как правило, к указанию «на несовершенство и бедность наших конституционных определений по сравнению с теорией и принципами различных конституций» [18, с. 7, 144].

Высказывались и позиции о международном значении революции 1905–1907 гг. в России, в результате которой были провозглашены конституционные принципы в нашей стране, возникла конституционная монархия, принята первая общероссийская конституция. Указывая на то, что все это уступало по силе, значению общественным движениям XIX в. за рубежом,

особо подчеркивалось, что «тем не менее имело отголоски и за пределами нашего отечества» [13, с. 136]. Показателем этого является создание конституционных учреждений в Персии, Черногории, установление всеобщего избирательного права в Австрии, тенденции к принятию конституций в Египте, Индии, Китае.

В заключение следует отметить, что в рассматриваемый период в нашей стране продолжали функционировать, создавались новые политические партии, которые выражали интересы различных классов, слоев, групп общества. Это Социал-демократическая рабочая партия, Партия социалистов-революционеров, Конституционно-демократическая партия, Умеренно-прогрессивная партия, Всероссийский торгово-промышленный союз, партия «Союз 17 Октября», Партия правового порядка, Партия монархистов-конституционалистов, Народно-социалистическая партия, Радикальная партия, Партия свободомыслящих и др. Они определили свое отношение к форме правления, которая была установлена в России в результате буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. Достаточно четко выделялись три подхода. Они нашли свое выражение главным образом в программах партий. Первый подход – свержение самодержавия, установление демократической республики (революционные партии – Российская социал-демократическая рабочая партия, Партия социалистов-революционеров и др.). Второй подход – сохранение абсолютной монархии (партии «Русское собрание», «Отечественный союз» и др.). Третий подход – конституционная монархия (партия «Союз 17 октября» и др.). Ряд партий подчеркивали необходимость иметь в стране конституцию. Например, Российская социал-демократическая рабочая партия, Всероссийский торгово-промышленный союз.

Таким образом, в России в результате реформ 1905–1907 гг. устанавливается такая форма правления, как конституционная монархия. Она была в значительной мере отсталой, имела существенные недостатки, отклонения от ее классической модели. Вместе с тем были созданы условия для ликвидации таких недостатков, совершенствования конституционной монархии в нашей стране. Важно иметь в виду и то, что наличие такого рода недостатков – явление, свойственное в той или иной мере практически всем странам, покончившим с абсолютизмом, «и в постепенном устранении этих явлений во всех государствах и состоит главная задача», – подчеркивал Н. И. Лазаревский [4, с. 176–177]. Но прогрессивного развития конституционной монархии в России после 1905–1907 гг. не произошло. Напротив, многие принятые в дальнейшем решения, реальная практика во многих случаях свидетельствовали о возвращении к абсолютизму. Данная политика отвечала интересам правящей верхушки, императора, стремившихся всеми силами сохранить незыблемость власти монарха. Результатом этого стали трагические события. Россия была ввергнута в революции, разрушительные войны, которые привели к разрухе, обнищанию населения, гибели миллионов людей.

Список литературы

1. Информационное агентство «Красная Весна». URL: rossaprimavera.ru
2. Андреевский И. Е. Русское государственное право. Т. 1. Введение. Ч. 1. О правительстве. СПб. ; М. : Издание Маврикия Осиповича Вольфа, 1866. 496 с.
3. Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Основные государственные законы. Киев ; СПб. : Типография Г. Л. Фронцкевича, 1886. 299 с.
4. Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. 4-е изд. Петроград : Типография Редакции периодических изданий Министерства Финансов, 1917. Вып. 1. 272 с.
5. Свешников М. И. Очерк общей теории государственного права. СПб. : К. Л. Риккер, 1896. 311 с.
6. Сокольский В. В. Краткий учебник русского государственного права. Одесса : Экономическая типография, 1890. Вып. 1. 334 с.
7. Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. 3-е изд., значит. доп. М. : Фонд НБ, 2007. 597 с.
8. Сперанский М. М. План государственных преобразований. Введение к Уложению государственных законов 1809 г. М. : Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К. Пимен, 1905. 359 с.
9. Ильин И. А. Теория права и государства. М. : Зерцало, 2003. 398 с.
10. Betrnatzik E. Republik und Monarchie. Tübingen : Mohr, 1892. 52 s.
11. Коркунов Н. М. Русское государственное право : в 2 т. Т. 1. Введение и общая часть. 7-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 623 с.
12. Жилин А. А. Учебник государственного права. Ч. 1. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права (пособие к лекциям). Петроград : Тип. Б. М. Вольфа, 1916. 429 с.
13. Кокошкин Ф. Ф. Русское государственное право. В связи с основными началами общего государственного права. Конспект лекций, составленный слушателем Н. Невзоровым, под редакцией лектора. М. : Об-во взаимопомощи студентов-юристов Московского университета, 1908. Вып. 1. 155 с.
14. Шалланд Л. А. Русское государственное право. Юрьев : Тип. Шнакенбурга, 1908. 269 с.
15. Ивановский В. В. Учебник государственного права. 4-е изд. Казань : Типо-лит. Императорского университета, 1913. 500 с.
16. Севцов А. А. Развитие формы Русского государства в начале XX в. // Правоведение. 1990. № 4. С. 88–93.
17. Мазуров А. В. Конституция и общественная практика. М. : Частное право, 2004. 367 с.
18. Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск : Электро-тип. Ф. Туникова, 1912. 312 с.
19. Корф С. А. Русское государственное право. СПб. : Поставщика двора Его величества скоропечатня А. А. Левенсон, 1915. Ч. 1. 3154 с.
20. Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма: классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М. : Наука, 1976. 350 с.
21. Черменский. Е. Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М. : Мысль, 1976. 319 с.

22. Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века : учеб. пособие. М. : ЮНЭКА, 2000. 366 с.
23. Калюшин Е. И. Конституционное право : курс лекций. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. 415 с.
24. Гессен В. М. Русское государственное право : курс лекций. СПб. : Студ. касса взаимопомощи при С.-Петерб. политехникуме, 1909. 335 с.
25. Приветственное слово Его Императорского Величества Государя Императора Государственному Совету и Государственной Думе // Правительственный вестник. 1906. № 94.
26. Рейснер М. А. Основные черты представительства // Конституционное государство : сб. ст. / З. Д. Авалов, В. В. Водовозов, В. М. Гессен [и др.]. 2-е. изд. СПб. : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1905. 585 с.
27. Шульженко Ю. Л. Отечественная наука государственного права периода конституционной монархии, буржуазной республики в России (1905 г. – октябрь 1917 г.). М. : Институт государства и права РАН, 2012. 508 с.
28. Hatschek J. Allgemeines Staatsrecht auf rechtsvergleichender Grundlage. Leipzig : Gotschen, 1909. 166 s.
29. Ерошкин Р. П. Самодержавие накануне краха. М. : Просвещение, 1975. 160 с.
30. Черемский Е. Д. История СССР. Период империализма. М. : Просвещение, 1974. 446 с.
31. Грацианский П. Г., Егоров С. А., Кизяковский В. В. [и др.]. История буржуазного конституционализма XIX в. М. : Наука, 1986. 279 с.
32. Семенов П. Н. Самодержавие как государственный строй. СПб. : Сенатская типография, 1906. 68 с.
33. Рейснер М. Идея легитимизма в действующем праве // Современный мир. 1909. № 12. С. 215–227.
34. Палиенко Н. И. Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. Ярославль : Типография губернского правления, 1910. 78 с.
35. Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов. М. : Зерцало, 2004. 340 с.
36. Куплевский Н. О. Исторический очерк преобразования государственного строя в царствование Императора Николая II. СПб. : Всероссийский национальный клуб, 1912. Вып. 1. 76 с.

References

1. *Informatsionnoe agentstvo «Krasnaya Vesna» = Information agency “Red Spring”*. (In Russ.). Available at: <https://rossaprimavera.ru>
2. Andreevskiy I.E. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 1. Vvedenie. Ch. 1. O pravitel'stve = Russian state law. Volume 1. Introduction. Part 1. On the government*. Saint Petersburg; Moscow: Izdanie Mavrikiya Osipovicha Vol'fa, 1866:496. (In Russ.)
3. Romanovich-Slavatinskiy A.V. *Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ego istoriko-dogmaticheskom razvitii, sravnitel'no s gosudarstvennym pravom Zapadnoy Evropy. Ch. 1. Osnovnye gosudarstvennye zakony = The system of Russian state law in its historical and dogmatic development, compared with the state law of Western Europe. Part 1. Basic state laws*. Kiev; Saint Petersburg: Tipografiya G.L. Frantskevicha, 1886:299. (In Russ.)
4. Lazarevskiy N.I. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 1. Konstitutsionnoe pravo. 4-e izd. = Russian state law. Volume 1. Constitutional law. The 4th edition*. Petrograd: Tipografiya Redaktsii periodicheskikh izdaniy Ministerstva Finansov, 1917;(1):272. (In Russ.)

5. Sveshnikov M.I. *Ocherk obshchey teorii gosudarstvennogo prava* = *Essay on the General Theory of State Law*. Saint Petersburg: K.L. Rikker, 1896:311. (In Russ.)
6. Sokol'skiy V.V. *Kratkiy uchebnik russkogo gosudarstvennogo prava* = *Brief textbook of Russian state law*. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya, 1890;(1):334. (In Russ.)
7. Kazanskiy P.E. *Vlast' Vserossiyskogo Imperatora. 3-e izd., znachit. dop.* = *The Power of the All-Russian Emperor. The 3rd edition, supplemented*. Moscow: Fond NB, 2007:597. (In Russ.)
8. Speranskiy M.M. *Plan gosudarstvennykh preobrazovaniy. Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.* = *Plan of state reforms. Introduction to the Code of state laws of 1809*. Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K. Pimen, 1905:359. (In Russ.)
9. Il'in I.A. *Teoriya prava i gosudarstva* = *Theory of law and state*. Moscow: Zertsalo, 2003:398. (In Russ.)
10. Betrnatzik E. *Republik und Monarchie*. Tübingen: Mohr, 1892:52.
11. Korkunov N.M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo: v 2 t. T. 1. Vvedenie i obshchaya chast'*. 7-e izd. = *Russian state law: in 2 volumes. Volume 1. Introduction and general part. The 7th edition*. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1909:623. (In Russ.)
12. Zhilin A.A. *Uchebnik gosudarstvennogo prava. Ch. 1. Obshchee uchenie o gosudarstve v svyazi s osnovnymi nachalami inostrannogo gosudarstvennogo prava (posobie k lektsiyam)* = *Textbook of public law. Part 1. General doctrine of the state in connection with the basic principles of foreign state law (lecture manual)*. Petrograd: Tip. B.M. Vol'fa, 1916:429. (In Russ.)
13. Kokoshkin F.F. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. V svyazi s osnovnymi nachalami obshchego gosudarstvennogo prava. Konspekt lektsiy, sostavlennyy slushatelem N. Nevzorovym, pod redaktsiey lektora* = *Russian state law. In conjunction with the basic principles of general state law. Lecture notes compiled by lecturer N. Nevzorov, edited by the lecturer*. Moscow: Ob-vo vzaimopomoshchi studentov-yuristov Moskovskogo universiteta, 1908;(1):155. (In Russ.)
14. Shalland L.A. *Russkoe gosudarstvennoe parvo* = *Russian state law*. Yur'ev: Tip. Shnakenburga, 1908:269. (In Russ.)
15. Ivanovskiy V.V. *Uchebnik gosudarstvennogo prava. 4-e izd.* = *Textbook of public law. The 4th edition*. Kazan: Tipo-lit. Imperatorskogo universiteta, 1913:500. (In Russ.)
16. Sevtsov A.A. Development of the form of the Russian state at the beginning of the 20th century. *Pravovedenie* = *Jurisprudence*. 1990;(4):88–93. (In Russ.)
17. Mazurov A.V. *Konstitutsiya i obshchestvennaya praktika* = *Constitution and public practice*. Moscow: Chastnoe pravo, 2004:367. (In Russ.)
18. Zakharov N.A. *Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti. Yuridicheskoe issledovanie* = *The system of russian state power. Legal research*. Novocherkassk: Elektro-tip. F. Tunikova, 1912:312. (In Russ.)
19. Korf S.A. *Russkoe gosudarstvennoe parvo* = *Russian state law*. Saint Petersburg: Postavshchika dvora Ego velichestva skoropechatnya A.A. Levenson, 1915;(part 1):3154. (In Russ.)
20. Davidovich A.M. *Samoderzhavie v epokhu imperializma: klassovaya sushchnost' i evolyutsiya absolyutizma v Rossii* = *Autocracy in the age of imperialism: class essence and evolution of absolutism in Russia*. Moscow: Nauka, 1976:350. (In Russ.)
21. Chermenskiy. E.D. *IV Gosudarstvennaya Duma i sverzhenie tsarizma v Rossii* = *The 4th State Duma and the Overthrow of Tsarism in Russia*. Moscow: Mysl', 1976:319. (In Russ.)

22. Kravets I.A. *Konstitutsionalizm i rossiyskaya gosudarstvennost' v nachale XX veka: ucheb. posobie = Constitutionalism and Russian statehood at the beginning of the 20th century: textbook*. Moscow: YuNEKA, 2000:366. (In Russ.)
23. Kalyushin E.I. *Konstitutsionnoe pravo: kurs lektsiy = Constitutional law: lecture course*. Moscow: Norma: INFRA-M, 2013:415. (In Russ.)
24. Gessen V.M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo: kurs lektsiy = Russian state law: lection course*. Saint Petersburg: Stud. kassa vzaimopomoshchi pri S.-Peterb. politekhnike, 1909:335. (In Russ.)
25. Welcoming speech of His Imperial Majesty the Sovereign Emperor to the State Council and the State Duma. *Pravitel'stvennyy vestnik = Government Gazette*. 1906;(94). (In Russ.)
26. Reysner M.A. Main features of representation. *Konstitutsionnoe gosudarstvo: sb. st. 2-e. izd. = Constitutional state: collected articles. The 2nd edition*. Saint Petersburg: Tip. t-va «Obshchestvennaya Pol'za», 1905:585. (In Russ.)
27. Shul'zhenko Yu.L. *Otechestvennaya nauka gosudarstvennogo prava perioda konstitutsionnoy monarkhii, burzhuaznoy respubliki v Rossii (1905 g. – oktyabr' 1917 g.) = Domestic science of state law during the period of constitutional monarchy, bourgeois republic in Russia (1905 – October 1917)*. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, 2012:508. (In Russ.)
28. Hatschek J. *Allgemeines Staatsrecht auf rechtsvergleichender Grundlage*. Leipzig: Gotsche, 1909:166.
29. Eroshkin R.P. *Samoderzhavie nakanune krakha = Autocracy on the eve of collapse*. Moscow: Prosveshchenie, 1975:160. (In Russ.)
30. Cheremskiy E.D. *Istoriya SSSR. Period imperializma = History of the USSR. The period of imperialism*. Moscow: Prosveshchenie, 1974:446. (In Russ.)
31. Gratsianskiy P.G., Egorov S.A., Kizyakovskiy V.V. et al. *Istoriya burzhuaznogo konstitutsionalizma XIX v. = History of bourgeois constitutionalism of the 19th century*. Moscow: Nauka, 1986:279. (In Russ.)
32. Semenov P.N. *Samoderzhavie kak gosudarstvennyy story = Autocracy as a state system*. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1906:68. (In Russ.)
33. Reysner M. The idea of legitimism in current law. *Sovremennyy mir = Modern world*. 1909;(12):215–227. (In Russ.)
34. Palienko N.I. *Osnovnye zakony i forma pravleniya v Rossii. Yuridicheskoe issledovanie = Basic laws and form of government in Russia. Legal research*. Yaroslavl: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1910:78. (In Russ.)
35. Kotlyarevskiy S.A. *Konstitutsionnoe gosudarstvo. Yuridicheskie predposylki russkikh Osnovnykh Zakonov = Constitutional state. Legal prerequisites of Russian fundamental laws*. Moscow: Zertsalo, 2004:340. (In Russ.)
36. Kuplevskiy N.O. *Istoricheskiy ocherk preobrazovaniya gosudarstvennogo stroya v tsarstvovanie Imperatora Nikolaya II = Historical essay on the transformation of the state system during the reign of Emperor Nicholas II*. Saint Petersburg: Vserossiyskiy natsional'nyy klub, 1912;(1):76. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Юрий Леонидович Шульженко

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, главный
научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции, советник
директора, Институт государства и права
Российской академии наук (Россия,
г. Москва, ул. Знаменка, 10)

Yuriy L. Shul'zhenko

Doctor of juridical sciences, professor,
honored lawyer of the Russian Federation,
chief researcher of the department
of constitutional law and constitutional
justice, director's advisor, Institute
of State and Law of the Russian Academy
of Sciences (10 Znamenka street, Moscow,
Russia)

E-mail: constitution@igpran.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 11.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.03.2025

Принята к публикации / Accepted 24.03.2025

УДК 341.36:93/94

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-8

Значение Второй Гаагской конференции мира в деле кодификации законов и обычаев ведения войны

Б. В. Николаев¹, Н. А. Павлова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Отечественная дипломатия и международно-правовая наука сыграли ведущую роль в формировании права вооруженных конфликтов. Именно Россия стала вдохновителем наиболее масштабных проектов в области международного права до начала эпохи мировых войн: созыва двух Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. Тем не менее такая значимая страница российского лидерства в развитии международного права получает недостаточное внимание со стороны отечественных и зарубежных исследователей, последние, однако активно исследуют роль США, Великобритании, Франции и других стран в развитии международного гуманитарного права. В этой связи исследование содержания и итогов работы Второй конференции мира в рассматриваемой сфере и ее исторического значения представляется актуальным и научно значимым. Цель работы – определить основные направления и достижения работы Гаагской конференции мира 1907 г. в контексте выработки правил ведения вооруженных конфликтов, значение принятых документов и итогов конференции для прогрессивного развития международного права. *Материалы и методы.* Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагской конференции мира 1907 г., официальных актов Министерства иностранных дел Российской империи, оценок достижений конференции, данных самими ее участниками, международных договоров (Гаагские конвенции и декларации 1907 г.), научной литературы. *Результаты.* В работе проанализированы содержание форума 1907 г. по систематизации правил ведения войны, роль российской делегации в достижении поставленных целей, значение ее работы для прогрессивного развития международного гуманитарного права. *Выводы.* Исследование предпосылок по созыву конференции, а также содержания работы и исторического значения Гаагского форума позволяет сделать вывод об особой роли российской дипломатии и российского государства в целом в кодификации законов и обычаев ведения войны и прогрессивного развития международного гуманитарного права.

Ключевые слова: Гаагская конференция мира, международное право, право вооруженных конфликтов, российская дипломатия, законы и обычаи ведения войны

Для цитирования: Николаев Б. В., Павлова Н. А. Значение Второй Гаагской конференции мира в деле кодификации законов и обычаев ведения войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 100–109. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-8

The significance of the Second Hague Peace Conference in terms of the codification of laws and customs of warfare

B.V. Nikolaev¹, N.A. Pavlova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹Penza branch of Moscow Witte University, Penza, Russia

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Abstract. *Background.* Domestic diplomacy and international legal science played a leading role in the formation of international humanitarian law. Russia initiated major projects in the field of international law before the world wars: two Hague Peace Conferences were held in 1899 and 1907. However, such a significant page of Russian history in the development of international law received insufficient attention from domestic and foreign researchers, the latter actively study the role of the United States, Great Britain, France and other countries in the development of international humanitarian law. In this regard, the study of the content and results of the Second Peace Conference and its historical significance seems relevant and scientifically significant. The work aims to determine the main directions and achievements of the Hague Peace Conference of 1907 in terms of developing rules for waging armed conflicts, determining the importance of the adopted documents and the results of the conference for the development of international law. *Materials and methods.* The objectives are achieved by analyzing the official materials of the Hague Peace Conference of 1907, official acts of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, assessments of the conference's achievements given by its participants, international treaties (the Hague Conventions and Declarations of 1907), and scientific literature. *Results.* The work analyzes the content of the work of the Second Hague Peace Conference on the codification of the laws and customs of warfare, the role of the Russian delegation in achieving the goals, and the significance of its work for the dynamic development of international humanitarian law. *Conclusions.* The study of the prerequisites for holding the conference, the content of the work, and historical significance of the Hague Forum allows us to conclude that Russian diplomacy and the Russian state played a special role in terms of codifying the laws and customs of warfare and dynamic development of international humanitarian law.

Keywords: Hague Peace Conference, international law, law of armed conflict, Russian diplomacy, laws and customs of warfare

For citation: Nikolaev B.V., Pavlova N.A. The significance of the Second Hague Peace Conference in terms of the codification of laws and customs of warfare. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):100–109. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-8

Введение

Отечественная дипломатия и международно-правовая наука сыграли ведущую роль в формировании международного гуманитарного права. Российская делегация не только участвовала во всех мировых форумах, посвященных кодификации права вооруженных конфликтов, но и занимала лидирующие позиции в последовательном отстаивании принципа гуманизации

войны. По инициативе нашей страны в Санкт-Петербурге в 1868 г. была принята Декларация о запрещении употребления взрывчатых и зажигательных пуль и снарядов. Наконец, именно Россия стала инициатором наиболее масштабных проектов в области международного права до начала эпохи мировых войн: созыва двух Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. Тем не менее столь значимая страница российского лидерства в развитии международного права получает недостаточно внимания со стороны отечественных и зарубежных исследователей, последние, в свою очередь, активно исследуют роль США, Великобритании, Франции и других стран в развитии международного гуманитарного права. В этой связи исследование содержания и итогов работы Второй конференции мира в рассматриваемой сфере и ее историческое значение представляется актуальным и научно значимым. Цель работы – определить основные направления и достижения работы Гаагской конференции мира 1907 г. в контексте выработки правил ведения вооруженных конфликтов, значение принятых документов и итогов конференции для прогрессивного развития международного права.

Материалы и методы

Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагской конференции мира 1907 г., официальных актов Министерства иностранных дел Российской империи, оценок достижений конференции, данных самими ее участниками, международных договоров (Гаагских конвенций и деклараций 1907 г.), научной литературы.

Результаты

Несмотря на часто упоминаемое первенство Соединенных Штатов в деле регламентации правил ведения войны, связываемое с принятием знаменитого Кодекса Либера («Инструкции полевым войскам Соединенных Штатов», составленные советником президента США Авраама Линкольна профессором Колумбийского университета и опубликованные в 1863 г.) [1, с. 141], именно активная лидирующая роль России способствовала становлению и развитию международного гуманитарного права в целом и института правил ведения войны в частности. Именно Россия инициировала конференцию в Санкт-Петербурге в 1868 г., которая впервые установила запрет применения конкретного новейшего вида вооружения как бессмысленно жестокого: зажигательных и взрывчатых мин и снарядов весом менее четырехсот грамм. Наша страна стала одним из наиболее активных участников Брюссельской конференции 1878 г., на которой обсуждались вопросы систематизации правил ведения войны, что стало основой для последующей кодификации в данной сфере.

Россия придавала вопросам систематизации правил ведения войны особое значение, отметив в циркуляре 1906 г. в качестве значимой задачи предстоящего форума следующую: «дополнить и придать решениям Первой

Конференции большую определенность, либо устранить всякие недоразумения» [2, с. 2]. Визитной карточкой Второго Гаагского форума стала масштабная (преамбула, четыре собственно конвенционных статьи и 56 статей Положения о законах и обычаях сухопутной войны) IV Гаагская конвенция¹. Преамбула Конвенции включила «оговорку Мартенса»: «в случаях, не предусмотренных принятыми постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [3]. Несмотря на то что изначально предложение Ф. Ф. Мартенса было направлено на создание правовой основы для признания законными действий партизанских отрядов на оккупированной в ходе военных действий территории, ее значение достаточно быстро вышло за такие узкие рамки и в настоящее время является одним из наиболее общепризнанных в системе международного гуманитарного права [4, с. 160].

Нормы Положения в целом воспроизводили положения конвенции 1899 г. с некоторыми изменениями относительно обязательности открытого ношения оружия населением незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие (ст. 2), положения военнопленных (ст. 4–20). Введен запрет на «принуждение подданных противной стороны принимать участие в боевых действиях даже в том случае, если они были на службе воюющего государства до начала войны» (ст. 23), а также «принуждать население занятой области давать сведения об армии другого воюющего или о его средствах обороны» (ст. 44).

По предложению греческой делегации, исторические памятники были включены в список строений, подлежащих защите (ст. 56). Была пересмотрена и ст. 54, в соответствии с которой «подводные кабели, соединяющие занятую территорию с территорией нейтральной, захватываются и уничтожаются лишь в случаях крайней необходимости, они должны быть возвращены, а возмещение убытков производится по заключении мира». Положение 1907 г. подтвердило принцип, согласно которому «воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю» (ст. 22).

По-разному сложились судьбы французского и германского проектов по вопросу о нейтралитете. Второй встретил упорное сопротивление со стороны британской делегации, поддержанное всеми странами-участницами за исключением представителя США. Таким образом, германский проект в целом был отклонен, хотя в конвенцию были включены три отредактированные статьи, инициированные германской стороной.

В итоге именно проект Франции был положен в основу новой конвенции, регулирующей институт нейтралитета [5, р. 173–175], остающейся

¹ Конвенция о законах и обычаях ведения войны. 5 (18) октября 1907 г. // Действующее международное право. М., 1997. С. 575–587.

действующим источником современного международного права¹. Конвенция гарантировала неприкосновенность нейтральной территории и право нейтрального государства на ее защиту; устанавливала запрет на транзит войск и военных грузов через нейтральную территорию (что являлось отголоском событий Русско-японской войны и еще одной дипломатической и международно-правовой победой России по осуждению практики Японии по использованию в этих целях территории суверенного Китая); определяла условия использования средств связи, функционирования вербовочных пунктов на нейтральной территории; устанавливала границы ответственности нейтральной державы за действия частных лиц; регулировала вопросы интернирования военнопленных, нарушивших государственную границу, и их правового статуса.

На рубеже двух столетий отсутствовала достаточная определенность в вопросе о правомерности предварительно необъявленной войны [6, р. 207–210]. Но для России данный вопрос был принципиальным вследствие вероломного начала войны 1904–1905 гг. со стороны Японии. При всеобщей поддержке Россия добилась принятия новой конвенции², осуждающей подобную практику, и даже японская делегация не посмела выступить против такого единодушия стран-участниц.

Конференция по предложению представителя Бельгии Бернаерта (при поддержке российской и австро-венгерской делегаций) пролонгировала действие Декларации 1899 г. о запрете использования воздушных шаров для метания бомб, а также запрета на использование в военных целях удушающих или вредоносных газов, пуль, разворачивающихся или сплюсчивающихся в теле человека³. Дискуссионным стал вопрос о признании возможности активных боевых действий в воздухе, поскольку на тот момент воздушные аппараты в основном использовались для целей разведки и других вспомогательных задач. По мнению делегата от Франции, при отсутствии значимых отличий воздушной бомбардировки и традиционного артиллерийского воздействия полный запрет на воздушное бомбометание представляется бессмысленным, в особенности в условиях явного ускоренного совершенствования летной техники. В ответ глава британской делегации лорд Рей эмоционально спрашивал делегатов: «Разве не достаточно иметь две стихии, в которых государства могут дать простор своей злобе, и решать свои споры без использования третьей стихии». Явное большинство представителей поддержали сохранение ограничения на военные действия в воздухе [5, р. 173–185].

Не меньшее значение имеют и достижения третьей и четвертой комиссий конференции, результатом деятельности которых стало принятие большинства (7 из 13) конвенций, принятых в результате деятельности Гаагского форума.

¹ Гаагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1908. С. 151–165.

² Гаагская конвенция об открытии военных действий 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1908. С. 103–107.

³ Декларация о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1908. С. 298–301.

Третья комиссия должна была исследовать вопросы ограничения морского бомбардирования, ограничения применения минного оружия в морских военных действиях, определить международно-правовой статус судов в нейтральных портах или водах, рассмотреть возможность применения по аналогии положений Женевской конвенции 1864 г. в редакции 1906 г. [7, с. 2–6].

Четвертой комиссии предназначалось проработать вопросы законности трансформации торговых судов в военные с точки зрения правил добросовестного ведения вооруженного конфликта, определить международно-правовые гарантии неприязельской частной собственности в контексте морской войны, решить вопрос об индульте, определив льготный срок для торговых судов неприятеля, возможный для беспрепятственного оставления вод враждебной стороны, разрешить спорные вопросы в отношении военной контрабанды и института блокады, правомерности и оснований уничтожения нейтральных призов в морской войне, а также решить вопрос о применимости тех или иных положений и начал сухопутной войны (гораздо более проработанных и систематизированных) к войне на море [7, с. 2–6].

Результаты деятельности Второй Гаагской конференции в этой области представляются противоречивыми. С одной стороны, амбициозная цель по созданию Кодекса ведения морской войны, заявлявшаяся рядом государств и представителей, так и не была реализована. По многим вопросам регламентации правил морских вооруженных действий возникали острые дискуссии представителей «морских» и «континентальных» держав, больших и малых, видящих себя скорее участником будущих вооруженных конфликтов или примеривающих заранее нейтральный статус. Вся эта чересполосица, а порой и сумятица интересов, предположений, подозрений потенциальных противников, предубеждений не могла не повлиять на ход обсуждений, проходивших в третьей и четвертой комиссиях.

Тем не менее недостижение данной заявленной цели, возможно, цели-максимум, не должно приводить к неизбежному выводу об однозначной неудаче Гаагской конференции 1907 г. в деле кодификации законов ведения морской войны.

Действительно, работа третьей и четвертой комиссий была достаточно насыщенной и эффективной. В результате был принят ряд конвенций. Ставшая в итоговом документе шестой Конвенция запрещала конфискацию торговых частных судов и предусматривала обязательное возвращение задержанных в военных целях судов их законным владельцам¹.

VII Гаагская конвенция устанавливала четкие и определенные правила преобразования торговых судов в военные, что обеспечивало возможность воюющим государствам правомерно наращивать, и притом существенно, свой военно-морской потенциал в условиях начавшегося вооруженного

¹ VI Конвенция о положении неприязельских торговых судов при начале военных действий 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. С. 166–175.

конфликта, но, с другой стороны, твердо препятствовало пиратству и другим незаконным практикам поведения в условиях морской войны¹.

VIII Конвенция, развивавшая соответствующую британскую инициативу относительно правовых ограничений подводных мин (автоматически взрывающихся при контакте с судном или другим объектом)², стала ярким проявлением прямого столкновения интересов «морских» держав, стремившихся к ограничению этого смертоносного для них оборонительного средства, и «континентальных» государств, твердо заявивших о своем праве сохранять свободу выбора средств и методов защиты своей береговой линии. В связи с этим британское предложение, даже ограниченное семилетним периодом, было отвергнуто и Германией, и Россией.

Конвенции IX–XI регулировали правила проведения морских бомбардировок³, положение жертв войны на море, в том числе потерпевших кораблекрушение⁴, статус невоенных судов враждебного государства⁵.

XII Конвенция учреждала международную призовую палату, однако, единственная из всех конвенций, не получила ратификацию и не вступила в действие, потому и международной призовой палате не суждено было приступить к работе⁶.

Наконец, XIII Конвенция стала результатом трехмесячной напряженной дискуссии в связи с российской инициативой, связанной с неприятными для нас событиями Русско-японской войны [8, с. 38–40]. В результате все же были закреплены некоторые гарантии для судов воюющих стран в нейтральных портах⁷.

Кроме того, в Заключительный акт Гаагского форума были включены некоторые пожелания, в том числе и прежде всего в отношении правил ведения войны (три из четырех пожеланий, вошедших в итоговый документ). Второе пожелание состояло в том, чтобы в случае войны компетентные гражданские и военные власти проявили особую заботу для сохранения нормальных отношений, прежде всего торговых и промышленных, между гражданами и юридическими лицами воюющей и нейтральных держав. Третье призывало определить и закрепить в специальной конвенции положение проживающих на территории воюющих государств иностранцев с точки зрения воинских повинностей. Наконец, четвертое пожелание предусматривало

¹ VII Конвенция об обращении торговых судов в военные 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В.Ф. Киришаума, 1908. С. 176–183.

² VIII Конвенция об установлении подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киришаума, 1908. С. 184–195.

³ IX Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киришаума, 1908. С. 196–207.

⁴ X Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киришаума, 1908. С. 208–227.

⁵ XI Конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киришаума, 1908. С. 228–247.

⁶ XII Конвенция об учреждении Международной призовой палаты 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В.Ф. Киришаума, 1908. С. 248–275.

⁷ XIII Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны 1907 года // Вторая конференция мира 1907 г. СПб. : Тип. В. Ф. Киришаума, 1908. С. 276–297.

включение в программу предполагаемой Третьей Гаагской конференции разработку единой конвенции применительно к правилам ведения войны на море, в том числе по аналогии с сухопутными военными действиями.

Добросовестное и ответственное отношение нашей страны к своим международным обязательствам проявилось в принятии Наказа русской армии о законах и обычаях ведении войны: «1. Войска должны уважать жизнь и честь обывателей неприятельской стороны, а также религию и обряды веры. Всякий грабеж строго воспрещается под страхом тягчайших наказаний (вплоть до смертной казни). Раненые и больные военные чины подбираются с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными надлежит обращаться человеколюбиво и предоставить им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины Русской армии. 2. Во время военных действий воспрещается применять яд или отравленное оружие, ранить или убивать неприятеля, который сложил оружие и сдался, атаковать или бомбардировать города, селения, жилища или строения, не занятые противником, захватывать и уничтожать неприятельскую собственность (если это не является военной необходимостью)» [9, с. 77].

Заключение

Гаагское движение, вдохновительницей которого являлась Россия, оказало значимое, во многом недооцененное влияние на последующее развитие системы международных отношений и международное право. Несмотря на то что Первая мировая война прервала поступательное развитие Гаагского движения, послевоенные события, прежде всего создание Лиги Наций, подтвердили значимость, даже безальтернативность, основного направления развития межгосударственных отношений в сторону сотрудничества, ограничения военного насилия, разработки способов для мирного урегулирования споров между государствами, прогрессивного развития и кодификации международного права. Западная историческая наука и публицистика стремится подчеркнуть минимальное значение России в становлении миропорядка, по крайней мере на данном этапе, «забывая» первостепенную роль нашей страны в организации Гаагских конференций мира, которые стали прообразом будущей глобальной международной организации уже не на периодической, а на постоянной основе. Систематизация правил ведения сухопутной, морской и даже отчасти воздушной войны стала одним из важнейших достижений Гаагского форума. В самом начале двадцатого столетия делегаты смогли согласовать конвенции, которые не только продолжают действовать и в современности, но и получили признание в качестве норм *ergo omnes*, стали общепризнанными обычаями ведения войны, независимо от их признания каким-либо государством. Особо следует отметить личный вклад выдающегося российского юриста-международника Федора Федоровича Мартенса в обеспечение прогресса конференции в этой области.

Список литературы

1. Ледях И. А. Обязательства соблюдения норм международного гуманитарного права в защиту жертв войны // Труды института государства и права Российской академии наук. 2017. № 1. С. 141–158.
2. Вторая конференция мира 1907 г. / Министерство иностранных дел. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. 372 с.
3. Тайхерст Р. Оговорка Мартенса и право вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 15. С. 149–154.
4. Кукушкина А. В., Йорыш А. И., Шишкин В. Н. Международное гуманитарное право и оговорка Мартенса // Закон и право. 2019. № 9. С. 159–163.
5. The proceedings of the Hague Peace Conferences; translation of the official texts. The Conference of 1907. New York : Oxford University Press, 1920. 272 p.
6. Davis C. B. The United States and the Second Peace Conference. Durham : Duke University Press, 1975. 398 p.
7. Валеев Р. М. Историческая роль России в проведении Гаагских конференций мира (окончание) // История государства и права. 2009. № 13. С. 2–6.
8. Саямов Ю. М. О гаагских конференциях мира 1899 г. и 1907 г. // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 33–46.
9. Марков О. Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб. : Санкт-Петербург, 2001. 160 с.

References

1. Ledyakh I.A. Obligations to respect international humanitarian law in order to protect victims of war. *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2017;(1):141–158. (In Russ.)
2. *Vtoraya konferentsiya mira 1907 g. = The Second Peace Conference of 1907*. Saint Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 1908:372. (In Russ.)
3. Taykherst R. The Martens Clause and the Law of Armed Conflict. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta = International Journal of the Red Cross*. 1997;(15):149–154. (In Russ.)
4. Kukushkina A.V., Yorysh A.I., Shishkin V.N. International Humanitarian Law and the Martens Clause. *Zakon i pravo = Law and Right*. 2019;(9):159–163. (In Russ.)
5. *The proceedings of the Hague Peace Conferences; translation of the official texts. The Conference of 1907*. New York: Oxford University Press, 1920:272.
6. Davis C.B. *The United States and the Second Peace Conference*. Durham: Duke University Press, 1975:398.
7. Valeev R.M. Russia's Historical Role in Conducting the Hague Peace Conferences (ending). *Istoriya gosudarstva i prava = History of the state and law*. 2009;(13):2–6. (In Russ.)
8. Sayamov Yu.M. On the Hague Peace Conferences of 1899 and 1907. *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and contemporary world*. 2017;(3):33–46. (In Russ.)
9. Markov O.D. *Russkaya armiya 1914–1917 gg. = Russian army of 1914–1917*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburg, 2001:160. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Борис Викторович Николаев

кандидат исторических наук, доцент
кафедры уголовного права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40);
заведующий кафедрой юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

Boris V. Nikolaev

Candidate of historical sciences, associate
professor of the sub-department of criminal
law, Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia);
head of the sub-department
of jurisprudence, Penza branch of Moscow
Witte University (25B Vyazemskogo street,
Penza, Russia)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Наталья Анатольевна Павлова

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой иностранных
языков, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Natalia A. Pavlova

Candidate of pedagogical sciences,
head of the sub-department of foreign
languages, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: nataliia.pavlova@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 02.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.12.2024

Принята к публикации / Accepted 11.01.2025

УДК 93/94

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-9

Свет и тени украинофильства: государственная политика украинизации и коренизации в СССР в 1920-е гг.

Р. Р. Акжигитов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

makwwwin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено укреплению украинского национализма в первые годы СССР в связи с проводимой государственной политикой украинизации и коренизации, что позволяет осознать истоки современного варианта концепции украинофильской исключительности. Автор ставит задачу проанализировать объективную картину смешивания этносов на Украине и субъективные усилия украинской этнократии по переходу к этническому доминированию. Раскрываются мотивы федерального центра по санкционированию осуществления политики украинизации и коренизации. *Материалы и методы.* Используется целая серия публикаций об этнолингвистической ситуации на Украине во второй половине XIX в. – 1920-е гг., статистические и партийные источники (стенографические отчеты XII съезда РКП(б) и IV совещания в ЦК РКП(б)). Автор применяет методы анализа и синтеза, сравнения, публикует важный табличный материал. *Результаты.* Отсутствие Украины как единого территориально-административного массива подстегнуло украинофильскую интеллигенцию в условиях революционной дестабилизации 1917 г. к идеологической и территориальной экспансии в лице киевской Центральной Рады. Однако в ходе Гражданской войны сторонники мелкобуржуазной националистической идеи не получили приоритетной поддержки – Украина все-таки стала советской. Тем не менее опасавшиеся украинофильства большевики пошли на неоправданные уступки последнему. Они выразились в насильственной интеграции Новороссии в Украину, а позднее – в политике украинизации языков. Но очень скоро формальное равноправие языков трансформировалось в предоставление кадровых и материальных преференций носителям идеи украинства. Ее отстаивали в партийных и чиновничьих верхах Х. Г. Раковский, Н. А. Скрыпник, Г. Ф. Гринько, А. Я. Шумский, В. П. Затонский, В. Я. Чубарь. Первоначально курс на украинизацию фактически саботировался в низах, но с приездом жесткого сталинского назначенца Л. М. Кагановича происходит перелом. Вместе с тем националистические безобразия, в которых были замечены отдельные представители творческой интеллигенции типа М. Хвильевого, побуждают центральную власть насторожиться и кампания постепенно начинает свертываться. *Выводы.* Политику украинизации следует рассматривать как часть курса на коренизацию, предусматривавшую всемирную помощь в социально-культурном развитии коренных этносов. В условиях Украины увлечение этой политикой наряду с позитивной культурологической составляющей таило в себе особенно много опасностей по причине размеров и стратегической важности республики, ее этнической неоднородности (прежде всего наличие русскоязычной Новороссии), агрессивности украинского шовинизма, мечтавшего подчинить себе русскоязычные

города. Наконец, ситуацию усложняло затянувшееся заигрывание с националистами со стороны центра, от которого во многом отказались только в начале 1930-х гг.

Ключевые слова: украинофильство, украинизация, социально-этническая неоднородность Украины, агрессивная украинская этнократия, коренизация, национальная политика в СССР

Для цитирования: Акжигитов Р. Р. Свет и тени украинофильства: государственная политика украинизации и коренизации в СССР в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 110–123. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-9

The light and shadows of Ukrainophilia: the state policy of ukrainization and indigenization in the USSR in the 1920s

R.R. Akzhigitov

Penza State University, Penza, Russia

makwwwina@yandex.ru

Abstract. Background. The article is devoted to the strengthening of Ukrainian nationalism in the first years of the USSR in connection with the state policy of Ukrainization and indigenization, which allows us to understand the origins of the modern version of the concept of Ukrainophile exclusivity. The author sets the task of analyzing the objective picture of the mixing of ethnic groups in Ukraine and the subjective efforts of the Ukrainian ethnocracy to transition to ethnic dominance. The motives of the federal center for sanctioning the implementation of the policy of Ukrainization and indigenization are revealed. *Materials and methods.* A whole series of publications on the ethnolinguistic situation in Ukraine in the second half of the 19th century – 1920s, statistical and party sources (stenographic reports of the 12th Congress of the RCP(b) and the 4th meeting of the Central Committee of the RCP(b) are used. The author uses methods of analysis and synthesis, comparison, and publishes important tabular material. *Results.* The absence of Ukraine as a single territorial-administrative massif spurred the Ukrainophile intelligentsia, in the conditions of revolutionary destabilization of 1917, to ideological and territorial expansion in the person of the Kyiv Central Rada. However, during the Civil War, supporters of the petty-bourgeois nationalist idea did not receive priority support – Ukraine nevertheless became Soviet. Nevertheless, the Bolsheviks, fearing Ukrainophilia, made unjustified concessions to the latter. They were expressed in the forced integration of Novorossiia into Ukraine, and later in the policy of linguistic Ukrainization of languages. But very soon the formal equality of languages was transformed into the provision of personnel and material preferences to the bearers of the idea of Ukrainianism. It was defended in the party and bureaucratic elite by H.G. Rakovsky, N.A. Skrypnik, G.F. Grin'ko, A.Ya. Shumsky, V.P. Zatonsky, V.Ya. Chubar. Initially, the course towards Ukrainianization was actually sabotaged at the bottom, but with the arrival of the tough Stalinist appointee L.M. Kaganovich, a turning point occurred. At the same time, the nationalistic outrages in which individual representatives of the creative intelligentsia, such as M. Khvylovy, were noticed, prompted the central government to become wary and the campaign gradually began to wind down. *Conclusions.* The policy of Ukrainization should be considered as part of the course of indigenization, which provided for worldwide assistance in the socio-cultural development of indigenous ethnic groups. In the context of Ukraine, the passion for this policy, along with its positive cultural

component, was fraught with many dangers due to the size and strategic importance of the republic, its ethnic heterogeneity (primarily the presence of Russian-speaking Novorossiya), and the aggressiveness of Ukrainian chauvinism, which dreamed of subjugating Russian-speaking cities. Finally, the situation was complicated by the protracted flirtation with the nationalists on the part of the center, which was largely abandoned only in the early 1930s.

Keywords: ukrainophilia, ukrainization, socio-ethnic heterogeneity of Ukraine, aggressive Ukrainian ethnocracy, indigenization, national policy in the USSR

For citation: Akzhigitov R.R. The light and shadows of Ukrainophilia: the state policy of ukrainization and indigenization in the USSR in the 1920s. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):110–123. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-9

В структуре сложносоставной, мультиэтничной и многоконфессиональной Российской империи территория современной Украины никогда не составляла единого массива. Исторически и административно выделялись Юго-Западный край (Подольская, Киевская, Волынская губернии), Малороссия (т.е. земли на левом берегу Днепра) и Новороссия (Причерноморье) (табл. 1).

Таблица 1

Губернии Российской империи, вошедшие в состав Украины [1, с. 81–82]

Губернии	Дата образования	Население, 1905 г.	Площадь, км ² , 1905 г.
Юго-Западный край			
Киевская	1781	4 148 900	50 957
Волынская	1795	3 501 600	71 736
Подольская	1795	3 482 300	42 017
Малороссия			
Харьковская	1796,1835	2 919 700	54 493
Полтавская	1802	3 263 400	49 894
Черниговская	1802	2 693 800	52 396
Новороссия			
Екатеринославская	1783 (1802)	2 659 800	63 393
Херсонская	1795,1802	3 215 700	70 799
Таврическая	1784,1802	1 602 700	60 375
Бессарабская	1818	2 236 900	44 399

Общероссийская перепись 1897 г. показала, что украинский язык в масштабах страны признали родным 22 млн человек (или 17,6 % имперского населения), что было немало, но областей его компактного доминирования было не так уж много. В Юго-Западных губерниях и Малороссии на украинцев приходилось соответственно 77 и 80 % жителей, но в Новороссии – только 47 %.

«Хотя в Новороссийских губерниях малороссы составляют заметную величину, но все-таки не столь подавляющую, – писал современник-украинофил. – В этом районе малорусская колонизация, сравнительно поздняя, столкнулась с оживленной великорусской, довольно заметной немецкой и молдаванской, а также встретила в некоторых местах старых насельников» [2, с. 415]. И в самом деле только в Екатеринославской губернии удельный вес малороссов превышал две трети (68 %), в остальных губерниях он был далек от доминирования: в Херсонской – 53 %, в Таврической – 42 %, в Бессарабской – 19 %. Промышленное освоение Донбасса вело к ускоренному росту его населения и явной тенденции к сокращению удельного веса малороссов – с 52,5 % в 1755 г. до 41,3 % в 1917 г. [3, с. 23]. Статистика показывает, что малороссы сторонились городов. По данным за 1897 г., русские составили 45,1 % горожан Харьковской, Екатеринославской и Херсонской губерний; евреи – 24,3 %; украинцы – 17,5 % [4, с. 24–28].

Само проявление интереса к украинскому языку с середины XIX в. носило во многом искусственный, явно преждевременный в плане развития этноса характер. Его испытывала лишь узкая группа озабоченных энтузиастов-националистов, никак не связанных с массами. Воспользовавшись благими намерениями этнографа, писателя и фольклориста П. А. Кулиша, создавшего наиболее удобный и упрощенный для крестьянства вариант правописания в конце 1850-х гг., украинофилы из числа разночинной интеллигенции активизировали на фоне языковой проблемы свою националистическую деятельность. К началу Первой мировой войны сложились не только соответствующие общественные и партийные организации, но и комплекс враждебных в отношении Российской империи идей:

- 1) отрицание общности исторического пути Украины и России;
- 2) стремление «быть (или казаться) Европой»;
- 3) приоритет культурного начала над экономическим, что означало игнорирование для развития экономического прогресса, передовых технологий [5].

На каком-то этапе между украинскими структурами, которые больше напоминали кружки, а не партии, и амбициозной общероссийской кадетской партией потенциально и мог бы быть достигнут компромисс, но кадеты, с одной стороны, не считали украинцев равными партнерами, а с другой стороны, не видели их выразителями воли всего украинского населения. Самое же главное – украинские деятели требовали слишком много, т.е. предоставления не только автономии украинским землям, но и федерализации всей России [6, с. 9–11].

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. стали серьезным испытанием для российской государственности, кардинально ее ослабив. Уже Временное правительство чувствовало себя не вполне уверенно в переговорах с самочинно образовавшейся в Киеве в марте 1917 г. националистической Центральной Радой. Рада, объединившая представителей революционных кружков и политических организаций, объявивших себя партиями, не поль-

зовалась массовой поддержкой, но вела себя достаточно агрессивно. Уже 10 июня 1917 г. она издала так называемый Первый универсал, в котором высказала «идею созыва Всенародного украинского собрания, решения которого, как ясно давалось понять, будут иметь приоритет перед решениями Учредительного собрания России». Правда, после прибытия эмиссаров из Петрограда в конце июня изданный 3 июля 1917 г. Второй универсал несколько смягчил свой тон. Киевские политики теперь утверждали, что они «всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России». Исполнительный орган Рады – Генеральный секретариат – объявлялся органом Временного правительства с необходимостью утверждения его членов Петроградом. Самое же главное – националисты заявляли, что выступают «решительно против самовольного объявления автономии Украины до Всероссийского учредительного собрания» [7, с. 56–57].

Почувствовав в себе силы после укрепления своих позиций в конфронтации с Советами, Временное правительство издало 4 августа 1917 г. весьма правильное решение, ограничившее границы Украины пятью губерниями с бесспорно украинским населением – Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской. Однако Корниловский мятеж и падение чисто буржуазной власти в Петрограде в октябре 1917 г. вновь вдохновили сепаратистские устремления Рады.

Надо сказать, что у нее чем дальше, тем в большей степени проявлялся влиятельный конкурент – Советы разных уровней и партия большевиков. Последняя резко увеличила свою численность с 24 тыс. весной 1917 г. до 350 тыс. осенью 1917 г., причем в украинских землях эта численность росла опережающими темпами – с 2 тыс. до 60 тыс. членов [8, с. 283]. Очень важно, что среди украинских большевиков в то время было немало реалистично ориентированных политиков и честных марксистов (Ф. Артем, В. Межлаук, Э. Лугановский, Э. Квириг, С. Топнер, В. Юдовский, А. Хмельницкий), которые с полным основанием противились отнесению своих регионов (Донецко-Криворожского района, Харьковщины, Одессы) к Украине. К сожалению, в руководстве большевиков возобладала стратегически неверная точка зрения о «единой Украине».

Между тем украинофилы не пользовались безусловной поддержкой в годы Гражданской войны. Выявилась сложная сегментация противоборствующих сил. Здесь сталкивались не просто «красные» и «белые». Ситуацию осложняли амбиции украинских националистов всех мастей, самостоятельные интересы беспартийных анархистов (прежде всего Н. Махно), агрессивные действия белопанской Польши. Следует учитывать, что на Украине ведению продолжительной и кровопролитной войны «всех против всех» способствовала многомесячная германо-австрийская оккупация в 1918 г., после которой в руках населения остались горы оружия.

Разумеется, никакой особой «украинской революции», развивающейся вне всякой связи с общероссийскими революциями 1917 г., как об этом утверждают современные самостийные историки-мифологизаторы [9, с. 65–75], на Украине

не было. Ситуацию очень точно описала Р. Люксембург, подчеркнув: «Украинский национализм был в России не более чем просто причудой, кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была нацией, ни государством, без всякой национальной культуры...» [10, с. 321].

В сложившейся ситуации сложного национального состава при доминировании двух этнических групп – великороссов и малороссов – наиболее естественной политикой со стороны властей было бы развитие двуязычия без оказания преференций какому-либо одному языку. Между тем среди украинского руководства при поддержке Москвы постепенно складывается тенденция к выпячиванию украинского языка, его насильственному насаждению среди явно незаинтересованного в этом населения.

Первоначально в документах речь идет только о равноправии двух языков. «Президиум ВУЦИК 21 февраля 1920 г. указывает, что во всех учреждениях УССР должен применяться украинский язык наравне с “великорусским” и что “никакое преимущество для великорусского языка недопустимо”» [11, с. 76]. Однако очень быстро равноправие превратилось в предоставление кадровых и материальных преференций украинскому языку и его носителям под предлогом его недостаточного развития. Например, в декрете украинского Совета народных комиссаров «О мерах обеспечения равноправия языков» от 1 августа 1923 г. четко проводится линия «украинизации всего государственного аппарата». В нем говорится о том, что почти все центральные органы Украинской ССР и ряд местных органов общесоюзных комиссаров, имеющих ближайшее соприкосновение с населением (налоговые органы, почтовые отделения, военные окружные комиссариаты), переходят в течение года на украинский язык [11, с. 78].

При этом украинофилы в лице председателя Государственного планового комитета Украины в июне 1923 г. выдвигали следующие аргументы: «Наша кооперация на добрых 60–70 % работает по-русски». В 1922 г. газет на украинском языке было 53, на русском – 168. В республиканской партийной организации «по национальному происхождению 23 % украинцев, 13 % евреев и 57 % великороссов». В коллегиях наркоматов «12 % украинцев, 47 % великороссов, 26 % евреев». Среди коммунистического студенчества «украинцев 23 %, великороссов 30 % и евреев 41 %» [12, с. 257].

Правда, первые итоги украинизации были малоутешительны. Она проводилась формально, «из-под палки», без должных кадровых ресурсов. К 1925 г. результаты проверки госслужащих Киева дали следующие результаты: «25 % проверенных “абсолютно не знают” украинского языка, 30 % “почти не знают”, 30,5 % “слабо знают” и лишь 14,5 более-менее знают украинский язык» [13, с. 421].

На Украине были прозорливо мыслящие партийные работники, видящие весь вред языкового национализма. Так, второй секретарь Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины (ЦК КП(б)У)

Д. З. Лебедь выступил против «украинизации во имя украинизации». Придерживаясь концепции «двух культур», он считал, что населению республики надо ориентироваться первоначально на русскую культуру как более передовую и более сильную, поднимая постепенно уровень украинской культуры. Он призывал не превращать язык «в средство проведения национализма» и различать культурные приверженности населения и амбиции «некоторых членов нашей партии». Бывший первый секретарь ЦК КП(б) Украины (в октябре 1918 г. – марте 1919 г.) и ее будущий секретарь (май 1923 г. – декабрь 1925 г.) Э. Квиринг в статье «Национальные моменты» (1922 г.) не без оснований утверждал, что политика усиленной украинизации «сильно отдаёт украинским шовинизмом», ибо «вопрос ставится о прямом покровительстве одной культуре и искусственном ее насаждении» [14].

Но наиболее зрелую позицию занимал первый секретарь ЦК КП Украины Д. З. Мануильский (декабрь 1921 г. – май 1923 г.) – опытный партийный работник с большими заслугами перед революцией. На IV Совещании ЦК Российской коммунистической партии (РКП) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. он откровенно заявил об острых разногласиях в республиканском руководстве – прежде всего с Х. Г. Раковским. «Расхождения эти по линии государственной заключаются в том, что т. Раковский стоит на точке зрения, что тот союз, который сейчас организуется и будет проведен на ближайшей сессии ЦИКа, должен представлять из себя конфедерацию государств; мы же стоим на точке зрения, что этот союз должен являться и является союзным государством, а отнюдь не конфедерацией государств» [12, с. 235].

К сожалению, в лагере украинофилов был не только один болгарин Х. Г. Раковский – председатель Совнаркома Украины (январь – декабрь 1919 г., февраль 1920 г. – июль 1923 г.), идейно близкий Л. Д. Троцкому и поэтому перемещенный И. В. Сталиным на менее заметную дипломатическую службу летом 1923 г. Влиятельным адептом украинства был Н. А. Скрыпник – ветеран революционного движения на Украине с декабря 1917 г., нарком внутренних дел (1921 г.), нарком юстиции и генеральный прокурор УССР (1922–1927).

Рангом ниже в советской бюрократической иерархии обладал А. Я. Шумский, пришедший в Украинскую партию большевиков из левого крыла Украинской партии социалистов-революционеров и из партии боротьбистов (упразднена в марте 1920 г.). Данная организация под лозунгом советской власти преследовала идею самостоятельной от России Украины, национальной армии и недопустимости «красного империализма» [15, с. 228–232]. Шумский нашел себе подходящее место в украинском госаппарате, устремившись на дипломатическую службу: в 1921–1923 гг. он являлся полпредом в Польше. В 1924–1927 гг. занимал ключевую с точки зрения националистов должность республиканского наркома просвещения. Из бывших боротьбистов был и республиканский нарком просвещения в 1920–1923 гг., председатель республиканского Госплана в 1922–1923 гг. и 1925–1926 гг. Г. Ф. Гринько. А вот В. П. Затонский до Февральской революции 1917 г. был меньшевиком и к боль-

шевикам примкнул только в марте 1917 г. Возглавлял делегацию Центрального исполнительного комитета Советов Украины на мирных переговорах в Бресте с Германией. В 1922–1924 гг. являлся республиканским наркомом просвещения.

Многие из большевиков-украинофилов высказывали открытые претензии к Москве, особенно на стадии образования СССР [15, с. 270–271]. Например, Х. Г. Раковский выступил на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. во многом с демагогически алармистской речью по поводу национального вопроса и деятельности центральных органов, потребовав «отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам» [16, с. 582]. Провокационно звучали его слова и по поводу языковой политики: «Неужели же мы будем заставлять чекистов следить за тем, чтобы инородцы изучали русский язык?» [16, с. 578]. Или еще одна выдержка из той же демагогической речи: «Приходилось мне слушать товарищей, называющих выдумкой украинский язык, – выдумкой галичан. Не проскальзывает ли здесь, в конце концов, великодержавное чувство русского человека, который никогда не знал национального гнета, а, наоборот, угнетал сотни лет?» [16, с. 579].

У Н. А. Скрыпника было не меньше претензий к центральной власти. Прежде всего они сосредоточились вокруг несуществующей проблемы тех 7 млн украинцев, которые оказались за пределами Украинской ССР. Почему-то он считал, что проживавшие в иной языковой среде граждане должны обязательно обслуживаться в культурно-просветительском отношении на украинском языке. Его «возмущало», что в Киргизии и Татарстане «всего 500 школ на украинском языке и затем всего два техникума». Не преминул он и наябедничать на областные партийные организации – Воронежскую, Царицынскую, Курскую, Кубанскую, которые отказались вести пропагандистскую работу на украинском языке. Другая тема его «беспокойства» – армейская. По его словам, «армия до сих пор остается орудием русификации украинского населения и всего инородного населения». Наконец, главная идея, которую пытался проталкивать украинский оратор, – это то, что из двух национализмов, об опасностях которых предупреждают партийные документы, – великодержавного и местного, первый якобы является самым недопустимым. В интерпретации Н. А. Скрыпника, «великодержавные предрассудки, всосанные с молоком матери, стали инстинктом у многих и многих товарищей... Каждое упоминание на великодержавный шовинизм пытаются всегда дисквалифицировать предъявлением встречного иска: дескать, “сначала преодолите свой собственный национализм”» [16, с. 570–572].

И. В. Сталин, ставший весной 1922 г. Генеральным секретарем и продвинувшийся в известной мере по пути консолидации власти, занимал более гибкую позицию. Он полагал, что существует все-таки обе опасности. Но с великодержавным шовинизмом должны бороться сами русские. «Если бы не русские, а туркестанские или грузинские коммунисты взялись за борьбу с русским шовинизмом, то их такую борьбу расценили бы, как антирусский шовинизм». В то же время «русские коммунисты не могут бороться с татарским, грузинским, башкирским шовинизмом, потому что если русский коммунист возьмет на себя тяжелую борьбу с татарским или грузинским

шовинизмом, то эта борьба его будет расценена как борьба великорусского шовиниста против татар или грузин» [16, с. 651].

Однако способы решения национального вопроса на практике определялись не теоретическими постулатами, а практическими соображениями. С начала 1925 г. «триумvirат», сформировавшийся в Политбюро накануне смерти В. И. Ленина (Каменев, Зиновьев, Сталин), оказался замещен «дуум-виратом» (Бухарин, Сталин, которых поддерживали Рыков и Томский) [17, с. 64–65]. Теперь И. В. Сталину в связи с началом нового этапа внутри-партийной борьбы на Украине требовался полностью свой человек, которым стал посланный из Москвы Л. М. Каганович. Формально Каганович был поставлен для того, чтобы продолжать, но только более эффективно политику украинизации. Будучи жестким руководителем, он добился определенных успехов. «...в 1922 г. на Украине было 6105 украинских школ, в 1925 г. их стало 10 774, а еще через пять лет, в 1930 г., 14 430». К 1930 г. 68,8 % украинской прессы выходило на мове, а в 1932 г. – 87,5 %, «на русском выпускались только три газеты, причем в Одессе, Донецке и Мариуполе, то есть русских губерниях...». Та же самая безрадостная картина была и с театрами: «в 1931 г. насчитывалось 66 украинских, 12 еврейских и только 9 русских театров» [13, с. 426–427].

Вместе с тем, будучи проницательным политиком, Каганович не мог не видеть потенциальные опасности неконтролируемой самостоятельности, в появлении в публичном поле таких одиозных фигур, как считавшийся поэтом и прозаиком Н. Хвелевой – теоретик национал-коммунизма. Хвелевой, поддерживаемый наркомом Шумским, выступив с лозунгом «Прочь от Москвы!», спровоцировал к себе внимание со стороны И. В. Сталина и его письмо к членам ЦК КП(б)У. В 1926 г. Генеральный секретарь указывал: «Требования Хвелевого о “немедленной дерусификации пролетариата” на Украине, его мнение о том, что “от русской литературы, от ее стиля украинская поэзия должна убегать как можно скорее”... его увлечение какой-то мессианской ролью украинской “молодой интеллигенции”... – все это и многое подобное в устах украинского коммуниста звучит теперь (не может не звучать) более чем странно» [13, с. 422].

Представители украинской этнократии, сомкнув свои ряды, пытались оправдаться перед Москвой и одновременно «свалить» явно им идеологически чуждого Кагановича (на последнего жаловались И. В. Сталину). Тот же Шумский предлагал выдвинуть на пост председателя Совнаркома Гринько, а на пост Политсекретаря ЦК КП(б)У – вельможного националиста В. Я. Чубаря. Однако в 1927 г. самого Шумского, так и не раскаявшегося публично, откомандировали в Ленинград ректором Ленинградского института народного хозяйства им. Ф. Энгельса. Вместе с тем ввиду начинавшейся борьбы с правым уклоном Сталин был вынужден удалить с Украины и Кагановича в 1928 г.

Многие жители саботировали насильственную украинизацию. «Обывательская публика желает читать неместную газету, лишь бы не украинскую...» [18, с. 43]. Иногда наиболее смелые люди подавали жалобы. Так, в связи с распоряжением о принятии в вузы только со знанием украинского

языка молодежь назвала его глупым и «явно контрреволюционным». Недовольные подчеркивали, что национальная и кадровая политика на Украине – «это вызов нам, русским». «Может быть они и нас, оканчивающих вузы, как не украинцев не возьмут на службу на территорию какой-нибудь фиктивной Украины» [19, с. 232].

Политику украинизации как попытку «подправить» этнолингвистический ландшафт в пользу украинской идеи следует рассматривать в контексте более широкого и многоаспектного курса на коренизацию, т.е. всемерной помощи в социально-культурном развитии этносов, являющихся коренными для данной территории. Предусматривалось внедрение местных языков в делопроизводство и образование, поощрение издания печати на местных языках, продвижение на руководящие должности национальных кадров, создание национально-территориальных автономий. Однако положение этносов на просторах бывшей Российской империи было неодинаковым, равно как и их численность, удельный вес, уровень грамотности и другие показатели. Например, уровень грамотности в 1926 г. у «западных национальностей» колебался от 78,1 % у латышей до 34 % у армян (у русских – 45 %, у украинцев – 41,3 %), а у восточных национальностей он варьировался от 33,6 % у татар до 1,3 % у каракалпаков [20, с. 179]. Понятно, что на западных и закавказских границах СССР ликвидация неграмотности не стояла так остро, как в Средней Азии и на Северном Кавказе, и тактика образовательной политики не могла не отличаться. Точно так же показатель национального состава коммунистов в партийных организациях сильно варьировался (табл. 2) [15, с. 175–176].

Таблица 2

Национальный состав коммунистов в некоторых партийных организациях союзных республик и автономий в 1924 и 1926 гг., %

Название партийной организации	К 1 января 1924 г.			К 1 января 1926 г.		
	Коренное население	Русские	Остальные	Коренное население	Русские	Остальные
Татарская	27,3	62,0	10,7	31,4	59,1	9,5
Крымская	6,1	67,9	26,0	7,8	68,0	24,2
Дагестанская	38,0	50,7	11,3	52,2	36,6	11,2
Казахстанская	12,3	71,9	15,8	38,1	43,7	18,2
КП(б) Украины	34,3	40,1	25,6	43,9	37,6	18,5
Белорусская	37,2	18,9	43,9	49,8	16,5	33,7
Грузинская	68,2	9,4	22,4	64,9	10,0	25,1
Азербайджанская	45,9	30,7	23,4	39,7	35,0	25,3
Армянская	94,9	2,7	2,4	91,8	3,2	5,0
В целом партии	39,0	40,5	20,5	44,9	35,6	18,4

В подавляющем большинстве случаев удельный вес коренного населения в партийных рядах рос, хотя и разными темпами, и отталкивался от разных исходных значений.

Несомненно, что у политики коренизации были свои светлые и темные стороны. Позитивные моменты лежат на поверхности и связаны с социально-культурным прогрессом этносов. О негативных последствиях (формировании бюрократической этнократии) и националистических (амбициях) было мало принято говорить раньше. Между тем украинский национализм представлял особую опасность. Во-первых, из-за размеров территории, которая была отдана в ведение этого значительного по численности и близкого к великороссам этноса. Во-вторых, по причине необоснованности включения в эту территорию явно неукраинских земель (Новороссии), что стимулировало конфликты в будущем. В-третьих, ввиду агрессивного этнического шовинизма нелояльной к России местной интеллигенции, пытавшейся увлечь за собой крестьянство и насильно украинизировать город. Причем эта националистическая интеллигенция была более многочисленной, чем в других частях СССР. Наконец, ситуацию усложняло затянувшееся заигрывание с националистами со стороны центра. Москва опасалась их бунта и долгое время занимала мягкотелую позицию (вплоть до начала конца 1930-х гг.). Однако задачи форсированной индустриализации и колхозного строительства побуждали в начале 1930-х гг. усиливать централизацию в стране. Поэтому местным большевикам-националистам в ответ на команды из Москвы (по крайней мере в публичном поле) пришлось отказаться от своих неадекватных украинофильских взглядов.

Список литературы

1. Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Как наше государство стало федеративным? (Анализ отечественного историко-государственного опыта) : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. 150 с.
2. Ярошевич А. Малороссы по переписи 1897 г. // Киевская старина. Киев : Тип. Императорского ун-та св. Владимира Акц. общ. Н. Т. Корчак-Новицкого, 1905. 13 с.
3. Брук И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII – начале XX вв. // Советская этнография. 1981. № 5. С. 15–31.
4. Бойко Я. В. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII – начало XXI в.): этностатистический очерк. Вып. 1. Черкассы : Вертикаль, 2007. 48 с.
5. Мозговой С. Г. Внутренние и внешние стороны украинского национализма в 1863–1914 гг. // Universum: Общественные науки. 2016. № 1-4 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-i-vneshnyaya-storony-ukrainskogo-natsionalizma-v-1863-1914-gg/viewer>
6. Хрипаченко Т. И. Неудавшийся компромисс: российские либералы и проекты польской и украинской автономии в Российской империи накануне Первой мировой войны // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neudavshiysya-kompromiss-rossiyskie-liberaly-i-proekty-polskoy-i-ukrainskoy-avtonomii-v-rossiyskoy-imperii-nakanune-pervoy-mirovoy-voyny/viewer>

7. Крутиков А. «Дайте спокойно пожить». Украинское Учредительное собрание 1917–1918 гг. // Перспектива. Электронный журнал. 2020. 4 августа. URL: https://www.perspektivy.info/history/dajte_spokojno_pozhit_ukrainskoje_uchreditelnoje_sobranije_1917__1918_gg_2020-08-04.htm
8. Толочко П. П., Олейников А. А., Симоненко Р. Г. История Украины VI–XXI вв. / под общ. ред. П. П. Толочко. 2-е изд., испр. и доп. Киев ; Москва : Киевская Русь : Кучково поле, 2018. 472 с.
9. Михайлов И. В. «Украинская революция» или революция на Украине? // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 65–75.
10. Люксембург Р. Рукопись о русской революции // О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. М. : Политиздат, 1991. URL: <https://document.wikireading.ru/hb5YSKnCfW>
11. Дурденевский В. Н. Равноправие языков в Советском строе. М. : [б. и.], 1927. 243 с.
12. Тайны национальной политики ЦК РКП: четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. : стеногр. отчет / Российский международный фонд культуры ; вступ. ст. Б. Ф. Султанбекова. М. : Инсан, 1992. 293 с.
13. Медведев А. Подлинная история русского и украинского народа. М. : Эксмо, 2015. 506 с.
14. Крутиков А. «Пока наша власть не окрепнет». Большевики и украинский национальный вопрос в 1917–1923 гг. // Перспективы. Электронный журнал. 2019. 18 июля. URL: https://www.perspektivy.info/history/poka_nasha_vlast_ne_okrepnet_bolsheviki_i_ukrainskij_nacionalnyj_vopros_v_1917__1923_gg_2019-07-18.htm
15. Силицкий Ф. Национальная политика КПСС (1917–1922 гг.). 3-е изд. Вашингтон : Проблемы Вост. Европы, 1990. 312 с.
16. Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). 17–25 апреля 1923 г. : стеногр. отчет. М. : Политиздат, 1968. 903 с.
17. Вдовин А. И. СССР. История великой державы. 1922–1991. М. : Проспект, 2018. 767 с.
18. Борисенок Е. Ю. Феномен советской украинизации 1920–1930-е гг. М. : Европа, 2006. 256 с.
19. Марчуков А. В. Новороссия. Формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.). М. : Кучково поле, 2018. 510 с.
20. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национальности в СССР, 1923–1939 / пер. с. англ. О. Р. Щелоковой. М. : РОССПЭН : Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. 662 с.

References

1. Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. *Kak nashe gosudarstvo stalo federativnym? (Analiz otechestvennogo istoriko-gosudarstvennogo opyta): monografiya = How did our state become federal? (Analysis of domestic historical and state experience): monograph.* Penza: Izd-vo PGU, 2019:150. (In Russ.)
2. Yaroshevich A. Little Russia according to the 1897. *Kievskaya starina = Kyiv antiquity.* Kiev: Tip. Imperatorskago un-ta sv. Vladimira Akts. obshch. N.T. Korchak-Novitskago, 1905:13. (In Russ.)
3. Bruk I., Kabuzan V.M. The number and distribution of the Ukrainian ethnic group in the 17th – early 20th centuries. *Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography.* 1981;(5):15–31. (In Russ.)

4. Boyko Ya.V. *Zaselenie Yuzhnoy Ukrainy. Formirovanie etnicheskogo sostava naseleniya kraia: russkie i ukraintsy (konets XVIII – nachalo XXI v.): etnostatisticheskii ocherk Vyp. 1 = Settlement of Southern Ukraine. Formation of the ethnic composition of the region's population: Russians and Ukrainians (late 18th – early 21st century): ethnostatistical essay. Issue 1.* Cherkassy: Vertikal', 2007:48. (In Russ.)
5. Mozgovoy S.G. Internal and external aspects of Ukrainian nationalism in 1863–1914. *Universum: Obshchestvennye nauki = Universum: social sciences.* 2016;(1-4). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-i-vneshnyaya-storony-ukrainskogo-natsionalizma-v-1863-1914-gg/viewer>
6. Khripachenko T.I. Failed compromise: russian liberals and projects of Polish and Ukrainian autonomy in the russian empire on the eve of World War I. *Peterburgskie slavyanskoe i balkanskoe issledovaniya = Petersburg Slavic and Balkan Studies.* 2015;(1). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neudavshiysya-kompromiss-rossiyskie-liberaly-i-proekty-polskoy-i-ukrainskoy-avtonomii-v-rossiyskoy-imperii-nakanune-pervoy-mirovoy-voyny/viewer>
7. Krutikov A. “Let us live in peace”. Ukrainian Constituent Assembly 1917–1918. *Perspektiva. Elektronnyy zhurnal = Perspective. Electronic journal.* 2020;4 Aug. (In Russ.). Available at: https://www.perspektivy.info/history/dajte_spokojno_pozhit_ukrainskoje_uchreditelnoje_sobranije_1917__1918_gg_2020-08-04.htm
8. Tolochko P.P., Oleynikov A.A., Simonenko R.G. *Istoriya Ukrainy VI–XXI vv. 2-e izd., ispr. i dop. = History of Ukraine of the 6th – 21st centuries. The 2nd edition, revised and supplemented.* Kiev; Moscow: Kievskaya Rus': Kuchkovo pole, 2018:472. (In Russ.)
9. Mikhaylov I.V. “Ukrainian revolution” or revolution in Ukraine? *Vestnik MGIMO-Universiteta = Bulletin of MGIMO-University.* 2010;(1):65–75. (In Russ.)
10. Lyuksemburg R. Manuscript on the Russian Revolution. *O sotsializme i russkoy revolyutsii. Izbrannye stat'i, rechi, pis'ma = On socialism and the Russian Revolution. Selected articles, speeches, letters.* Moscow: Politizdat, 1991. (In Russ.). Available at: <https://document.wikireading.ru/hb5YSKnCfW>
11. Durdenivskiy V.N. *Ravnopravie yazykov v Sovetskom stroe = Equality of languages in the Soviet system.* Moscow: [b. i.], 1927:243. (In Russ.)
12. *Tayny natsional'noy politiki TsK RKP: chetvertoe soveshchanie TsK RKP s otvetstvennymi rabotnikami natsional'nykh respublik i oblastey v g. Moskve 9–12 iyunya 1923 g.: stenogr. otchet. Rossiyskiy mezhdunarodnyy fond kul'tury; vstup. st. B.F. Sultanbekova = Secrets of the national policy of the Central Committee of the RCP: the fourth meeting of the Central Committee of the RCP with responsible workers of the national republics and regions in Moscow on June 9–12, 1923: verbatim report.* Moscow: Insan, 1992:293. (In Russ.)
13. Medvedev A. *Podlinnaya istoriya russkogo i ukrainskogo naroda = The true history of the Russian and Ukrainian people.* Moscow: Eksmo, 2015:506. (In Russ.)
14. Krutikov A. “Until Our Power Gains Strength”. The Bolsheviks and the Ukrainian national question in 1917–1923. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal = Prospects. Electronic journal.* 2019;18 Jul. (In Russ.). Available at: https://www.perspektivy.info/history/poka_nasha_vlast_ne_okrepnet_bolsheviki_i_ukrainskij_natsionalnyj_vopros_v_1917__1923_gg_2019-07-18.htm
15. Silnitskiy F. *Natsional'naya politika KPSS (1917–1922 gg.). 3-e izd. = National policy of the CPSU (1917–1922). The 3rd edition.* Vashington: Problemy Vost. Evropy, 1990:312. (In Russ.)

16. Dvenadtsatyy s"ezd Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). 17–25 aprelya 1923 g.: stenogr. otchet = Twelfth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks). April 17–25, 1923: verbatim report. Moscow: Politizdat, 1968:903. (In Russ.)
17. Vdovin A.I. SSSR. Istoriya velikoy derzhavy. 1922–1991 = USSR. History of a Great Power. 1922–1991. Moscow: Prospekt, 2018:767. (In Russ.)
18. Borisenok E.Yu. Fenomen sovetskoy ukrainizatsii 1920–1930-e gg. = The phenomenon of Soviet Ukrainization in the 1920–1930ss. Moscow: Evropa, 2006:256. (In Russ.)
19. Marchukov A.V. Novorossiia. Formirovanie natsional'nykh identichnostey (XVIII–XX vv.) = Novorossiia. Formation of National Identities (18th – 20th centuries). Moscow: Kuchkovo pole, 2018:510. (In Russ.)
20. Martin T. Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti». Natsii i natsional'nosti v SSSR, 1923–1939 = The empire of “positive activity”. Nations and nationalities in the USSR, 1923–1939. Transl. from English by O.R. Shchelokova. Moscow: ROSSPEN: Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina, 2011:662. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ринат Рязитович Акжигитов

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: makwwwin@yandex.ru

Rinat R. Akzhigitov

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 26.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.01.2025

Принята к публикации / Accepted 04.02.2025

УДК 340.5

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-10

Сравнительное правоведение в условиях многополярного мира

А. Д. Гуляков¹, А. Ю. Саломатин²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹rector@pnzgu.ru, ²valeriya_zinovev@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Сравнительное правоведение в последние два столетия служит надежным ориентиром для раскрытия правовой реальности. Однако вступление нашей планеты в стадию постмодернизации и глобализации заставляет по-новому взглянуть на предметное поле этой важнейшей дисциплины, а продвижение человечества к многополярному миру побуждает создать новые формы научного международного кооперирования. *Материалы и методы.* Предпринята попытка на основе широкого массива российских и зарубежных работ показать вектор интернационализации компаративистских изысканий. Используются сравнительно-диахронный и сравнительно-синхронный анализ для демонстрации успехов и особенностей развития сравнительного правоведения в разных странах и в разные исторические эпохи. Изложение материала сопровождается публикацией оригинальных схем. *Результаты.* Авторы отмечают, что становление сравнительного правоведения приходится на первую треть XIX в., закономерно совпадая с модернизационным стартом в наиболее продвинутых государствах мира. Не случайно также, что пионером в распространении новой науки становится Германия как страна, объективно наиболее нуждавшаяся в тот момент в изучении зарубежного правового опыта. Констатируется, что со второй половины XIX в. появляется инфраструктура новой дисциплины в виде научных обществ и многочисленных журналов, а с начала XX в. предпринимаются шаги по целенаправленной интернационализации научного поиска: проводятся международные конгрессы в Париже (1900 г.), Сент-Луисе (1904 г.), организуется Международная академия сравнительного права в 1924 г. Во второй половине XX в. проводятся первые международные проекты и регулярные международные мероприятия. *Выводы.* Эпоха постмодернизации и глобализации не могла не стимулировать расширения предметного поля сравнительного правоведения и дополнения его инструментария за счет сравнительно-государствоведческого и сравнительно-политологического анализа. Ведь изучение зарубежного законодательного опыта должно сопровождаться исследованиями возможностей и целесообразности его применения в условиях конкретной государственной и политической систем. Формирование многополярного мира требует также более реалистичного подхода к юридической географии, в рамках которой четко просматривается деление на западное и не западное право, а Россию следует рассматривать как вполне самостоятельную величину, не относящуюся к романо-германской правовой семье. Наконец, для оптимального изучения этого же многополярного мира требуется создание регионально-континентальных исследовательских структур – например, Евразийской ассоциации сравнительного права.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, интернационализация сравнительно-правовых исследований, Международная академия сравнительного права, сравнительно-государствоведческий анализ, сравнительно-политический анализ, юридическая география, многополярный мир

Для цитирования: Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Сравнительное правоведение в условиях многополярного мира // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 124–135. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-10

Comparative law in a multipolar world

A.D. Gulyakov¹, A.Yu. Salomatin²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹rector@pnzgu.ru, ²valeriya_zinovev@mail.ru

Abstract. *Background.* Comparative law has served as a reliable reference point for disclosing legal reality in the last two centuries. However, the entry of our Planet into the stages of postmodernization and globalization forces us to take a fresh look at the subject field of this most important discipline, and the advancement of humanity towards a multipolar world encourages the creation of new forms of scientific international cooperation. *Materials and methods.* The article attempts to show the vector of internationalization of comparative research based on a wide array of Russian and foreign works. Comparative-diachronic and comparative-synchronous analysis are used to demonstrate the successes and features of the development of Comparative Law in different countries and in different historical eras. The presentation of the material is accompanied by the publication of original schemes. *Results.* The authors note that the formation of Comparative Law falls on the first third of the 19th century, naturally coinciding with the start of modernization in the most advanced countries of the world. It is also no coincidence that Germany became a pioneer in the dissemination of the new science as a country that objectively most needed to study foreign legal experience at that time. It is stated that from the second half of the 19th century the infrastructure of the new discipline appeared in the form of scientific societies and numerous journals, and from the beginning of the 20th century efforts were made to purposefully internationalize scientific research: international congresses were held in Paris (1900), St. Louis (1904), the International Academy of Comparative Law (IACL) was organized in 1924. The second half of the 20th century witnessed the first international projects and regular international events. *Conclusions.* The era of postmodernization and globalization could not but stimulate the expansion of the subject field of Comparative Law and the addition of its tools through comparative state and comparative political science analysis. After all, the study of foreign legislative experience should be accompanied by research into the possibilities and feasibility of its application in the context of specific state and political systems. The formation of a multipolar world also requires a more realistic approach to legal geography, within which the division into Western and non-Western law is clearly visible, and Russia should be considered as a completely independent entity that does not belong to the Romano-Germanic legal family. Finally, for the optimal study of this same multipolar world, it is necessary to create regional-continental research structures - for example, the Eurasian Association of Comparative Law.

Keywords: comparative law, internationalization of comparative legal studies, International Academy of Comparative Law, comparative political analysis, comparative political analysis, legal geography, multipolar world

For citation: Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. Comparative law in a multipolar world. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):124–135. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-10

Большинство гуманитарных да и естественно-научных дисциплин тоже в своем развитии не могут не испытывать влияния множества внешних факторов – социально-экономических, технологических, международных и внутриполитических, культурно-идеологических. Сравнительное правоведение находится в числе подобных дисциплин. Само зарождение этой дисциплины связано с началом эпохи модернизации в первой трети XIX в.: осовременивание тогда коснулось всех сфер общественной жизни, включая материальное производство, сферу государственного управления и политики, даже связи между странами и людьми. Было бы неправильно сводить появление и развитие той или иной отрасли или направления знаний только к философским или идеологическим истокам [1, с. 12]. Во-первых, как нам представляется, необходимо различать предпосылки и причины как явления с различным горизонтом и способами влияния. Во-вторых, идеологический фон следует все же вписывать в последние, а не в первые, т.е. в причины, а не в предпосылки (рис. 1).

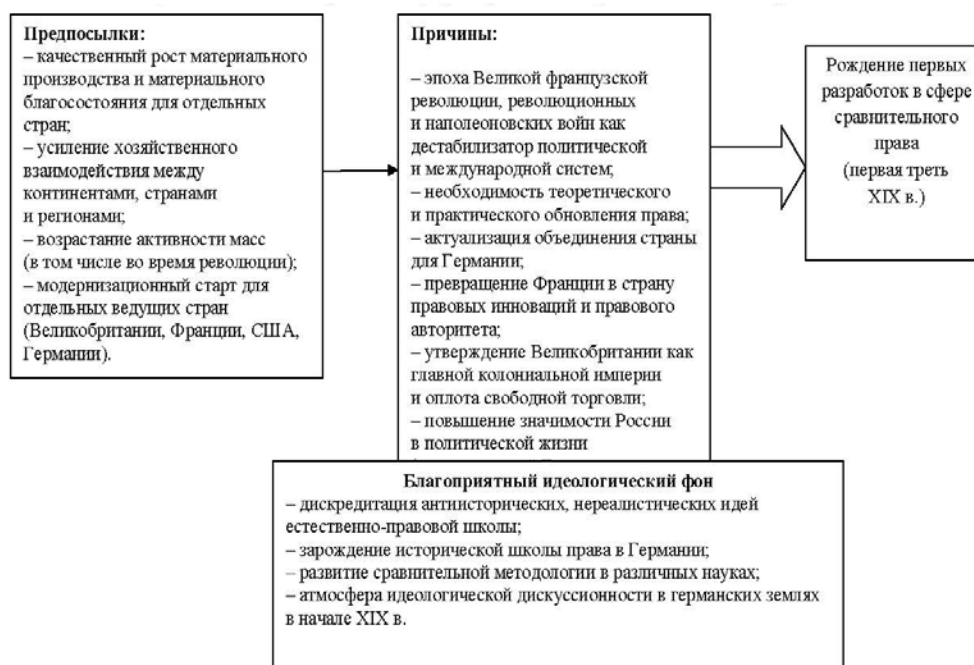

Рис. 1. Предпосылки и причины формирования сравнительного правоведения

Вполне объяснимо, что первичный интерес к зарубежному праву возникает далеко не в самой передовой в общественном и правовом отношении стране, а там, где более всего нуждаются в познании иностранного опыта. Германия, будучи территориально и идеологически разделенной, продуцировала юридические споры об уместности правовых заимствований, это давало импульс к выходу как индивидуальных научных работ (Ансельм фон Фейербах, Эдвард Ганс), так и новаторского научного периодического издания –

«Критического журнала юридической науки и зарубежного законодательства» (редакторы – Карл Миттермайер и Карл Цахарие).

Во Франции, где первоначально преобладало чувство правового превосходства из-за многочисленных заимствований Гражданского Кодекса Наполеона другими странами, все же с началом «революции коммуникаций» в 1830-е гг. просыпается заинтересованность в зарубежном законодательстве, первопроходцем в изучении которого становится популярный лектор-либерал Жан Эжен Лерминье. В то же время в Великобритании первые шаги в направлении сравнений в праве объясняются сугубо прагматическими побуждениями тщательно изучить зарубежное торговое право для главной колониальной и промышленной державы мира. Труды У. Берга «Комментарии к колониальным и иностранным законам» (1838) и А. Леви «Международное торговое право» оказались крайне полезны для британских предпринимателей.

Так или иначе, но за этапом первичных усилий одиночек в первой половине XIX в. следует становление инфраструктуры новой научной дисциплины во второй половине XIX столетия с научными обществами и множеством журналов, а популярность данной науки уже не ограничивается рамками трех или чуть более стран. Причем происходящая интернационализация нового научного направления закономерна: ведь мир после анклавно-отраслевого промышленного переворота (1780–1860-е гг.) переходит к всеотраслевой, географически расширяющейся индустриализации. На фоне укрепившихся коммуникаций начинается борьба за колониальный передел мира, которому некоторые идеалистически настроенные правоведы пытаются противопоставить международное правовое сотрудничество. В этой связи объяснимо проведение в 1900 г. Международного конгресса сравнительного права в Париже. На нем один из его организаторов – французский профессор Эдуард Ламбер – в своем основополагающем докладе отметил целесообразность сравнения только близких по духу правовых систем – например, французской и германской, но никак не исламской или славянской [2, с. 217–219]. Он же и его французские коллеги выдвигали амбициозную цель создания в обозримом будущем «всемирного права», к чему английские и американские гости относились скептически.

По более адекватной траектории научной интернационализации проходил Международный конгресс в Сент-Луисе (США) в 1904 г. Он собрал не только и не столько университетскую профессуру, сколько судей-практиков, которые поставили перед собой вполне земные, а не выдуманные вопросы:

- 1) оптимальный метод регулирования в гражданском судопроизводстве;
- 2) обзор деятельности четырех Гаагских конференций по международному частному праву;
- 3) степень признания национальными судами позиций зарубежных судов. В конференции приняли участие представители 14 стран, в том числе 9 – европейских.

Академическая община США отправила на мероприятие 40 профессоров из 30 университетов [3, р. 595–596].

И все же не США, а Европа (и прежде всего Франция) была в авангарде развития сравнительного правоведения в первой половине XX в. Именно европейские компаративисты сыграли ключевую роль в организации устойчивого и солидарного научного сообщества – Международной академии сравнительного права (МАСП) в 1924 г. Ее отцами-основателями выступили специалисты в области международного частного права – профессор Парижского и Дижонского университетов, судья Постоянного суда международного правосудия Андре Вейсс, профессор Парижского университета Энри Леви-Ульман и профессор Каунасского университета (родом из Венгрии), знаток римского права Элемер Балог, родившийся в Австро-Венгрии.

Первоначально в составе МАСП было только 30 членов (из них 7 – французы, 5 – американцы, 4 – итальянцы, 2 – немцы), которые оказались распределены по 4 территориальным группам (латинских, англо-американских стран, государств Центральной и Северной Европы, восточных и колониальных стран) [4, р. 2–6]. Реагируя на критику кастовости и узости своего состава, Академия расширяет свою деятельность и в 1932, 1937 гг. проводит свои первые два международных конгресса.

После Второй мировой войны практика проведения конгрессов становится регулярной с интервалом в четыре года. Кроме того, начинают выполняться международные проекты. Например, под руководством Рудольфа Шлезингера из Корнельского университета была изучена правовая регламентация заключения договоров в 10 странах мира, что заняло два объемных [5, с. 97–98].

Эпохи постмодернизации и глобализации, стартовавшие в последние десятилетия XX в., поставили вопрос о расширении предметного поля сравнительного правоведения. В силу особой сложности современных управленческих процессов оно должно сопровождаться сравнительно-государствоведческим и сравнительно-политологическим анализом [6, с. 1025–1026]. Ведь издание того или иного акта не является случайностью или капризом законодателя: оно может и должно быть объяснено потребностями государственной жизни, взаимодействием политических сил. Прежде чем прийти к выводу о желательности или нежелательности правового заимствования, требуется проанализировать государствоведческую и политологическую природу рассматриваемого зарубежного правового явления, просчитать последствия его переноса в отечественные государственную и политическую системы (рис. 2).

Как мы могли убедиться, прогресс сравнительного правоведения был связан с его постоянно возрастающей интернационализацией. Однако конфигурация и интенсивность этой интернационализации может быть различна для нашего цивилизованного мира, чьи контакты долгое время ограничивались международной торговлей.

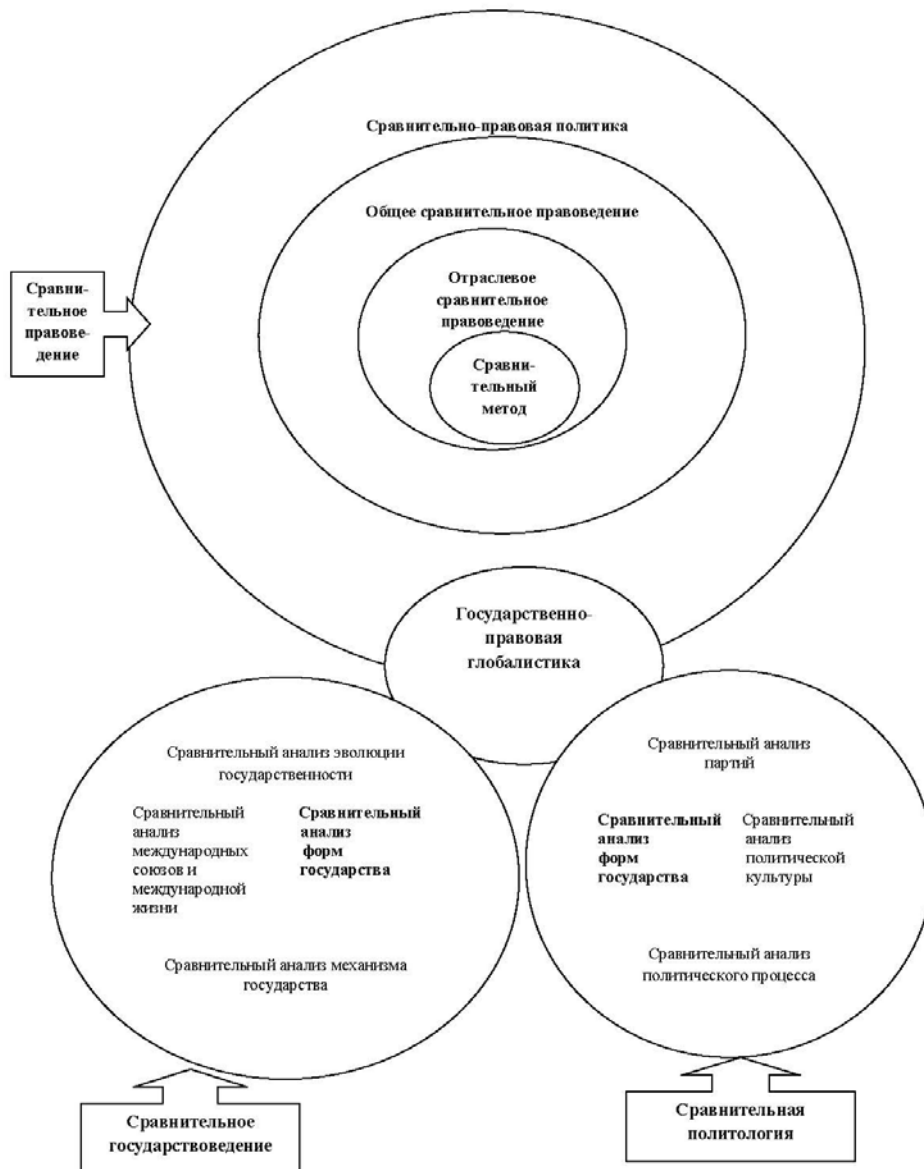

Рис. 2. Сравнительное правоведение как комплексная мегадисциплина в условиях глобализации

С XVI в. начинается этап колониционной интернационализации. Затем, с XX столетия, в интернационализации усиливается элемент производственной кооперации. Транснациональные корпорации создают свои филиалы в различных странах. А с последних десятилетий XX в. мы все ощущаем последствия глобализации, т.е. невиданного сближения стран и народов не только в сфере производства, но и быта, общественного сознания. Компьютерные и интернет-коммуникации делают нас свидетелями событий, происходящих в самых дальних уголках земного шара. Мы оказываемся уязвимы перед информационным давлением.

В то же время глобализация не может быть бесконфликтной. Она порождает наиболее острые противоречия между странами и континентами, тем самым подрывая идею глобального лидерства. Логикой беспрецедентного сближения стран и народов в материальном и культурно-бытовом отношении государства-гегемоны утрачивают свою легитимность лидерства, сокращаются их материальные возможности для его поддержания. В силу неравномерности развития возвышаются новые центры влияния, причем не один, а несколько. Так возникает многополярный мир.

Разумеется, не следует испытывать иллюзии, что нарождающаяся многоцентровая структура будет исключительно радужной и бесконфликтной. Складывающаяся общепланетарная геополитическая конфигурация во многом напоминают неустойчивую многополярность с усиливающейся регионализацией. «Могут возникать условия, когда потенциальным “полюсам” или авторитетным глобальным государствам будет не до глобальных дел и многие из них не будут в состоянии эффективно продвигать принцип многосторонности. “Полюса” могут перестать быть привлекательными для подражания моделями развития соседних стран, да и сами не будут заинтересованы в решении проблем соседей» [7].

И в самом деле мы все же точно не знаем, сколько центров образуется в конечном счете. Какой будет судьба гегемона-США? Сумеет ли этот гегемон найти для себя дополнительные источники усиления (например, в бассейне Тихого океана), сохранит ли внутривосточное равновесие, избежав гражданской войны, или падет жертвой собственных внешнеполитических авантур? Во всяком случае геополитическая архитектура современного мира меняется на наших глазах. И данная ситуация требует новых подходов как в изучении государственно-правовой жизни в целом, так и в сравнительных исследованиях.

Закономерно, что анализ этого нового мира должен происходить не из одной точки, а из нескольких межрегиональных центров, т.е. не «сверху», а «снизу». МАСП уже сейчас жалуется на «недопредоставленность» не европейского пространства. Если ее члены из стран Европы при удельном весе населения земного шара в 9,26 % составляют 57,3 % состава Академии, а на страны Северной Америки (7,6 % населения планеты) приходится 17,6 % членов, то для Азии, Центральной и Южной Америки, Австралии и Океании, Африки соотношение цифр следующее: 61,56 и 12,3 %; 5,33 и 6,5 %; 0,58 и 3,8 %; 18,68 и 2,5 %.

Но очень важно и другое – отсутствие на нашей планете цивилизационно-правового единства. Принимая это, различные авторы начиная со второй половины XIX в. стремились придумать свои оригинальные классификации правовых систем, сгруппировав их по правовым семьям, правовым стилям, правовым кругам, правовым порядкам, правовым культурам [8, р. 41–42]. Э. Глассон выдвигал в качестве главного критерия близость правовой системы к римскому праву, что приводило, например, к тому, что российской пра-

во и совершенно чуждое ему британское право попадали в одну типологическую группу. Или Э. Леви-Ульман сводил все характеристики к источникам права, объединяя юридическую карту мира тремя позициями: континентальной, англо-саксонской, исламской семьями. Дж. Вигмор, видимо, следовал за цивилизациями прошлого и настоящего, и он упоминал о 16 правовых системах, т.е. семьях в правильном понимании [9, с. 240–241]. Как нам представляется, наиболее оптимальную среди западных авторов классификацию дал К. Цвайгерт, сформулировав понятие «правовой стиль» и обнаружив в современном мире 8 правовых стилей (семей) [10, с. 107–108, 117].

Однако немецкий компаративист не противопоставил четко западное право незападному, что методологически и цивилизационно является исключительно важным (рис. 3).

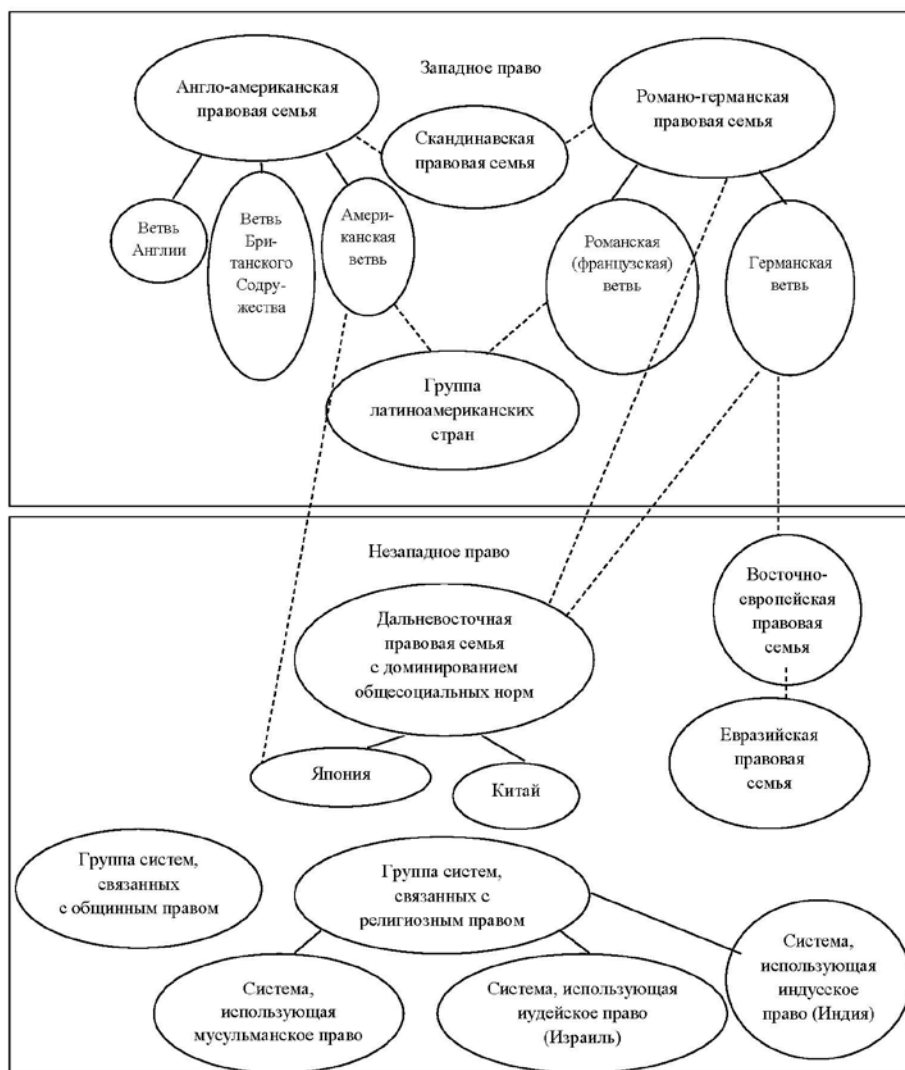

Рис. 3. Классификация правовых систем

Главным критерием для классификации, по нашему мнению, являются особенности правовой культуры и правосознания, а не юридическая техника или правовой материал. Известно, что все, что связано с глубинными процессами в человеческом сознании, меняется значительно медленнее, чем производное от материальной среды (т.е. право). Поэтому даже в условиях глобализации китаец или японец остаются представителями дальневосточных цивилизаций и носителями характеристик дальневосточной правовой семьи, а не новообращенными адептами западноевропейской цивилизации и романо-германского права. От европоцентристских амбиций ученому миру следует давно отказаться в пользу правовой многополярности.

Следует также правильно определить место России на юридической карте мира. Вряд ли ее стоит однозначно приписывать к романо-германской семье, как это делает А. Х. Саидов [9, с. 457, 459]. В России, как справедливо замечают В. В. Бойцова и Л. В. Бойцова, «тенденции роста правовых заимствований и сохранения русских правовых традиций перекрещивались и переплетались самым причудливым образом» [11, с. 135]. Член-корреспондент МАСП, выдающийся российский компаративист Ю. А. Тихомиров справедливо указывал в середине 1990-х гг. на неоднозначность, неопределенность будущего правового развития России. Он тогда писал о трех возможных альтернативах:

- 1) присоединении постсоциалистических стран к романо-германской семье;
- 2) создании общей славянской семьи;
- 3) постепенном формировании «двух-трех правовых семей: прибалтийской с тяготением к северной (скандинавской) правовой семье, славянской правовой семьи в сочетании с азиатско-мусульманской правовой семьей, центрально-европейской с тяготением к романо-германской семье» [12, с. 129].

По нашему мнению, с начала 2000-х гг. обозначилась другая тенденция – медленное формирование **евроазиатской правовой семьи**. Тезис о единстве славянских народов (западных, южных, восточных) является надуманным, а приписывание им каких-либо особых ценностных качеств («христианская вера, духовность, единение, национальное самосознание, прямое народное правление и милосердие») [13, с. 180] отдает идеализмом.

Наше государство свою силу традиционно черпало не в союзах с Западом (в том числе и с западным славянством), а в движении прежде всего на восток. Россия – многоконфессиональная и мультиэтничная евразийская империя, формирующая вокруг себя евразийскую правовую семью на основе определенных духовных констант – приверженности консервативной (анти-западной) православной традиции – коллективизма (соборности) – имперско-евразийского федерализма [14, с. 158].

Именно поэтому, откликаясь на принципиально новую для нашей планеты многополярность, мы и предлагаем дополнить деятельность МАСП изысканиями межгосударственных регионально-континентальных ассоциаций.

Россия могла бы выступить организующим центром **Евразийской ассоциации сравнительного права**, предложив вступить в нее ученых сопредельных, близких по духу и исторической судьбе стран (включая страны ОДКБ, ЕВРАЗЕС, Китай, Индию). В качестве некоторых общих тем можно было предложить вопросы энергетического, иммиграционного права, уголовной правовой политики. Здесь во всяком случае у стран не-Запада больше общего, чем у стран Запада. Первый, организационный, конгресс следовало бы провести в Москве, далее ориентируясь на другие ведущие города Евразии.

Список литературы

1. Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Сравнительное правоведение: прошлое, настоящее, будущее : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2024. URL: <http://elib.pnzu.ru/library/1732013293>
2. Ламбер Э. Метод сравнительного права (материалы доклада на первом конгрессе по Сравнительному праву 1900 г.) // Вестник Унивеситета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 216–221.
3. Clark D. S. The Modern Development of American Comparative Law. 1904–1945 // The American Journal of Comparative Law. 2007. Vol. 55, № 4. P. 587–615.
4. Clark D. S. American Participation in the Development of the International Academy of Comparative Law and It's First Two Hague Congress // The American Journal of Comparative Law. 2006. Vol. 54. URL: https://archive.org/stream/sim_american-journal-of-comparative-law_2006_54_index-contents/sim_american-journal-of-comparative-law_2006_54_index-contents_djvu.txt
5. Рейнштейн М. Предмет и задачи сравнительного правоведения // Очерки сравнительного права. М. : Прогресс, 1981. С. 87–103.
6. Саломатин А. Ю. Сравнительная правовая политика как новое направление юридической науки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6. С. 1022–1029.
7. Дмитриченко А. Беспольярность как промежуточный этап на пути к многополярности? // Международная жизнь. 2023. № 3. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2794?ysclid=m8yw0nk32c862795083>
8. Luts L. A. Typologies of Modern Legal Systems of the World // Foundations of Comparative Law. Methods and Typologies / ed. by W. E. Butler, B. V. Kresin and Iu. S. Shenshuchenko. London : Wildy, Simmonds and Hill Publishing, 2011. URL: <https://searchworks.stanford.edu/view/9153948>
9. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современного мира) : учебник / отв. ред. В. А. Туманова. 2-е изд., доп и перераб. М. : Юристъ, 2007. 510 с.
10. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. 1. Основы : пер. с нем. М. : Международные отношения, 2000. 480 с.
11. Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Исторические традиции российской школы сравнительного права // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 131–141.
12. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М. : Норма, 1996. 432 с.
13. Сравнительное правоведение. Национальные правовые системы : в 2 т. Т. 1. Правовые системы Восточной Европы / под ред. В. И. Лафистского. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : Контракт, 2012. 528 с.

14. Саломатин А. Ю. Духовная сила российской имперской государственности : монография. М. : РИОР, 2024. 173 с.

References

1. Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. *Sravnitel'noe pravovedenie: proshloe, nastoyashchee, budushchee: monografiya = Comparative law: past, present, future: monograph*. Penza: Izd-vo PGU, 2024. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.pnzgu.ru/library/1732013293>
2. Lamber E. The method of comparative law (Proceedings of the Report at the First Congress on comparative law, 1900). *Vestnik Univetsiteta imeni O.E. Kutafina = Bulletin of University named after O.E. Kutafin*. 2018;(5):216–221. (In Russ.)
3. Clark D.S. The Modern Development of American Comparative Law. 1904–1945. *The American Journal of Comparative Law*. 2007;55(4):587–615.
4. Clark D.S. American Participation in the Development of the International Academy of Comparative Law and It's First Two Hague Congress. *The American Journal of Comparative Law*. 2006;54. Available at: https://archive.org/stream/sim_american-journal-of-comparative-law_2006_54_index-contents/sim_american-journal-of-comparative-law_2006_54_index-contents_djvu.txt
5. Reynsteyn M. The subject and objectives of comparative law. *Ocherki sravnitel'nogo prava = Essays on comparative law*. Moscow: Progress, 1981:87–103. (In Russ.)
6. Salomatin A.Yu. Comparative legal policy as a new direction of yoga-digic science. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*. 2013;(6):1022–1029. (In Russ.)
7. Dmitrichenko A. Non-polarity as an intermediate stage on the way to multipolarity? *Mezhdunarodnaya zhizn' = International life*. 2023;(3). (In Russ.). Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2794?ysclid=m8yw0nk32c862795083>
8. Luts L.A. Typologies of Modern Legal Systems of the World. *Foundations of Comparative Law. Methods and Typologies*. London: Wildy, Simmonds and Hill Publishing, 2011. Available at: <https://searchworks.stanford.edu/view/9153948>
9. Saidov A.Kh. *Sravnitel'noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennogo mira): uchebnik. 2-e izd., dop i pererab. = Comparative law (the main legal systems of the modern world): textbook. The 2nd edition, revised and supplemented*. Moscow: Yurist", 2007:510. (In Russ.)
10. Tsvaygert K., Ketts Kh. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 1. Osnovy: per. s nem. = Introduction to comparative law in the field of private law: in 2 volumes. Volume 1. Basics: translated from German*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2000:480. (In Russ.)
11. Boytsova V.V., Boytsova L.V. Historical traditions of the Russian school of comparative law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian law*. 2003;(7):131–141. (In Russ.)
12. Tikhomirov Yu.A. *Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya = Course of comparative law*. Moscow: Norma, 1996:432. (In Russ.)
13. Lafistkiy V.I. (ed.) *Sravnitel'noe pravovedenie. Natsional'nye pravovye sistemy: v 2 t. T. 1. Pravovye sistemy Vostochnoy Evropy = Comparative law. National legal systems: in 2 volumes. Volume 1. Legal systems of Eastern Europe*. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF: Kontrakt, 2012:528. (In Russ.)

14. Salomatin A.Yu. *Dukhovnaya sila rossiyskoy imperskoy gosudarstvennosti: monografiya* = *The spiritual power of russian imperial statehood: monograph*. Moscow: RIOR, 2024:173. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Дмитриевич Гуляков
доктор юридических наук, ректор,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: rector@pnzgu.ru

Aleksandr D. Gulyakov
Doctor of juridical sciences, rector,
Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia)

Алексей Юрьевич Саломатин
доктор юридических наук, доктор
исторических наук, профессор,
член-корреспондент Международной
академии сравнительного права (МАСП),
заведующий кафедрой теории
государства и права и политологии,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

Aleksey Yu. Salomatin
Doctor of juridical sciences, doctor
of historical sciences, professor,
corresponding member of the International
academy of comparative law (IAPL),
head of the sub-department of theory
of state and law and political science,
Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.01.2025

Принята к публикации / Accepted 18.02.2025

УДК 340.11

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-11

Взаимная обусловленность проявлений юридической анонии в различных компонентах правовой системы

Д. А. Липинский¹, А. А. Иванов²

^{1,2}Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

¹dmitri8@yandex.ru, ²ale_iv@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальной задачей для современной российской юриспруденции является обнаружение взаимосвязей, существующих между недостатками законодательства, деформациями правосознания и правоприменения. Рассматриваются особенности проявления юридической анонии в различных компонентах правовой системы, постулируется тесная взаимосвязь между системой права и правовой культурой общества, их взаимное влияние и циклический характер развития. Цель исследования – анализ проблем усиления юридической анонии в результате взаимодействия компонентов правовой системы, уже затронутых соответствующим состоянием. *Материалы и методы.* Исследование основано на применении таких методов, как диалектический, формально-юридический, структурно-правовой, функциональный и др. *Результаты.* Исследование позволило прийти к выводу, что состояние юридической анонии не развивается обособленно в том или ином компоненте правовой системы, а охватывает ее в целом. *Выводы.* Закрепление соответствующих ценностей в законодательстве, а также эффективная деятельность органов публичной власти рассматривается в качестве факторов, способных сдерживать развитие состояния юридической анонии. Исследование особенностей проявления юридической анонии в различных компонентах правовой системы обогащает теорию государства и права и отраслевые юридические науки, выступает необходимым условием повышения отечественной правовой культуры, является одним из условий повышения эффективности функционирования государственного аппарата Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая культура, правовая система, правосознание, правотворчество, правоприменение, система права, юридическая анония

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176>

Для цитирования: Липинский Д. А., Иванов А. А. Взаимная обусловленность проявлений юридической анонии в различных компонентах правовой системы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 136–152. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-11

Mutual determinacy of manifestations of legal anomie in various components of the legal system

D.A. Lipinskiy¹, A.A. Ivanov²

^{1,2}Togliatti State University, Togliatti, Russia

¹dmitri8@yandex.ru, ²ale_iv@mail.ru

Abstract. *Background.* A pressing task for modern Russian jurisprudence is to identify the relationships that exist between the shortcomings of legislation, deformations of legal consciousness and law enforcement. The article examines the peculiarities of legal anomie manifestation in various components of the legal system, postulates a close relationship between the legal system and the legal culture of society, their mutual influence and the cyclical nature of development. The purpose of the study is to analyze the problems of strengthening legal anomie as a result of the interaction of the components of the legal system already affected by the corresponding state. *Materials and methods.* The study is based on the use of such methods as dialectical, formal-legal, structural-legal; functional, etc. *Results.* The study allowed us to come to the conclusion that the state of legal anomie does not develop separately in one or another component of the legal system, but covers it as a whole. *Conclusions.* The consolidation of relevant values in legislation, as well as the effective activities of public authorities are considered as factors capable of restraining the development of the state of legal anomie. The study of the features of the manifestation of legal anomie in various components of the legal system enriches the theory of state and law and sectoral legal sciences, is a necessary condition for improving the domestic legal culture, and is one of the conditions for increasing the efficiency of the functioning of the state apparatus of the Russian Federation.

Keywords: legal culture, legal system, legal awareness, lawmaking, law enforcement, legal system, legal anomie

Financing: the research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176>

For citation: Lipinskiy D.A., Ivanov A.A. Mutual determinacy of manifestations of legal anomie in various components of the legal system. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(1):136–152. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-11

Введение

В последние годы, являясь достаточно новым для отечественной юриспруденции, понятие юридической аномии стало приковывать к себе внимание среди теоретиков права, что обусловлено рядом причин. Во-первых, юридическая аномия позволяет более точно и глубоко объяснить наблюдающиеся в праве явления и соответствующую направленность проистекающих в различных компонентах правовой системы процессов. Во-вторых, она не может быть полностью отождествлена и с иными юридическими категориями, такими, например, как правовой нигилизм, правонарушаемость или безответственность. Ключевой характеристикой аномии является связь этого явления с социально-политическим кризисом, в рамках которого предше-

ствующая система юридических норм и институтов уже утратила свое значение.

Выходит аномия и за сферу собственно юридического, затрагивая аспекты экономики и политики, морали и нравственности, проникая на уровень международных отношений. Именно в состоянии социальных отношений и процессов находятся истоки этого явления. Юридическое и неюридическое здесь находятся в непрерывном взаимодействии, взаимопроникновении и взаимоусилении.

В отличие от отдельных аномичных проявлений, юридическая аномия как самостоятельный фактор, влияющий на развитие государства и общества, являет собой совокупность включаемых в содержание этого явления разнообразных проявлений. Большое количество аномичных проявлений, наблюдаемых в процессе государственного управления жизнью общества, не являются обособленными, они непрерывно взаимодействуют и усиливают друг друга.

Зародившись в качестве категории социологии, аномия требует отталкиваться от социологического понимания права при анализе юридических аспектов проявления соответствующего состояния общественных отношений, поскольку нормативистский подход представляется здесь чрезмерно узким.

М. С. Бороздина называет четыре измерения юридической аномии, хотя, на наш взгляд, их более правильно было бы назвать «проявлениями». Можно согласиться с указанным автором о наличии у юридической аномии следующих параметров:

- нормативно-правового, проявляющегося в содержании, направленности и социальной оправданности соответствующих актов;
- организационно-институционального (который, возможно, более правильно было бы назвать функциональным), проявляющегося в эффективности деятельности государственных структур;
- правового культурного, заключающегося в соответствующих недостатках индивидуального, группового и массового правосознания.

Однако выделение М. С. Бороздиной информационно-правового измерения юридической аномии, связанного со способами информирования граждан о содержании действующего правового регулирования, вызывает определенные сомнения в своей целесообразности [1, с. 7–10]. Представляется логичным, что сами способы правового информирования в большей степени будут зависеть не от искажений правовой культуры соответствующего общества, а от имеющихся у него материальных и технических возможностей, прямую связь с состоянием юридической аномии усмотреть здесь достаточно сложно.

Соответствующие проявления юридической аномии совпадают с выделяемыми в науке компонентами правовой системы, затрагивая весь их перечень без исключения. В качестве основных компонентов здесь могут быть указаны сама нормативная основа жизни общества, формирующаяся на ее

основе правосознание, а также процессы правореализации, обеспечивающие претворение в жизнь соответствующих правовых норм.

Правовая система может рассматриваться в качестве относительно устойчивого образования, одной из внутренних функций которого является обеспечение целостности и комплексности, взаимосвязи между соответствующими структурными элементами. Состояние каждого из ее компонентов (или подсистем) важно не только само по себе, но и исходя из того влияния, которое оно оказывает на общую эффективность функционирования правовой системы в целом.

Исходя из соответствующей посылки, юридическая аномия может рассматриваться не только через дефектность отдельных компонентов правовой системы (принятие не отвечающих потребностям общества нормативных актов, дефектов правосознания или ошибок в плане правореализации), но и как нарушение связей, существующих между отдельными компонентами правовой системы, рассогласование их взаимодействия.

Как пишет А. В. Поляков, «ни правовые тексты, ни правовые ценности, ни субъективное правосознание, ни индивидуальные правопритязания не образуют право в качестве разрозненных элементов. То, что их объединяет, это правовая коммуникация, возникающая как intersubъективная реальность, связующим звеном которой являются взаимодействующие субъекты» [2, с. 18].

Новая правовая система в условиях социального кризиса и порожаемой им юридической аномии либо еще не создана, либо сформировалась только формально, не воспринимается в качестве действенного регулятора отношений в общественном правосознании. На этом этапе исторического развития право не способно эффективно выполнять функции социального регулятора. Реализация таких важных для общества функций права, как регулятивная и охранительная, интегративная и коммуникативная, или в принципе отсутствует, или же подменяется функционированием иных социальных институтов, в том числе не всегда желательных с точки зрения интересов законности. Соответствующие процессы подмены правовых норм и государственных институтов элементами криминальной субкультуры демонстрировала повседневная российская действительность в 1990-е гг. Специфический характер, который в данный период имели процессы правообразования и правоприменения, отразились на общем состоянии правовой системы России, ощущаются эти последствия и в настоящее время.

Правовую систему невозможно представить вне понятия права и его источников, но единство мнений в отношении этого вопроса среди правоведов отсутствует. На практике часто проводят границу между понятиями права и закона, а сами законы, как и судебная система, подвергаются критике. Не всегда законы и деятельность суда соответствуют и требованиям практики. Неопределенность наблюдается в отношении того, какой тип политической и правовой культуры пытаются создать в России с помощью права. Опасность и системную проблему для состояния правовой культуры пред-

ставляют также нереализованные, но провозглашенные Конституцией Российской Федерации положения.

Как полагает М. И. Клеандров, наше понимание правовой системы с необходимостью предполагает также и понимание особенностей эволюции и структуры соответствующего понятийного аппарата, источников права, правовой идеологии, правовой ментальности, а также институциональной ее части, имея в виду в том числе основные ветви государственной власти, в частности суд, судебную практику. В настоящее время по большинству указанных классификационных признаков отсутствует определенность и нет стабильности. Правовая культура, идеология и юридическая практика с необходимостью также включаются в содержание правовой системы, поскольку они способны оказывать регулирующее воздействие на общественные отношения с целью их упорядочивания. Ситуация с соответствующим пониманием осложняется тем, что тот же суд может рассматриваться не только в качестве государственного органа, но и, например, в качестве института гражданского общества, он участвует в реализации как функции правосудия, так и функции правообразования. Важное значение имеет функция суда по формированию правовой культуры российского общества. Границы отдельных компонентов правовой системы, таким образом, не всегда носят четкий характер, что затрудняет их изучение [3, с. 6].

Компонент определяется в литературе как одна из составных частей чего-либо [4, с. 441], он может быть представлен в качестве неотъемлемой части чего-то большего. Если элемент рассматривается как что-то простейшее и больше не делящееся, то компонент, являясь частью целого, сам может иметь сложный характер и выступать в качестве подсистемы элементов. С другой стороны, говоря об элементах чего-либо, мы предполагаем нахождение их в неразрывной взаимосвязи с иными составляющими, например, речь может идти о частях какой-либо конструкции или устройства.

Соответствующий эпистемологический дискурс, касающийся природы, функций и структуры наших знаний о праве, развивается в контексте философско-правовых и социологических исследований социально-правовой реальности. Он способен выполнять инструментальную функцию, вооружая общественное правосознание средствами его самоанализа [5, с. 1074]. Несмотря на принципиальный характер данного вопроса, в юриспруденции отсутствует согласие относительно точного перечня компонентов правовой системы, как нет единства и относительно ограничения этого явления от иных проявлений социальной действительности. Рядом исследователей, в частности, отождествляются понятия «правовая система» и «система права», тогда как в работах иных ученых правовая система рассматривается в качестве значительно более широкой категории, включающей систему права в виде своей составной части (подсистемы), выступающей в качестве ее нормативного или регуляторного компонента.

Материалы и методы

С позиции поставленных перед нашим исследованием задач правовая система будет анализироваться прежде всего с точки зрения ее функционального компонента, включающего в себя такие направления ее функционирования, как правотворчество, правоприменение и правосознание. Именно посредством таких форм, преломляясь в индивидуальном и общественном правосознании, получает свою объективацию отечественная система права.

Результаты

Ценность широкого подхода к понятию правовой системы заключается в том, что он предоставляет нам возможности для комплексного анализа правовой сферы жизни общества посредством раскрытия особенностей взаимодействия как различных сторон правовой действительности, так и теоретических положений юриспруденции с юридической практикой.

По мнению В. Н. Карташова, на правовую систему могут влиять различные факторы, как природные, так и социальные, относящиеся к экономике и к политике, к нравственности и религии и т.д. В каждом из конкретных случаев детерминации правовой системы воздействие соответствующих факторов различается по форме, уровню, силе, носителям и результатам. Собственно юридические факторы здесь занимают особое место в ряду дестабилизирующих общественные отношения обстоятельств, которые приводят к правовой энтропии правовой системы. Они носят как нормативный, так и ненормативный характер, включают недостатки правотворческой деятельности, ведущие к принятию необъятного множества нормативных правовых актов нестабильности законодательства в целом, недостатки в правоприменительной практике, влекущие юридический нигилизм, инфантилизм физических и должностных лиц, низкий уровень их правосознания и правовой культуры и т.д. [6, с. 5–8]

М. В. Сальников, сопоставляя правовую систему и правовую культуру общества, приходит к выводу, что «правовая система отражает состояние целостности комплекса юридических явлений, а правовая культура – ценностно-качественный аспект правовой реальности, индивидуальность той или иной правовой системы». Национальная правовая система со всеми ее достоинствами и недостатками выступает в качестве автономного и самостоятельного социального образования, что обуславливается свойствами конкретной правовой традиции.

Уникальный характер и специфику российской национальной правовой системы можно объяснить в основном теми же факторами, что и особенности правовой культуры российского общества [7, с. 181]. Правовая культура может рассматриваться в виде качественной характеристики правовой системы, а юридическая аномия, оказывающая деструктивное влияние на состояние индивидуальной и общественной правовой культуры, оказывает разрушительное воздействие и на правовую систему в целом.

Решение соответствующих теоретических и практических вопросов юриспруденции способно приблизить выявление особенностей взаимосвязи между недостатками законодательства, деформациями правосознания и правоприменения, которые проявляются в условиях влияния на правовую систему юридической аномии.

Как это отмечено Г. М. Азнагуловой, процессы активного формирования отечественной правовой системы связаны с ее наполнением новым содержанием, развитием законодательства, изменением роли и самого назначения механизмов правообразования и правореализации. Правовая идеология утратила свои прежние позиции, и ее новая роль еще не имеет четкого выражения, что повышает важность надлежащей реализации правовой политики, направленной на определение ориентиров развития и обеспечение надлежащего функционирования правовой системы общества. Проблемы, таким образом, связаны с достижением ясности как в отношении понятийно-категориальных, так и структурно-функциональных нюансов правовой системы. Без ее достижения будет невозможно сделать следующий шаг, заключающийся в установлении общих закономерностей функционирования правовой системы, выявления механизмов взаимодействия между ее структурными компонентами [8, с. 3].

Для определения особенностей проявления юридической аномии в различных компонентах правовой системы и существующих между ними взаимосвязей представляется необходимым уяснение сущности и структуры правовой системы российского общества, закономерностей и циклов ее развития в настоящее время. Также следует уяснить связи, существующие между правовой системой и правовой культурой, правовой системой и правосознанием.

Прежде всего необходимо отметить, что правовая система не является изначально присущей государственно-организованному человеческому обществу. Ее не существовало на ранних этапах его развития, когда право в качестве системы взаимосвязанных компонентов, выполняющих привычные для нас функции в обществе, еще не сформировалось. В сформированном виде она не существовала и в Средневековье, когда наблюдался своеобразный партикуляризм – наличие нескольких обособленных нормативных систем внутри одного государства.

Поэтому становление единой правовой системы неразрывным образом связано с формированием суверенных государств, а наличие у них своей уникальной правовой системы, построенной на основе особенностей национальной правовой культуры, может рассматриваться в качестве одного из признаков суверенности.

Правовая система как конкретная юридическая реальность является результатом исторической эволюции. Она выступает в качестве социального целого и как таковая не развивается изолировано от общества. При этом, однако, современная российская юриспруденция во многом унаследовала понятие права, сформировавшееся еще в советский период. Однако уже тогда

утвердилось предположение о необходимости при дифференциации права выходить за пределы чисто юридических явлений и руководствоваться особенностями соответствующих общественных отношений – предметом правового регулирования [9, с. 171–176].

По мнению А. Ю. Барсукова, с которым можно согласиться, обнаружение и теоретическое описание наиболее общих закономерностей циклического характера в эволюции правовой культуры российского общества характеризуется как теоретической, так и практической значимостью. Соответствующий процесс носит перманентный характер, его познание необходимо для более углубленного понимания правовой сферы общественной жизни в целом. К практическим целям здесь относится формирование с учетом изученных закономерностей научно обоснованной правовой политики. В качестве циклических процессов может рассматриваться подъем и упадок правовых ценностей, активизация и стагнация правовой науки, смена правового идеализма правовым нигилизмом и иные явления, наблюдающиеся в трансформации культурно-правовой сферы. Данная проблематика тесно связана и с вопросами отыскания хронологических закономерностей юридического бытия [10, с. 10]. Несмотря на наличие здесь и субъективного фактора, в целом ход развития правовой культуры носит объективный характер и как таковой может быть предметом изучения юридической науки.

Говоря о дефектах нормативно-правового регулирования, И. П. Кожкарь выделяет следующие группы:

- аксиологические, связанные с противодействием правового регулирования правовой политике государства либо несовершенством последней;
- содержательные или смысловые, связанные с наличием пробелов в законодательстве;
- юридико-технические, к числу которых относится противоречивость (антиномия) правовых норм, их неопределенность, нарушения в использовании правовых синтагм и синонимов, неоправданные полисемия и тавтология, неединообразие языковых форм выражения правовых понятий;
- дефекты нормативно-правовых связей, к числу которых относятся коллизии правовых норм, их несогласованность, дефекты построения терминологических рядов [11, с. 106–184].

В той или иной степени каждый из соответствующих дефектов может рассматриваться как проявление юридической аномии в сфере правотворческой деятельности.

Как отмечает И. Г. Напалкова, логически следуя одна из другой, структурные единицы закона должны образовывать единую непротиворечивую систему. Каждый из элементов нормативного текста развивает, конкретизирует его предыдущие элементы и служит фундаментом для выявления следующих положений. Последовательное изложение нормативных предписаний в тексте нормативного правового акта способствует правильному усвоению соответствующих норм адресатами правового регулирования,

эффективному исполнению соответствующих требований в реальной действительности [12, с. 31].

Культура законотворчества является важнейшим компонентом правовой культуры общества. Влияя на совершенство будущего законодательства, культура законотворческой деятельности тем самым влияет и на эффективность механизма правового регулирования в будущем, а через это – на общее состояние отечественной правовой системы, на ситуацию, складывающуюся в сфере законности и правопорядка, на правосознание граждан.

По мнению Д. Е. Петрова, процесс появления новых структурных образований в системе права носит непрерывный характер, однако скорость этого процесса неодинакова. Возрастание скорости социально-политических и экономических преобразований, которое наблюдается в последние годы, ведет к увеличению числа новых общностей в системе российского права, закономерность появления и механизмы возникновения которых отечественной теорией права еще до конца не раскрыты. Несмотря на упоминание в специальной литературе таких образований, как банковское, инвестиционное, миграционное, олимпийское, торговое и иных отраслей права, истинное их отнесение к тому или иному виду структурных элементов в системе права вызывает много вопросов [13, с. 366], по существу оно носит аномичный характер. Это не лучшим образом влияет на состояние как профессионального, так и доктринального с обыденным правосознания, оказывает разлагающее влияние на состояние отечественной правовой культуры.

Как пишет Р. С. Байниязов в своей докторской диссертации, именно то состояние, в котором находится современное российское общество, предполагает «повышение социальной значимости правового сознания, призванного творчески формировать и укреплять правовые начала отечественной государственности».

Двойственная природа правосознания заключается в том, что в его рамках не только происходит процесс восприятия и осознания правового мира, но и творчески создается правовая жизнь во всех ее фундаментальных качествах и характеристиках. Вне правосознания невозможны ни правовые процессы, ни правовые институты, немыслимы какие бы то ни было правовые акты. Поэтому вне развития индивидуального и общественного правосознания, правовой культуры законодательство и правовая политика государства будут малоэффективными, законность и правопорядок слабыми [14, с. 3].

Отсутствие в современной России устоявшейся системы духовно-нравственных ценностей является одним из признаков укоренившегося в обществе состояния социальной аномии и влечет отсутствие в нем устойчивого правосознания. Именно нравственность и этика являются теми основами, которые большей частью определяют поведение человека в обществе. Регулируя лишь важнейшие общественные отношения, право не может и не должно содержать в себе детальную модель поведения каждого человека. Оно не в состоянии обеспечивать надлежащую модель поведения только посредством использования механизмов государственного принуждения, привлечения

виновных лиц к юридической ответственности. В приоритете должны находиться убеждение и воспитание граждан, в противном случае никакой правоохранительный орган не сможет обеспечить правопорядок в обществе в условиях всеобщности нарушений. В результате деструкции нравственных ценностей получают свое распространение объективно вредные варианты поведения человека в обществе, связанные, например, с разновидностями маргинального поведения.

Таким образом, если правосознание носит развитый характер, его воздействие на общественные отношения является положительным. В обратной ситуации существующие деформации правосознания оказывают деструктивное воздействие на общее состояние законности и правопорядка.

И. Н. Барциц считает, что поиск государственной идеи занимает значимое место среди задач преодоления неопределенностей государственного развития России. В качестве приоритета в развитии государства и общества многие граждане при опросах выбирают «справедливость», которая часто демонстрирует определенный приоритет над «правом». В настоящее время еще не сформирован в сознании тот набор правовых ценностей, которые могли бы конкурировать с ценностями общества потребления. Закрепив основы и принципы организации государственной власти, сам Основной закон также нуждается в системе мер общегосударственной и общегражданской поддержки, создание которой автором предполагается обеспечить посредством конструкции «конституционного патриотизма», понимаемого автором как достижение общественного консенсуса относительно закрепленных в конституции ценностей [15, с. 5].

Как пишет Н. М. Добрынин, в контексте решения проблем укрепления правосознания и правовой культуры необходимо сосредоточиться на повышении эффективности юридического обязывания, что требует нивелирования влияния как правового нигилизма, так и правового идеализма. В качестве ключевого фактора конституционализации отечественной правовой системы в настоящее время им выделяется усиление нравственных оснований в праве [16, с. 27].

Существующие дефекты общественного правосознания приводят к тому, что процессы правореализации в нашем государстве также далеки от стабильности и устойчивости, поскольку в их основе часто отсутствует сформированное правосознание и соответствующая ему правовая культура. Эффективная правореализационная деятельность, влекущая укрепление правопорядка и законности, требует наличия соответствующего юридического мировоззрения, специфических знаний и навыков в области права и механизмов его применения. При этом, планируя процессы правореализации, государство должно учитывать специфику отечественной правовой культуры, не допускать неоправданного заимствования западных правовых норм и ценностей, влекущих ее разрушение и состояние юридической аномии.

Так, например, многими исследователями, вероятно, движимыми лучшими побуждениями, признается, что олицетворением права в объективной

реальности является именно приговор суда, что именно из судебной деятельности право и возникает. Право здесь рассматривается не в качестве «ставшего», зафиксированного в тексте нормативного акта, а в качестве непрерывно становящегося, порождаемого повседневными отношениями между субъектами права. Опыт изучения англосаксонской юридической практики с высокой ролью судебного прецедента в формировании соответствующих правовых регуляторов заставляет таких ученых предлагать расширение полномочий судебной власти и в отношении нашего государства, что потребует, конечно, соответствующего увеличения роли и юридического сообщества в жизни страны. Соглашаясь с тем, что в достижении единства судебной практики заключается главное требование, направленное на предотвращение роста юридической аномии в области осуществления правосудия, мы вместе с тем считаем, что механическая имплементация в отечественную правовую систему юридических ценностей западной цивилизации не может рассматриваться в качестве альтернативы самобытному отечественному юридическому развитию, опирающемуся на формировавшуюся в течение столетий отечественную правовую культуру и соответствующий ей уровень национального правосознания.

Что касается приведенного примера, введение судебного прецедента в качестве источника права, не обусловленное всей историей развития отечественной юриспруденции, должно привести революционные изменения не только на уровне правореализации, но и на уровне правотворчества, повлечь кардинальную перестройку отечественной правовой культуры. Скорее всего, такая реформа не приведет к успеху и повлечет последующий откат сделанных изменений со всеми сопутствующими этому процессу социальными и экономическими потерями – как это уже произошло в 1990-е гг. в отношении многих заимствованных на Западе (в значительно меньшем объеме, чем предлагается в данном случае) юридических норм и механизмов правореализации.

Соответствующие предложения, не отвечающие ключевому настрою отечественной правовой культуры, таким образом, могут рассматриваться как в определенной степени свидетельствующие об аномичном характере правосознания у лиц, их вносящих.

В современной России в целом ощущается острый дефицит не аномичного, а развитого доктринального и профессионального правосознания, способного к созиданию эффективной законодательной доктрины и правоприменительной практики с учетом соответствующей правокультурной специфики российского общества. Это относится и к непосредственной правовой политике, которая не всегда отличается необходимой последовательностью, свидетельствующей о наличии здесь соответствующих аномичных проявлений.

М. А. Краснов полагает, что о разложении публично-властных институтов следует говорить в ситуации, когда неправовой режим государственной деятельности становится стереотипным, а паттерны недобросовестности

заражают все сферы государственной жизни, отсутствует адекватная государственная реакция на совершаемые нарушения.

Деятельность органов государства часто либо сводится к имитации основной конституционной обязанности – признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, либо вообще противоречит этой обязанности. Основная трагедия заключается здесь в разрушении конституционных идеалов, ибо начинает доминировать нигилистическое отношение к правовым регуляторам [17, с. 31]. Содержащая многочисленные дефекты правореализационная деятельность в этом случае оказывает самое негативное влияние на правосознание как общества, так и самих участвующих в ее осуществлении государственных служащих.

Обсуждение

В завершение нашего исследования следует признать, что юридическая аномия всегда присутствует в функционировании правовой системы неким незримым образом, но степень ее может как возрастать, так и снижаться. Можно прийти к выводу о наличии значительной взаимной обусловленности проявлений юридической аномии в различных компонентах правовой системы. Как свойство аномия характеризует правовую систему в целом, а не ее отдельные элементы.

Правовая (нормативная) система и правовая культура развиваются взаимосвязанно. Необходимо постоянно поддерживать взаимодействие между развитием этих явлений, в противном случае возможен рост несоответствия между правовой системой государства и правовой культурой соответствующего общества.

Проблема изучения закономерностей проявления юридической аномии в различных компонентах правовой системы самым непосредственным образом связана с проблемой нашего восприятия сущности права, признания наличия объективных закономерностей и циклов в его развитии. Юриспруденции необходимо обнаружить соответствующие закономерности в отношении конституционного и любого иного юридического реформирования, в развитии государственных институтов, в формировании правосознания человека и общества. Подход, вульгарно сводящий все эксцессы государственно-правовой жизни к недостаткам соответствующего государственного усмотрения, к несовершенству соответствующих нормативных предписаний и механизмов их реализации, критики не выдерживает. Напротив, в настоящее время процессы правотворчества и правореализации необходимо рассматривать в тесной связи с проблемами развития и укрепления правосознания, становления соответствующей правовой культуры. Модернизация законодательства и институтов государственного управления, имплементация зарубежных правовых конструкций не приведут к успеху, если они будут расходиться с наличным состоянием правовой культуры того общества, в отношении которого соответствующее регулирование осуществляется. Безусловно, что особенности функционирования правовой психологии состав-

ляющих общество индивидов в значительной степени ограничивают возможную деятельность законодателя. Попытка «усовершенствовать» государственно-правовую жизнь посредством включения в нее новых умозрительных конструкций не будет эффективной именно из-за возникновения состояния аномии в результате их внедрения, не отвечающего общему настрою правовой культуры соответствующего общества. Писанные нормативные предписания в таких условиях могут вступить в конфликт с незаписанными, но также существующими и субъективно важными ценностями, определяющими поведение индивида. При этом соответствующая проблематика имеет не только социологическую, но и в полном смысле этого слова правовую составляющую. Классически соответствующие общие закономерности государственных и правовых институтов изучает теория государства и права.

Поскольку же в качестве основной функции права рассматривается регулирование общественных отношений, то именно использование инструментария изучающей соответствующие отношения социологии (ее терминология и методология) будет являться необходимым для понимания сущности соответствующих процессов, их динамики, тенденций и закономерностей развития на фундаментальном уровне. Население государства или совокупность государственных служащих могут рассматриваться в качестве специфических социальных общностей со всеми присущими им состояниями, в частности состоянием аномии, которое приобретает юридический характер, преломляясь в отношении явлений государственной и правовой жизни. Соответствующее состояние возникает до некоторой степени самостоятельно и не всегда непосредственно зависит от решений, принимаемых на государственном уровне. Весьма часто оно детерминировано иными процессами, происходящими в человеческом обществе и психике граждан. В этом отношении аномия носит объективный характер, соответствующее состояние способно возникнуть не только в результате переживаемого обществом кризиса, но и в процессе постепенного эволюционного развития соответствующего социума, когда существующие ранее социальные нормы представляются уже недостаточными или неподходящими.

При этом, как показало наше исследование, зародившись в рамках одного из компонентов правовой системы, юридическая аномия способна проникать и в иные ее компоненты, усиливаясь в этом процессе и потенциально охватывая не только правосознание граждан, но и процессы правотворчества, правореализации и правоинтерпретации.

Напротив, если один из компонентов правовой системы не поддается возникновению состояния правовой аномии, это приведет к ослаблению этого состояния и в других ее компонентах. В качестве ключевого компонента, на который должно быть обращено деятельное внимание государства, направленное на предотвращение возникновения состояния аномии, выступает правосознание. Его укрепление выступает в качестве важнейшего сдерживающего средства, препятствующего возникновению состояния юридической аномии в российском обществе.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать ряд основных выводов. В настоящее время как у законодателя, так и у правоприменителя необходимо формировать знания, опыт и навыки, позволяющие эффективно осуществлять свою деятельность. Эффективность соответствующей деятельности в современных условиях и ее качество означают, что должностные лица не вступают в сферу юридической аномии и не усиливают это состояние своими действиями. К глубокому сожалению, в настоящее время состояние отечественного правотворчества в этом отношении является неудовлетворительным – аномия проникла даже на уровень конституционного строительства, что влечет перенос соответствующего состояния как на уровень правосознания граждан, так в последующем и на уровень непосредственного правоприменения.

Работа, направленная на предотвращение усиления юридической аномии, должна носить комплексный и системный характер, затрагивать не только правосознание, но и непосредственное правотворчество и правореализацию. Соответствующая деятельность должна рассматриваться как имеющая приоритет, поскольку от ее эффективности будет зависеть и эффективность всех прочих направлений государственной деятельности. Меры противодействия проявлениям юридической аномии должны быть дополнены мерами их профилактики, уменьшения рисков возникновения новых аномичных проявлений. Это требует новых научных исследований, касающихся в том числе и рассмотрения особенностей проявления юридической аномии в различных компонентах правовой системы и их взаимодействия.

Список литературы

1. Бороздина М. С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. 26 с.
2. Поляков А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 1-2008. С. 9–42.
3. Клеандров М. И. Конституция Российской Федерации и системные проблемы судебной власти // Российское правосудие. 2014. № 2 (94). С. 5–18.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М. : Мир и образование, 2019. 1375 с.
5. Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб. : Пресс, 2006. 1081 с.
6. Карташов В. Н. Механизм детерминации правовой системы общества // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2015. № 14 (14). С. 1–18.
7. Сальников М. В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 174–192.
8. Азнагулова Г. М. Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правовой системы России (теоретико-методологическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 22 с.

9. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М. : Проспект : Захаров, 2001. 297 с.
10. Барсуков А. Ю. Циклы правового развития как закономерная смена качественного состояния правовой культуры общества // Правовая культура. 2020. № 1 (40). С. 7–19.
11. Кожокаръ И. П. Дефекты нормативно-правового регулирования. М. : Проспект, 2019. 296 с.
12. Напалкова И. Г. Культура законотворчества как важнейший компонент правовой культуры общества // Правовая культура. 2020. № 4 (43). С. 23–35.
13. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Саратов : СГАУ, 2015. 472 с.
14. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 349 с.
15. Барциц И. Н. Доктрина конституционного патриотизма: европейский вызов и российская перспектива (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // Государство и право. 2014. № 1. С. 5–16.
16. Добрынин Н. М. Конституционные обязанности личности в России: тернистый путь конституционализации отечественной правовой системы (в продолжение дискуссии, открытой проф. Н. И. Матузовым) // Государство и право. 2016. № 10. С. 27–38.
17. Краснов М. А. Искажение смысла российской Конституции – следствие несбалансированной системы власти // Конституционное право и политика : сб. материалов Междунар. науч. конф. (г. Москва, 28–30 марта 2012 г.). М. : Юрист, 2012. С. 30–41.

References

1. Borozdina M.S. *Legal anomie in the institutional transformation of modern Russian statehood: PhD abstract*. Rostov-on-Don, 2009:26. (In Russ.)
2. Polyakov A.V. Farewell to the classics, or how a communicative theory of law is possible. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava = Russian yearbook of legal theory*. 2009; (1-2008):9–42. (In Russ.)
3. Kleandrov M.I. The Constitution of the Russian Federation and systemic problems of the judiciary. *Rossiyskoe pravosudie = Russian justice*. 2014;(2):5–18. (In Russ.)
4. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy = Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions*. Moscow: Mir i obrazovanie, 2019:1375. (In Russ.)
5. Bachinin V.A. *Entsiklopediya filosofii i sotsiologii prava = Encyclopedia of philosophy and sociology of law*. Saint Petersburg: Press, 2006:1081. (In Russ.)
6. Kartashov V.N. The mechanism of determination of the legal system of society. *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoy sistemy obshchestva = Current issues of theory and history of the legal system of society*. 2015;(14):1–18. (In Russ.)
7. Sal'nikov M.V. Political and legal tradition as a factor determining the specificity of the national legal system. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: history and modernity*. 2013;(9):174–192. (In Russ.)
8. Aznagulova G.M. *Conceptual-categorical and structural-functional composition of the legal system of Russia (theoretical and methodological study): DSc abstract*. Moscow, 2015:22. (In Russ.)

9. Spiridonov L.I. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of state and law*. Moscow: Prospekt: Zakharov, 2001:297. (In Russ.)
10. Barsukov A.Yu. Cycles of legal development as a natural change in the qualitative state of the legal culture of society. *Pravovaya kul'tura = Legal culture*. 2020;(1):7–19. (In Russ.)
11. Kozhokar' I.P. *Defekty normativno-pravovogo regulirovaniya = Defects in legal regulation*. Moscow: Prospekt, 2019:296. (In Russ.)
12. Napalkova I.G. The culture of lawmaking as the most important component of the legal culture of society. *Pravovaya kul'tura = Legal culture*. 2020;(4):23–35. (In Russ.)
13. Petrov D.E. *Differentsiatsiya i integratsiya strukturnykh obrazovaniy sistemy rossiyskogo prava = Differentiation and integration of structural formations of the Russian legal system*. Saratov: SGAU, 2015:472. (In Russ.)
14. Bayniyazov R.S. *Legal consciousness and legal mentality in Russia: DSc dissertation*. Saratov, 2006:349. (In Russ.)
15. Bartsits I.N. The Doctrine of Constitutional Patriotism: The European Challenge and the Russian Perspective (on the 20th anniversary of the constitution of the Russian Federation). *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2014;(1):5–16. (In Russ.)
16. Dobrynin N.M. Constitutional obligations of a person in Russia: a ternary way of constitutionalization of the technical legal system (in continuation of the discussion revealed by prof. N.I. Matuzov). *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2016;(10):27–38. (In Russ.)
17. Krasnov M.A. The distortion of the meaning of the Russian Constitution is a consequence of an unbalanced system of power. *Konstitutsionnoe pravo i politika: sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, 28–30 marta 2012 g.) = Constitutional Law and Politics: proceedings of the International scientific conference (Moscow, March 28–30, 2012)*. Moscow: Yurist, 2012:30–41. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Анатольевич Липинский
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
заведующий кафедрой конституционного
и административного права,
Тольяттинский государственный
университет (Россия, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14)

E-mail: dmitri8@yandex.ru

Dmitry A. Lipinskiy
Doctor of juridical sciences, professor,
chief researcher, head of the sub-department
of constitutional and administrative law,
Togliatti State University
(14 Belorusskaya street, Togliatti, Russia)

Александр Александрович Иванов
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник, доцент
кафедры конституционного
и административного права,
Тольяттинский государственный
университет (Россия, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14)

E-mail: ale_iv@mail.ru

Alexander A. Ivanov
Candidate of juridical sciences, associate
professor, senior staff scientist, associate
professor of the sub-department
of constitutional and administrative law,
Togliatti State University (14 Belorusskaya
street, Togliatti, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.12.2024

Принята к публикации / Accepted 16.01.2025

УДК 342.95

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-12

Реформирование правовых основ научной деятельности в России в контексте новых стратегических задач

А. Ю. Соколов

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук,
Саратов, Россия

aysokolov@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования обусловлена наличием существенных недостатков в действующем Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». На современном этапе он не отвечает потребностям правового регулирования научной деятельности. Цель исследования состоит в выработке предложений по внесению изменений в законодательство о науке и научно-технической политике. *Материалы и методы.* Изучены положения нормативных правовых актов, регламентирующих научную деятельность и статус научных работников, а также научные труды по исследуемой проблематике. Методологической основой послужил диалектический метод познания. Также использованы логический и формально-юридический методы. *Результаты.* Действующий Закон № 127-ФЗ, принятый в переходный период развития российского государства, не в полной мере отвечает современным реалиям и потребностям прорывного развития науки и технологий в условиях растущих вызовов. *Выводы.* Имеется необходимость разработки проекта нового закона о научной деятельности, который вобрал бы в себя наиболее эффективный опыт регламентации соответствующих правоотношений, устранил бы существующие пробелы и придал бы исследуемому институту систематизированный вид.

Ключевые слова: государство, государственная власть, правовое регулирование, правовые основы, модернизация правовой системы, научная деятельность, научно-техническая деятельность, инновационная деятельность, ученый, научный консультант, научная экспертиза

Для цитирования: Соколов А. Ю. Реформирование правовых основ научной деятельности в России в контексте новых стратегических задач // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 153–163. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-12

Reforming the legal basis of scientific activities in Russia in the context of new strategic objectives

A.Yu. Sokolov

Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia
aysokolov@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the article is due to the presence of significant shortcomings in the current Federal Law of August 23, 1996 № 127-FZ “On Science and State Scientific and Technical Policy”. At the present stage, it does not meet the needs of legal regulation of scientific activity. The purpose of the article is to develop proposals for amending the legislation on science. *Materials and methods.* The provisions of regulatory legal acts governing scientific activity and the status of scientists, as well as scientific works on the issues under study were studied. The dialectical method of cognition served as the methodological basis. Logical and formal-legal methods were also used. *Results.* The current Law № 127-FZ, adopted during the transitional period of development of the Russian state, does not fully meet modern realities and the needs of breakthrough development of science and technology in the face of growing challenges. *Conclusions.* There is a need to draft a new law on scientific activity that would incorporate the most effective experience in regulating relevant legal relations, eliminate existing gaps and give the institution under study a systematic look.

Keywords: state, state power, legal regulation, legal foundations, modernization of the legal system, scientific activity, scientific and technical activity, innovative activity, scientist, scientific consultant, scientific expertise

For citation: Sokolov A.Yu. Reforming the legal basis of scientific activities in Russia in the context of new strategic objectives. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):153–163. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-12

Введение

Современное российское законодательство о науке было разработано в период рыночных реформ и было призвано решить вопрос адаптации деятельности научных организаций и лиц, осуществляющих научные изыскания, к новым условиям экономической действительности. Тем временем актуальные международные вызовы, стоящие перед страной и связанные с необходимостью интенсификации научной деятельности в целях обеспечения прорывного технологического роста, диктуют необходимость формирования ее обновленной нормативной основы, которая была бы адекватна текущим реалиям в научной сфере и потребностям социума.

Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ № 145 от 28 февраля 2024 г.¹, трансформация науки и технологий рассматривается в качестве ключевого

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ № 145 от 28.02.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2024. № 10. Ст. 1373.

фактора развития России. Подчеркивается важность мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления. Следует отметить и Указ Президента РФ об объявлении 2022–2031 гг. Десятилетием науки и технологий¹, в соответствии с которым основной задачей государственной политики в сфере науки выступает вовлечение исследователей и разработчиков в решение важнейших задач развития общества и страны. Обозначенные обстоятельства обуславливают особую актуальность правового регулирования научной деятельности.

Основным нормативным актом, посвященным регламентации отношений между субъектами научной деятельности и органами публичной власти, является Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон № 127-ФЗ)². Будучи принятым в условиях формирования нового государственного порядка после вступления в силу Конституции Российской Федерации, Закон № 127-ФЗ закрепил основы отраслевого регулирования в соответствующей сфере. Он определил правовой статус субъектов научной деятельности, принципы регламентации научной и научно-технической деятельности, основные цели научно-технической политики, а также полномочия органов государственной власти в области ее реализации.

Цель статьи состоит в выработке предложений по внесению изменений в соответствующий законодательный акт.

Материалы и методы

Изучены положения нормативных правовых актов, регламентирующих научную деятельность и статус научных работников, а также научные труды по исследуемой проблематике. Методологической основой послужил диалектический метод познания. Также использованы логический и формально-юридический методы.

Результаты

Действующий Закон № 127-ФЗ, принятый в переходный период развития российского государства, не в полной мере отвечает современным реалиям и потребностям прорывного развития науки и технологий в условиях растущих вызовов.

Обсуждение

История принятия Закона № 127-ФЗ показывает поспешность деятельности по урегулированию рассматриваемых правоотношений, в результате чего не все концептуальные моменты были подвергнуты обстоятельному

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий : указ Президента РФ № 231 от 25.04.2022 (вместе с «Положением о Координационном комитете по проведению в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий») (ред. от 18.07.2024) // СЗ РФ. 2022. № 18. Ст. 3052 ; 2024. № 30. Ст. 4364.

² О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон № 127-ФЗ от 23.08.1996 (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137 ; 2024. № 33. Ч. 1. Ст. 4928.

обсуждению, в том числе вопросы соотношения понятий «наука» и «научная деятельность», правового положения учрежденных к моменту обсуждения законопроекта научных организаций, имеющих наименование «академия». Сам Закон № 127-ФЗ стал компромиссным вариантом, сформированным на основе объединения трех законопроектов, которые были внесены в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в июне 1994 г. Правительством РФ, Советом Федерации и депутатами фракции «Яблоко». Он вобрал из них те положения, которые отвечали представлениям о концепции и содержании соответствующего законопроекта каждого из разработчиков, что обусловило отказ от ряда предложенных в представленных вариантах идей, о чем свидетельствует содержание стенографических материалов Государственной Думы.

Однако за время действия обозначенного акта он перестал в значительной мере отвечать потребностям регулирования отдельных вопросов научной деятельности. Более того, учеными констатировалось несовершенство Закона № 127-ФЗ еще на исходе первого десятилетия его действия, поскольку за его пределами был установлен ряд норм, регулирующих административные, финансово-правовые и иные правоотношения в научной сфере. В связи с этим В. В. Лапаевой было справедливо отмечено, что указанный комплекс правил развивается «без четких ориентиров и характеризуется отсутствием общей логики и внутреннего единства, что негативно отражается на состоянии научно-технической сферы страны» [1, с. 4]. Внесенные в него в дальнейшем изменения не смогли охватить всего спектра общественных отношений в сфере науки. В связи с этим исследователи справедливо отмечают прерывистость в обновлении Закона № 127-ФЗ, декларативный характер его норм [2, с. 388], пробелы в правовом статусе субъектов научной и научно-технической деятельности, фрагментарность норм о финансовом обеспечении научной и инновационной деятельности [3, с. 70].

Так, до настоящего времени должным образом не регламентирован правовой статус ученого. Закон использует иной термин – «научный работник (исследователь)». Согласно его ст. 4, «научным работником (исследователем) является гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью». При этом должности научных работников предусмотрены в научных организациях, организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, а также в иных организациях, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность.

Таким образом, статус исследователя имеет лишь лицо, которое находится в непосредственной юридической связи с организацией. Тем не менее требуется разработка иного, более широкого подхода, способствующего наиболее полной реализации конституционного принципа свободы научного творчества, которая гарантирована каждому лицу. Необходимость соблюдения данного принципа подчеркивается в научной литературе [4].

Поэтому в подготовленном Министерством науки и высшего образования Российской Федерации Проекте Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации», который должен был стать заменой действующему закону, было предложено закрепить определение ученого как «физического лица, осуществляющего научную, научно-техническую, научно-экспертную, инновационную деятельность вне зависимости от состояния в трудовых или гражданско-правовых отношениях с иными субъектами научной, научно-технической и инновационной деятельности». Вместе с тем соответствующий законопроект до сих пор не внесен в Государственную Думу.

К числу субъектов научной деятельности – ученых – следует отнести лиц, осуществляющих подготовку диссертации на соискание ученой степени доктора наук, и лиц, прикрепленных к научной организации либо образовательной организации высшего образования для подготовки кандидатской диссертации. Их статус практически не регламентирован законодательством. В отсутствие необходимых норм существенное значение приобретает договорное регулирование. Договоры о прикреплении отдельные авторы рассматривают в качестве договоров оказания консультационных услуг [5, с. 118]. При этом в Законе № 127-ФЗ установлен перечень прав научных работников, однако он не имеет непосредственного отношения к подготовке ими диссертационных исследований. Стоит еще раз подчеркнуть, что не всегда лица, осуществляющие подготовку диссертации, являются научными работниками соответствующей организации. Порядок взаимодействия докторантов и соискателей с образовательной или научной организацией также нормативно не конкретизирован. Однако данный подход вряд ли представляется допустимым в связи с тем, что от качества подготовки кандидатов и докторов наук во многом зависит состояние высшего образования и науки в целом, обеспечение квалифицированными кадрами всех отраслей общественной жизни [6, с. 118]. В связи с этим требуется подробная регламентация обозначенных вопросов.

Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2122 «Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)»¹ достаточно детально конкретизирует требования к научному руководителю аспиранта (адъюнкта). Так, он должен иметь ученую степень доктора наук, а в отдельных случаях по решению организации – ученую степень кандидата наук или ученую степень, полученную в иностранном государстве, признаваемую в Российской Федерации; осуществлять научную деятельность по соответствующему направлению исследований в рамках научной специальности за последние три года; иметь публикации по результатам осуществления указанной деятельности

¹ Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) : постановление Правительства РФ № 2122 от 30.11.2021 // СЗ РФ. 2021. № 49. Ч. 2. Ст. 8308.

в рецензируемых журналах и изданиях; осуществлять апробацию результатов своей научной деятельности, в том числе участвовать с докладами по ее тематике на российских и (или) международных конференциях за последние три года. При этом к обязанностям научного руководителя отнесено оказание аспиранту (адъюнкту) содействия в выборе темы диссертации и составлении индивидуального плана научной деятельности; осуществление руководства деятельностью аспиранта (адъюнкта); консультирование по вопросам подготовки диссертации к защите; осуществление первичного рецензирования подготовленного текста диссертации, а также научных статей и (или) докладов; осуществление контроля за выполнением индивидуального плана научной деятельности.

Парадоксальным образом аналогичные требования не установлены для научных руководителей лиц, осуществляющих подготовку диссертации без освоения программы аспирантуры. Однако различие статуса аспиранта и соискателя никоим образом не может отражаться на различии уровня подготовленных ими диссертационных работ, что обуславливает логичность установления одинаковых требований и перечня обязанностей для научных руководителей аспирантов и соискателей. Обозначенный нормативный пробел должен быть в полной мере устранен.

Ни Закон № 127-ФЗ, ни подзаконные акты не уделяют внимания закреплению прав и обязанностей научных консультантов для лиц, осуществляющих подготовку докторской диссертации. Также фактически не установлены требования к научным консультантам, помимо наличия ученой степени. В то же время стоит признать, что ученая степень еще не означает автоматической компетентности научного консультанта во всех возможных сферах научных исследований. При этом ключевая роль данных лиц в обеспечении подготовки качественных диссертационных исследований не вызывает сомнений. О компетентности научного консультанта может свидетельствовать наличие у него определенного количества опубликованных трудов в соответствующей сфере. Оптимальным вариантом представляется закрепление нормы, в соответствии с которой научный консультант назначается из числа компетентных в соответствующей отрасли науки ученых, имеющих не менее пяти публикаций в соответствующей сфере исследования.

Нормативно не определены и аспекты финансирования деятельности научного консультанта. По указанному вопросу принимаются локальные акты организаций, что не способствует единообразию правового регулирования соответствующей сферы. Различие условий финансовой обеспеченности организаций непосредственно отражается на вознаграждении научных консультантов. В свою очередь, недостаточное вознаграждение отрицательно сказывается на мотивации научного консультанта и, следовательно, на качестве выполнения им своих функций. Отдельные авторы предлагают финансово стимулировать научных руководителей в случае успешной защиты аспирантов и соискателей [7, с. 84]. В то же время требуется четкая регламентация

вопросов финансирования деятельности непосредственно в рамках текущего научного консультирования.

Факт научного консультирования выступает одним из критериев для присвоения ученого звания профессора. Однако следует поддержать позицию исследователей, констатирующих отсутствие каких-либо существенных материальных стимулов для работников образовательных и научных организаций в присвоении данного звания [8, 9].

Решение обозначенной проблемы представляется возможным посредством нормативного определения минимально допустимого денежного вознаграждения научного консультанта. При этом принимающая организация будет осуществлять дополнительные доплаты к указанному вознаграждению, устанавливая их конкретный размер в собственных локальных актах.

Закон № 127-ФЗ практически не регулирует научно-экспертную деятельность. Его ст. 14 лишь определяет возможность проведения экспертизы научной и научно-технической деятельности. Регламентация данного вопроса непосредственно влияет на эффективность научных исследований. Тем не менее основания для отбора экспертов в научной сфере и требования к ним установлены различными нормативными актами подзаконного характера. При этом в них отсутствует единообразие, а Закон № 127-ФЗ не выполняет роль системообразующего акта применительно к институту научных экспертиз.

Требуется нормативного определения статус научных коллективов. Для проведения научно-исследовательских работ создаются объединения ученых. Они не являются юридическими лицами, имеют определенную структуру и срок действия. Проект Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» предлагает рассматривать научные коллективы как объединения ученых, инженерно-технических и иных специалистов, которые создаются в целях реализации научного или научно-технического, инновационного проекта и действуют на основании договора, заключаемого между всеми его членами. Стоит отметить, что данное определение не ограничивает коллектив рамками конкретной образовательной или научной организации, что позволяет ориентироваться при его формировании прежде всего на уровень научных достижений потенциальных членов коллектива, наличие способности к реализации поставленной цели.

Отдельные вопросы нуждаются в самостоятельной и более подробной правовой регламентации за рамками Закона № 127-ФЗ. В нем содержится толкование инновационной деятельности как научной (технологической, организационной, финансовой, коммерческой деятельности), направленной на реализацию инновационных проектов, а также создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности. Сходное определение включает Проект Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации», рассматривая ее как «любые виды деятельности, направленные на создание инноваций и (или) реализацию инновационных проектов, связанных с использованием технологий

и иных результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере (результатов научной и (или) научно-технической деятельности), а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности»¹. Реализация инновационных проектов подразумевает коммерциализацию научных результатов, предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг. Таким образом, сфера инноваций значительно шире, чем научная деятельность, что вызывает сомнения о возможности ее исчерпывающего регулирования нормами законодательства о науке и научно-технической деятельности.

В свою очередь, термины, непосредственно относящиеся к предмету действующего закона, разграничены недостаточно четко. Так, в качестве научной рассматривается деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, а под научно-технической Закон № 127-ФЗ понимает деятельность, также направленную на получение и применение новых знаний «для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы». Таким образом, определение научно-технической деятельности отличается лишь указанием на сферы дальнейшего использования новых знаний. Научно-техническая деятельность имеет прикладной характер, однако непосредственно связана с научной, поскольку способствует практическому использованию ее результатов. Представляется, что это послужило причиной одновременного использования терминов «научная деятельность» и «научно-техническая деятельность» в тексте Закона № 127-ФЗ. Сутью как научной, так и научно-технической деятельности является получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечение функционирования науки, техники и производства как единой системы, включающей фундаментальные и прикладные научные исследования [10, с. 267]. Поэтому законодательное разграничение между научной и научно-технической деятельностью не имеет явно выраженного практического смысла. В связи с этим концепция возможного законопроекта, призванного усовершенствовать регламентацию общественных отношений в научной сфере, должна отталкиваться от того, что предметом его регулирования должны быть социальные связи в области именно научной деятельности, что одновременно предполагает их упорядочение в области научно-технической деятельности [3, с. 72].

Обозначенные недостатки Закона № 127-ФЗ не являются единственными. Он не является систематизирующим в отношении ряда реализуемых в научной сфере направлений функционирования социума. В частности, правовое положение наукоградов как муниципальных образований, в которых

¹ О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации : проект Федерального закона (подготовлен Минобрнауки России). URL: <http://council.gov.ru/media/files/e9MQ3cAUlDG8JLcnoWGxEWxIC54qfSFA.pdf>

осуществляется практическое внедрение в производство научных разработок, определяется обособленным законодательством, в то время как в Законе № 127-ФЗ о наукоградах даже не упоминается. Отсутствует также его взаимосвязь с законодательством об инновационных научно-технологических центрах, о которых в нем имеется лишь одно положение, требующее при применении Закона № 127-ФЗ учета особенностей, установленных специальным законодательством. Данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии целостной правотворческой политики в исследуемой сфере, что не способствует комплексному организующему воздействию государства на правоотношения в области научной деятельности.

Заключение

Изложенные обстоятельства позволяют сделать вывод об ограниченном модернизационном потенциале действующего Закона № 127-ФЗ, поскольку многие поставленные в настоящей статье вопросы, касающиеся предмета регулирования, статуса осуществляющих научную деятельность лиц, государственной научной аттестации, систематизации всех законодательных норм о научной деятельности, в нем в полной мере не могут быть решены. В связи с этим представляется целесообразной разработка проекта нового закона о научной деятельности, который вобрал бы в себя наиболее эффективный опыт регламентации соответствующих правоотношений, устранил бы существующие пробелы и придал бы исследуемому институту систематизированный вид.

Список литературы

1. Лапаева В. В. Законодательство о науке: история формирования и перспективы развития // Журнал российского права. 2005. № 11 (107). С. 3–14.
2. Габов А. В., Путило Н. В., Гутников О. В. Проект Федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 385–399.
3. Степаненко В. Ю. Новый закон о научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2017. № 3. С. 68–75.
4. Берлявский Л. Г. Конституционная свобода научного творчества: сущность и нормативное содержание // Право и образование. 2011. № 8. С. 117–118.
5. Кондаков В. В. Нормативные аспекты подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 2. С. 118–129.
6. Рукавишников С. М. Формирование механизма административно-правового регулирования в сфере подготовки научно-педагогических кадров: конституционно-правовые предпосылки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 1. С. 103–107.
7. Луценко С. И. Общественный запрос на реформирование системы аспирантуры в Российской Федерации // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 73–84.

8. Белоусов С. А., Нырклов В. В. Механизм оценки научной квалификации посредством института присвоения ученых званий: проблемные аспекты и анализ возможных вариантов совершенствования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 29–43.
9. Ерохина Т. В., Нырклов В. В. Институт присвоения ученых званий в механизме развития карьеры научного и научно-педагогического работника // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 199–217.
10. Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 352 с.

References

1. Lapaeva V.V. Legislation on science: history of formation and development prospects. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian law*. 2005;(11):3–14. (In Russ.)
2. Gabov A.V., Putilo N.V., Gutnikov O.V. The draft Federal Law on Science is a new format for legal regulation of scientific and innovative activities. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Juridical sciences*. 2017;(38):385–399. (In Russ.)
3. Stepanenko V.Yu. New law on scientific, scientific-technical and innovative activities in the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*. 2017;(3):68–75. (In Russ.)
4. Berlyavskiy L.G. Constitutional freedom of scientific creativity: essence and normative content. *Pravo i obrazovanie = Law and education*. 2011;(8):117–118. (In Russ.)
5. Kondakov V.V. Regulatory aspects of preparing a dissertation for the degree of candidate of sciences. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2018;88(2):118–129. (In Russ.)
6. Rukavishnikov S.M. Formation of a mechanism of administrative and legal regulation in the field of training scientific and pedagogical personnel: constitutional and legal prerequisites. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2022;(1):103–107. (In Russ.)
7. Lutsenko S.I. Public demand for reforming the postgraduate system in the Russian Federation. *Obshchestvo i ekonomika = Society and economy*. 2020;(6):73–84. (In Russ.)
8. Belousov S.A., Nyrkov V.V. Mechanism of assessment of scientific qualification by means of an institution for the assignment of academic degrees: problematic aspects and analysis of possible variants of improvement. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020;(3):29–43. (In Russ.)
9. Erokhina T.V., Nyrkov V.V. Institute of awarding academic titles in the mechanism of career development of scientific and scientific-pedagogical workers. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*. 2021;(1):199–217. (In Russ.)
10. Sokolov A.Yu. (ed.). *Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya bakalavrov. 2-e izd., pererab. i dop. = Administrative law of the Russian Federation: textbook for bachelors. The 2nd edition, revised and supplemented*. Moscow: Norma: INFRA-M, 2018. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Юрьевич Соколов

доктор юридических наук, профессор,
директор, Саратовский филиал Института
государства и права Российской
академии наук (Россия, г. Саратов,
ул. Н. Г. Чернышевского, 135)

E-mail: aysockolov@mail.ru

Alexander Yu. Sokolov

Doctor of juridical sciences, professor,
director, Saratov branch of the Institute
of State and Law of the Russian Academy
of Sciences (135 N.G. Chernyshevskogo
street, Saratov, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 06.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 24.02.2025

Принята к публикации / Accepted 04.03.2025

УДК 343.97

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-13

Роль жертвы в механизме преступлений, совершаемых в состоянии аффекта

А. В. Яшин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

andrej.yaschin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Действующей редакцией уголовного закона ответственность за преступления, совершенные в состоянии аффекта, предусмотрена ст. 107 и 113 Уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на небольшой удельный вес данных деяний в структуре всей преступности, они отличаются повышенной общественной опасностью, поскольку посягают на главные ценности, закрепленные в Конституции Российской Федерации, – жизнь и здоровье личности. Поэтому исследование механизма аффектированного преступного поведения, а также влияния негативного поведения жертвы на формирование и развитие его этапов представляется актуальным и практически значимым. Цель работы – дать оценку роли жертвы в механизме преступлений, совершаемых в состоянии аффекта. *Материалы и методы.* Использовались научные труды по исследуемым вопросам, материалы судебной практики и данные официальной статистики. Методологической основой послужил всеобщий диалектический метод познания. Кроме того, были реализованы системно-структурный метод, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, статистического анализа, обобщения судебной практики и экспертных оценок. *Результаты.* В ходе проведенного исследования установлено, что жертва играет существенную роль в механизме аффектированного преступного поведения и оказывает серьезное влияние на онтогенез всех его этапов. *Выводы.* Необходимо проводить анализ характеристик жертвы субъектами предупредительной деятельности в целях разработки наиболее эффективных мер профилактики преступлений, совершаемых в состоянии аффекта.

Ключевые слова: механизм преступного поведения, аффект, личность преступника, жертва преступления, потерпевший, мотивация преступного поведения, принятие решения, совершение преступления, постпреступное поведение, профилактика преступлений

Для цитирования: Яшин А. В. Роль жертвы в механизме преступлений, совершаемых в состоянии аффекта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 164–174. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-13

The role of the victim in the mechanism of crimes committed in a state of passion

A.V. Yashin

Penza State University, Penza, Russia

Penza branch of Moscow Witte University, Penza, Russia

andrey.yaschin@yandex.ru

Abstract. *Background.* The current version of the criminal law provides for liability for crimes committed in a state of passion in Articles 107 and 113 of the Criminal Code of the Russian Federation. Despite the small proportion of these acts in the structure of all crime, they are distinguished by increased public danger, since they encroach on the main values enshrined in the Constitution of the Russian Federation – the life and health of the individual. As a result, the study of the mechanism of affected criminal behavior, as well as the influence of the negative behavior of the victim on the formation and development of its stages, seems relevant and practically significant. The purpose of the work is to assess the role of the victim in the mechanism of crimes committed in a state of passion. *Materials and methods.* The article used scientific works on the issues under study, materials of judicial practice and official statistics data. The methodological basis was the general dialectical method of cognition. In addition, the following methods were implemented: system-structural, analysis and synthesis, deduction and induction, statistical analysis, generalization of judicial practice and expert assessments. *Results.* The study found that the victim plays a significant role in the mechanism of affected criminal behavior and has a serious impact on the ontogenesis of all its stages. *Conclusion.* A conclusion is made about the need to conduct an analysis of the characteristics of the victim by the subjects of preventive activities in order to develop the most effective measures for the prevention of crimes committed in a state of passion.

Keywords: mechanism of criminal behavior, affect, personality of the criminal, victim of crime, victim, motivation of criminal behavior, decision-making, commission of crime, post-criminal behavior, crime prevention

For citation: Yashin A.V. The role of the victim in the mechanism of crimes committed in a state of passion. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):164–174. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-13

Преступления, совершаемые в состоянии аффекта, в структуре современной преступности занимают не столь существенное место, нежели иные деяния против жизни и здоровья. Так, в 2020 г. в Российской Федерации было зарегистрировано всего 35 преступлений, предусмотренных ст. 107 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), и 13 – предусмотренных ст. 113 УК РФ. В 2021 г. данные показатели составили соответственно 29 и 18 преступлений; в 2022 г. – 29 и 9 общественно опасных деяний; в 2023 г. – 15 и 3 посяательства [1].

Тем не менее данные преступления отличаются повышенной общественной опасностью в силу того, что посягают на основные ценности, закрепленные в Конституции Российской Федерации, – жизнь и здоровье личности. Кроме того, в качестве причин и условий аффектированных пре-

ступлений всегда выступает противоправное или аморальное поведение жертвы, что следует учитывать при разработке мер их предупреждения. Поэтому исследование механизма формирования и совершения преступлений, связанных с убийством, а также причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта, представляется актуальным как в теоретическом, так и в прикладном аспектах.

В криминологической доктрине обосновано, что главенствующим звеном механизма любого преступного поведения является личность преступника [2, с. 107]. Это объясняется тем, что личностью порождаются любые поступки индивида, в том числе и противоправные. Следует солидаризироваться с точкой зрения авторов, полагающих, что свойства личности преступника нельзя отождествлять с признаками субъекта преступления, поскольку многие ее качества не охватываются структурой состава преступления [3, с. 104]. В данном аспекте надлежит поддержать мнение Е. В. Серегиной и А. П. Ярошенко, считающих, что развитию личности преступника во многом способствуют ее внутренние факторы, в частности отражающие ее психическую сущность [4, с. 114].

Следует отметить, что именно внутренние мотивы порождают аффектированное преступное поведение, являющееся реакцией на противоправные и аморальные деяния будущей жертвы. В данном случае личность не справляется со своими эмоциями, волевые качества ее ослабевают, в результате чего проблемную ситуацию индивид начинает разрешать различными насильственными способами – от причинения вреда здоровью жертве до причинения ей смерти.

Чаще всего такое поведение присуще лицам с легко возбудимой нервной системой, когда их физиологическое аффектированное состояние приводит к эмоциональному срыву, снижающему порог регулируемости своих действий. Вследствие этого у виновных существенно уменьшается способность осознавать опасность своих действий и руководить ими, что и запускает механизм преступного насильственного поведения. Как верно указывает Е. С. Буртаева, в момент состояния аффекта лицу порой невозможно удержаться себя от ответа на агрессивные и провокационные поступки жертвы, вследствие чего он и совершает преступление [5, с. 337].

Согласно мнению психологов, ведущей причиной физиологического аффекта выступает противоречие между переживаемыми человеком нравственными установками и внешней конфликтной ситуацией, из которой выйти обычным способом не представляется возможным [6, с. 24]. Это подчеркивает, что преступное поведение, в том числе аффектированное, формируется личностью преступника не изолированно, а именно при взаимодействии с особенностями внешней среды, к которым относится и конкретная жизненная ситуация.

Конкретная жизненная ситуация, с позиции криминологов, – это не только окружающая обстановка, в которой совершается преступление, но и определенное событие, извне провоцирующее индивида к совершению об-

щественно опасного деяния [7, с. 126]. Ситуации воздействуют на особенности личности многовариантно, их взаимодействие детерминирует самые разнообразные преступные посягательства – от деяний на бытовой почве до преступлений против мира и безопасности человечества.

В качестве одного из элементов конкретной жизненной ситуации в механизме аффектированного преступного поведения выступает жертва посягательства, поскольку в данном случае виновный противоправно реагирует именно на ее негативные поступки, пытаясь разрешить возникшие проблемы. Надлежит отметить, что провокационные действия со стороны жертвы приводят не только к совершению преступлений в состоянии аффекта, но и к другим, неаффектированным, насильственным общественно опасным деяниям. Так, П. Б. Афанасьев отмечает, что повышенной способностью становиться жертвой насильственного преступления обладают лица, отличающиеся стойким антиобщественным поведением [8, с. 74].

Тем не менее индивиды, для которых аморальные и противоправные поступки стали привычкой, нередко выступают в роли жертв преступлений, совершаемых в состоянии аффекта. Механизм формирования и совершения таких преступлений отличается тем, что личность, реагируя на насилие, издевательство, тяжкое оскорбление, иные аморальные либо противоправные деяния жертвы, в силу возникшего сильного душевного волнения, не имеет возможности разрешить конфликтную ситуацию иначе, чем преступным способом.

К примеру, 27 февраля 2014 г. следственным отделением отдела Министерства внутренних дел по Верхнехавскому району Воронежской области завершено расследование уголовного дела по обвинению местной жительницы в совершении преступления, предусмотренного ст. 113 УК РФ. В ходе предварительного расследования установлено, что у обвиняемой в результате конфликта с потерпевшим, причинившим смерть ее сыну, возникло сильное душевное волнение, обусловленное вызывающим поведением со стороны потерпевшего, она не смогла сдержать эмоций и причинила ему находившемся при ней кухонным ножом телесные повреждения, квалифицируемые как тяжкий вред здоровью [9].

Взаимодействие особенностей личности преступника с конкретной жизненной ситуацией и поступками жертвы обуславливает формирование всех четырех звеньев механизма преступного поведения: мотивации, планирования и принятия решения о совершении преступления, его реализации и постпреступного поведения.

Поскольку любое аффектированное преступление относится к умышленным деяниям, процесс формирования такого преступного поведения начинается с мотивации, которая влияет на выбор вариантов поступков индивида в той или иной ситуации.

В юридической литературе справедливо отражается, что под мотивацией понимается строго индивидуализированная система, состоящая из внешних

и внутренних факторов, детерминирующих способы личностного поведения [10, с. 134]. Тем не менее следует отметить, что возникновению и развитию мотивационных процессов преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, более способствуют именно внешние факторы, заключающиеся в деяниях будущей жертвы, нежели внутренние.

Мотивы любых насильственных преступлений, в частности убийства или причинения вреда здоровью различной степени тяжести, тесно связаны с эмоциональной средой человека, поэтому у лиц, совершающих данные деяния, уровень тревожности достаточно высокий [11, с. 61]. В свою очередь, мотивация преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, формируется под влиянием сильных неконтролируемых эмоций, вызванных поведением жертвы, что существенно ускоряет процесс осуществления преступного посяательства. Это вытекает из того, что поведение виновного обусловлено снижением способности к рациональному мышлению и предварительному обдумыванию своих действий из-за противоправных или аморальных поступков самой жертвы. При этом личность испытывает мощный эмоциональный всплеск, который оказывает подавляющее воздействие на ее психику с утратой способности контролировать себя и со снижением возможности реально оценивать возникшую ситуацию [12, с. 201].

Безусловно, психотравмирующая ситуация, предшествовавшая аффективному преступному поведению, уже сама по себе генерирует противоправную мотивацию. Следует полагать, что у лица, в отношении которого совершаются аморальные либо противоправные деяния, уже формируются разнообразные мотивы, в частности месть, ревность и т.п. Но до определенного момента лицо сдерживает начало их реализации. Желание наказать обидчика за причиненный ему моральный, физический или иной вред еще не столь велико, чтобы преступить закон. Однако длительное и систематическое негативное поведение жертвы усложняет психотравмирующую обстановку виновного, в связи с чем у него накапливается нервное напряжение, и уже неконтролируемые эмоции становятся триггером, запускающим механизм мотивации его преступного поведения.

После того как мотив сформировался, в механизме умышленного преступления наступает этап планирования и принятия решения о совершении общественно опасного деяния. Однако в механизме аффективного преступного поведения стадия планирования исключается. Это связано с тем, что аффект характеризуется кратковременной реакцией на поведение будущей жертвы. У виновного не остается времени планировать свое преступное деяние, так как аффект представляет собой моментальное реагирование виновного на негативные поступки потерпевшего [13, с. 379]. После формирования мотивации лицо спонтанно принимает решение об убийстве своего оппонента либо причинении ему тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Это происходит уже в настолько критических условиях, когда виновный не в состоянии найти разумный выход из стрессовой ситуации и непроизвольно вынужден принять решение о совершении преступного посяательства.

Так, 8 августа 2017 г. Пролетарским районным судом г. Ростов-на-Дону за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 107 УК РФ, к 1 году 2 месяцам ограничения свободы была осуждена гр-ка П. В ходе судебного разбирательства установлено, что подсудимая П. в течение длительного времени подвергалась систематическому физическому насилию со стороны потерпевшего. 1 января 2017 г. потерпевший в очередной раз нанес гр-ке П. телесные повреждения в область правой ушной области, правого плечевого сустава, левой стороны грудной клетки. У подсудимой, согласно заключению судебно-психологической экспертизы, в данный момент возникло состояние выраженного эмоционального напряжения, оказавшее существенное влияние на ее сознание и психическую деятельность, что достигло степени физиологического аффекта. В таком состоянии подсудимая П. взяла кухонный нож и нанесла им удары потерпевшему, не совместимые с жизнью¹.

Приведенный из судебной практики пример свидетельствует о том, что подсудимая, находясь в состоянии аффекта, немедленно приняла решение об убийстве потерпевшего в ответ на его противоправные действия.

После принятия решения в механизме преступного поведения наступает этап его реализации, т.е. непосредственного преступного посягательства.

Отечественным уголовным законодательством предусмотрено три вида общественно опасных деяний, совершаемых в состоянии аффекта, за которые предусмотрена уголовная ответственность. Это убийство (ст. 107 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (причем за оба вида вреда здоровью ответственность наступает по ст. 113 УК РФ). Безусловно, что в состоянии сильного душевного волнения (аффекта) потерпевшему может быть причинен и легкий вред здоровью, но данный вид деяния действующей редакцией УК РФ не криминализован.

Тем не менее противоправность и аморальность поведения потерпевшего, в соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, является основанием, смягчающим наказание. Да и совершение любого преступления в состоянии аффекта также может признаваться смягчающим обстоятельством на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ.

Состояние аффекта существенно влияет на квалификацию содеянного и выступает в качестве разграничителя со смежными преступлениями. По мнению ряда авторов, как правило, между аморальными и противоправными действиями жертвы и преступными деяниями виновного в совершении преступления в состоянии аффекта должен быть незначительный промежуток времени [14, с. 38]. Тем не менее в материалах судебной практики можно встретить не только случаи, когда аффект проявляется через некоторый более или менее длительный временной интервал, но и когда сам аффект продолжался в течение определенного времени.

¹ Приговор Пролетарского районного суда г. Ростов-на-Дону от 8 августа 2017 года по делу № 1-360/2017 // Официальный сайт Пролетарского районного суда г. Ростов-на-Дону. URL: https://proletarsky--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=155462978&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 29.12.2024).

Например, 11 августа 2016 г. Бутырским районным судом г. Москвы за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 107 УК РФ, к 1 году 3 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года 6 месяцев осужден гр-н К. В ходе судебного заседания установлено, что 13 октября 2015 г. ранее незнакомые подсудимому двое мужчин внезапно напали на него и стали избивать, причинив телесные повреждения. В результате такого субъективно неожиданного экстремального психотравмирующего фактора, обусловившего резкий рост эмоционального возбуждения, у подсудимого К. возникло состояние физиологического аффекта, подтвержденное заключением комплексной психолого-психиатрической экспертизы. После этого, все еще находясь в состоянии сильного душевного волнения, подсудимый К. сел за руль своего автомобиля «Форд Эскейп» и совершил наезд на своих обидчиков. Поскольку потерпевшим была оказана своевременная медицинская помощь, смерть не наступила по независящим от подсудимого К. обстоятельствам¹.

Следует согласиться с суждением Т. В. Сысоевой, полагающей, что круг обстоятельств, которые могут вызвать у виновного состояние аффекта, достаточно широк и такие обстоятельства довольно сложно ограничить конкретными поступками [15, с. 333]. Вместе с тем этап совершения преступления в механизме аффектированного преступного поведения связан с конкретными, указанными в уголовном законе обстоятельствами – насилием, издевательствами, тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а также иными аморальными и противоправными деяниями со стороны потерпевшего. Из этого следует, что взаимодействие особенностей личности преступника и поведения жертвы наиболее активно проявляется именно на данной стадии механизма преступления, совершаемого в состоянии аффекта.

Заключительным звеном механизма преступного посягательства является постпреступное поведение. На данном этапе лицо, совершившее преступление, может избрать два варианта своей дальнейшей деятельности. Первый вариант связан с оказанием помощи потерпевшему, в том числе медицинской, раскаянием, явкой с повинной, активным способствованием раскрытию и расследованию преступления и другими позитивными деяниями. Второй вариант заключается в уничтожении следов преступления, желании скрыться от правосудия, избежать уголовной ответственности, а также иных негативных актах.

Результаты изучения материалов судебно-следственной практики по уголовным делам об аффектированных преступлениях свидетельствуют, что виновный нередко избирает первый вариант поведения. Это связано с тем, что само преступление в состоянии аффекта неожиданно для лица, его совершившего. После того как сильное душевное волнение прекращается, виновный начинает анализировать свои поступки и приходит к выводу, что

¹ Приговор Бутырского районного суда г. Москва от 11 августа 2016 года по делу № 1-453/2014 // Судебная практика по статье 107 УК РФ. URL: <https://sud-praktika.cloud/precedent/82572.html> (дата обращения: 29.12.2024).

в данной ситуации необходимо помочь не только потерпевшему, но и самому себе. Как справедливо отмечает А. В. Боярская, такое поведение осуществляется виновным в целях получения правового блага в виде смягчения наказания за совершенное преступление [16, с. 109]. Кроме того, поскольку преступления, предусмотренные ст. 107 и 113 УК РФ, относятся к категориям небольшой и средней тяжести, позитивное постпреступное поведение может являться основанием освобождения виновного от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных уголовным законом.

На этом этапе механизма аффектированного преступного поведения жертва также играет определенную роль. Спровоцировав изначально преступление, после его совершения она как бы дает шанс виновному смягчить наказание либо вообще быть освобожденным от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

На основании изложенного следует сделать вывод, что жертва играет существенную роль в механизме аффектированного преступного поведения и оказывает серьезное влияние на формирование и развитие всех его этапов. Продолжительное по времени аморальное либо противоправное поведение жертвы усиливает психотравмирующее эмоциональное состояние виновного и ускоряет его мотивационные процессы. Взаимодействие личностных особенностей преступника и жертвы приводит к моментальному принятию решения о совершении преступления в ответ на противоправные действия потерпевшего. Наиболее активным оказывается влияние жертвы на совершение аффектированного преступления на стадии исполнения решения о совершении общественно опасного деяния. И, наконец, на этапе постпреступного поведения негативные поступки жертвы, которые обусловили совершение аффектированного преступления, являются обстоятельствами, смягчающими наказание виновного. Указанные факторы следует учитывать субъектам предупредительной деятельности при разработке мер профилактики преступлений, совершаемых в состоянии аффекта.

Список литературы

1. Статистика преступности // Официальный сайт Российской криминологической ассоциации имени Азалии Ивановны Долговой. URL: https://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 29.12.2024).
2. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 107–112.
3. Кобец П. Н. О необходимости исследования личности преступника и его преступного поведения, в целях эффективности борьбы с таким поведением // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2016. № 16-3. С. 104–105.
4. Серегина Е. В., Ярошенко А. П. Вопросы формирования личности преступника и типичные признаки современного преступника // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9. С. 112–117.
5. Буртаева Е. С. Эмоции в виде аффекта и их влияние на уголовную ответственность // Вопросы российской юстиции. 2023. № 23. С. 334–340.

6. Исхакова А. Р. Аффект как правовой и психологический феномен // Державинский форум. 2020. Т. 4, № 15. С. 23–28.
7. Диденко К. В., Бочарникова Л. Н., Устинова В. В. К вопросу о роли личности и конкретной жизненной ситуации в механизме индивидуального преступного поведения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 4. С. 124–127.
8. Афанасьев П. Б. Роль жертвы в механизме преступного поведения при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью // Вестник академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2. С. 72–75.
9. Судом рассмотрено уголовное дело по факту умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта // Официальный сайт Главного управления МВД России по Воронежской области. URL: <https://36.mvd.rf/news/item/2022074> (дата обращения: 29.12.2024).
10. Пойда Е. Е. Мотивация преступного поведения // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. 2022. № 1. С. 133–137.
11. Антонян Ю. М. Мотивы убийств // Научный портал МВД России. 2024. № 2. С. 60–67.
12. Савостокин М. Б. Аффект: сущность явления и проблемы квалификации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1. С. 201–205.
13. Лазарева А. С., Гончаров А. А., Квасникова Т. В. Аффект с точки зрения уголовного права, психологии, психиатрии, физиологии // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6, № 5. С. 374–381.
14. Сорокин А. И. Проблемы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 4. С. 38–42.
15. Сысоева Т. В. Проблемы квалификации преступлений по статье 107 УК РФ (убийство, совершенное в состоянии аффекта), связанные с установлением виновности или аморальности поведения потерпевшего // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9. С. 331–333.
16. Боярская А. В. Виды позитивного посткриминального поведения, поощряемого положениями ч. 2, 4 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2022. Т. 19, № 3. С. 108–117.

References

1. Crime statistics. *Ofitsial'nyy sayt Rossiyskoy kriminologicheskoy assotsiatsii imeni Azalii Ivanovny Dolgovoy* = *Official website of the Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova*. (In Russ.). Available at: https://crimas.ru/?page_id=5050 (accessed 29.12.2024).
2. Eminov V.E., Antonyan Yu.M. The personality of the criminal and its formation. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* = *Current issues of Russian law*. 2015;(1): 107–112. (In Russ.)
3. Kobets P.N. On the need to study the personality of the criminal and his criminal behavior, in order to effectively combat such behavior. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire* = *Fundamental and applied research in the modern world*. 2016;(16-3):104–105. (In Russ.)
4. Seregina E.V., Yaroshenko A.P. The issues of formation of the criminal's personality and typical signs of a modern criminal. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika*;

- predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management.* 2022;(9):112–117. (In Russ.)
5. Burtaeva E.S. Emotions in the form of affect and their influence on criminal liability. *Voprosy rossiyskoy yustitsii = Questions of Russian justice.* 2023;(23):334–340. (In Russ.)
 6. Iskhakova A.R. Affect as a legal and psychological phenomenon. *Derzhavinskiy forum = Derzhavin Forum.* 2020;4(15):23–28. (In Russ.)
 7. Didenko K.V., Bocharnikova L.N., Ustinova V.V. On the role of personality and specific life situation in the mechanism of individual criminal behavior. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management.* 2019;(4):124–127. (In Russ.)
 8. Afanas'ev P.B. The role of the victim in the mechanism of criminal behavior in the intentional infliction of grievous bodily harm. *Vestnik akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.* 2020;(2):72–75. (In Russ.)
 9. The court considered a criminal case on the fact of intentional causing of serious bodily harm in a state of passion. *Ofitsial'nyy sayt Glavnogo upravleniya MVD Rossii po Voronezhskoy oblasti = Official website of the main directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Voronezh region.* (In Russ.). Available at: <https://36.mvd.rf/news/item/2022074> (accessed 29.12.2024).
 10. Poyda E.E. Motivation for criminal behavior. *Gumanitarnyy vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University.* 2022;(1):133–137. (In Russ.)
 11. Antonyan Yu.M. Motives for the murders. *Nauchnyy portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2024;(2):60–67. (In Russ.)
 12. Savostokin M.B. Affect: the essence of the phenomenon and problems of qualification. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences.* 2023;(11-1):201–205. (In Russ.)
 13. Lazareva A.S., Goncharov A.A., Kvasnikova T.V. Affect from the point of view of criminal law, psychology, psychiatry, physiology. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice.* 2020;6(5):374–381. (In Russ.)
 14. Sorokin A.I. Problems of qualification of murder committed in a state of passion. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova = Scientific bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.* 2020;(4):38–42. (In Russ.)
 15. Sysoeva T.V. Problems of qualification of a crime under Article 107 of the Criminal Code of RF (murder committed in a state of affect), connected with the establishment of the wrongfulness or immorality of the victim's conduct. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice.* 2023;(9):331–333. (In Russ.)
 16. Boyarskaya A.V. Types of positive post-criminal behavior encouraged by the provisions of Part 2, 4 of Article 62 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law.* 2022;19(3):108–117. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Андрей Владимирович Яшин

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры правоохранительной
деятельности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40);
профессор кафедры юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

E-mail: andrej.yaschin@yandex.ru

Andrei V. Yashin

Doctor of juridical sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of law enforcement, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
professor of the sub-department
of jurisprudence, Penza branch of Moscow
Witte University (25B Vyazemskogo street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.01.2025

Принята к публикации / Accepted 22.02.2025

УДК 343.98.067

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-14

Системно-деятельностный метод в расследовании преступлений**Н. А. Подольный**Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия

ipk-saransk@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Выявление и раскрытие всех совершенных преступлений – это та цель, которая ставится перед правоохранительными органами. Привлечение к уголовной ответственности должно быть неотвратимым для всех лиц, совершивших преступление. Для того чтобы реализовать это, необходима соответствующая методологическая основа, элементами которой являются используемые правоохранительными органами, в том числе следователями, методы. Одним из таких методов, которые способны повысить эффективность выявления, раскрытия и расследования преступлений, является системно-деятельностный метод. В связи с этим целью проведенного исследования стало определение системно-деятельностного метода и закономерностей его использования в ходе проводимого расследования преступлений. *Материалы и методы.* При проведении исследования использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Также методологическое значение имела теория деятельности, разработанная в психологии. *Результаты.* При расследовании преступлений, совершенных организованными группировками, традиционные методы выявления уличающих данных (информации) недостаточно эффективны, поскольку ориентированы только на установление обстоятельств, связанных с совершенным преступлением, и не принимают во внимание обстоятельства поведения предполагаемого виновным лица вне совершенного им преступления. *Выводы.* Для повышения эффективности проводимого расследования и изобличения виновного в нем лица целесообразно применение системно-деятельностного метода, который позволяет на основании знания особенностей личности конкретного лица определить вероятность ее причастности к совершенному преступлению.

Ключевые слова: преступление, расследование, следственное познание, доказывание, судебно-психологическая экспертиза, специальные знания

Для цитирования: Подольный Н. А. Системно-деятельностный метод в расследовании преступлений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 175–186. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-14

System-activity method in crime investigation

N.A. Podol'nyy

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan, Russia

ipk-saransk@yandex.ru

Abstract. *Background.* The detection and disclosure of all crimes committed is the goal that law enforcement agencies are tasked with. Criminal prosecution must be unavoidable for all persons who have committed a crime. In order to implement this, an appropriate methodological framework is needed, the elements of which are the methods used by law enforcement agencies, including investigators. One of such methods that can increase the effectiveness of detection, disclosure and investigation of crimes is the system activity method. In this regard, the purpose of the research conducted and based on the article was to determine the system-activity method and the patterns of its use during the ongoing investigation of crimes. *Materials and methods.* The methods of analysis and synthesis, induction and deduction were used in the research based on the proposed article. The theory of activity developed in psychology was also of methodological importance. *Results.* When investigating crimes committed by organized groups, traditional methods of identifying incriminating data (information) are not effective enough, since they focus only on establishing the circumstances related to the crime committed and do not take into account the circumstances of the behavior of the alleged perpetrator outside of the crime committed by him. *Conclusions.* To increase the effectiveness of the ongoing investigation and expose the person responsible for it, it is advisable to use a systematic activity method, which allows, based on knowledge of the personality characteristics of a particular person, to determine the likelihood of her involvement in the crime.

Keywords: crime, investigation, investigative cognition, evidence, forensic psychological examination, special knowledge

For citation: Podol'nyy N.A. System-activity method in crime investigation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):175–186. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-14

Эффективность расследования – это всегда основная забота следователя, который желает предоставлением суду знания об истине обеспечить справедливость всего уголовного правосудия. В связи с этим всегда встает вопрос о том, как получить необходимый объем данных, из которых можно сделать достоверный вывод об имевшем место деянии. Это вопрос о методах проведения предварительного расследования, которые могли бы одновременно ускорить сбор необходимых доказательств и иных данных, повысив уровень их достоверности. Развитие науки предоставляет следователям методы, благодаря которым они имеют возможность достаточно быстро выявлять и приобщать к делу доказательства, которые однозначно указывают на определенные обстоятельства совершения преступления и причастность к ним конкретных лиц. Такими методами являются криминалистическое моделирование, криминалистическая идентификация, криминалистическое прогнозирование, криминалистическая ситуалогия. Представляет интерес также метод

системно-деятельностного анализа, который был предложен сравнительно давно, но, к сожалению, до настоящего времени еще не является частью реальности расследования преступлений [1, с. 12]. Данный метод позволяет увидеть преступление не как обособленный от действительности факт, а как часть поведения конкретного человека. Рассмотрение в таком аспекте проблемы расследования преступления открывает достаточно много возможностей по выявлению значимой для расследования информации. Данный подход позволяет не только получить недостающие доказательства, но и понять общую картину соответствующего исследуемого деяния.

Традиционным исстари подходом к расследованию является использование критерия относимости той информации, которая принимается следователем во внимание. Этот подход предполагает, что следователь концентрирует в ходе расследования свое внимание исключительно на обстоятельствах, следах и информации, которые имеют прямое отношение к совершенному и расследуемому преступлению. Такой подход представляется очевидным, поскольку определяет достаточно четкую и стройную логику расследования, состоящую в движении познания следователя от установления одного конкретного обстоятельства к установлению всей картины имевшего место события. Ход познания в данном случае проявляется в последовательном выявлении и установлении обстоятельств совершения преступления вплоть до восстановления общей картины случившегося [2, с. 68]. Полученное таким образом знание об имевшем место событии является истиной, которая кладется в основу принимаемых процессуальных решений, в том числе и в основу приговора суда. Такой подход к расследованию не вызывает сомнений в своей правильности и в том, что он способен обеспечить следователя, а в последующем и судью, необходимым объемом доказательств, которые нужны для того, чтобы проводимый уголовный процесс был справедливым.

Названный традиционный подход основан на предположении о том, что познание и доказывание – это одно и то же, что эти два термина отображают одну и ту же по сути деятельность. Отчасти это обусловлено тем, что уголовно-процессуальное законодательство не использует термин «познание», в нем используется лишь термин «доказывание». В главе 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) названы субъекты доказывания, среди которых и следователь. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ следователь осуществляет собирание доказательств, а в соответствии со ст. 87 УПК РФ – проверку доказательств. Собирание и проверка доказательств – это виды познавательной деятельности, благодаря которой имеется возможность определить то, какие данные могут рассматриваться в качестве доказательств. Оценка доказательств, о которой речь идет в ст. 88 УПК РФ, – это также сложный вид познавательной деятельности, который требует от субъектов доказывания навыков критического подхода к ставшим доступными им сведениям. Выстраивание доказательств в систему, с помощью которой можно уличить конкретное лицо в совершении преступления, – это также вид познания. Однако познание проявляется не только

в этих действиях. Познание состоит также в получении информации, которая не может быть использована в качестве доказательства, но которая позволяет сформировать общее представление об имевшем место событии еще на начальном этапе расследования, когда еще нет в достаточном объеме необходимых доказательств.

Примечательно то, что основанием возбуждения уголовного дела, которое сформулировано в ч. 2 ст. 140 УПК РФ, является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. То есть наличие не доказательств, а именно данных [3, с. 42]. Законодатель не случайно делает акцент на том, что для возбуждения уголовного дела необходим достаточный объем не доказательств, а данных, этим он подчеркивает то, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо исходить из всей совокупности имеющейся информации, а не только из имеющихся доказательств, тем более что было бы абсурдным требовать такой объем доказательств, который достаточно убедительно указывал бы на механизм совершения соответствующего деяния и роль в нем соответствующих лиц еще на стадии возбуждения уголовного дела. Названная норма уголовно-процессуального законодательства указывает на то, что процессуальное значение для принятия процессуальных решений имеют не только доказательства, но и иные данные, из которых можно сделать вывод о наличии в соответствующем деянии признаков преступления. Анализ ст. 144 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что источником данных, которые кладутся в основу принятия решения о возбуждении уголовного дела, являются не только процессуальные действия, но и те, которые не регулируются уголовно-процессуальным законодательством. В частности, это документальные проверки, ревизии, результаты оперативно-розыскных мероприятий.

Указание законодателем на процессуальное значение данных, которые не являются доказательством, следует рассматривать как косвенное признание того, что процесс познания обстоятельств совершения преступления существенно шире, чем процесс доказывания. Названной нормой законодатель признает процессуальное значение познания, выходящего за пределы процесса доказывания. При этом указываются те средства познания, применение которых допускается для того, чтобы полученные данные имели процессуальное значение для возбуждения уголовного дела, т.е. для принятия этого процессуального решения. Использование иных, кроме названных в законе, средств делает данные, полученные таким образом, недопустимыми для того, чтобы на их основе формулировать решение о возбуждении уголовного дела. Таким образом, определяется допустимость тех данных, которые может принимать следователь во внимание для принятия названного процессуального решения. Этим определяются допустимые формы и способы осуществления познания. Исходя из этого вполне правомерно утверждать о процессуальных формах познания, выходящих за пределы процесса доказывания, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством.

Ход проводимого расследования состоит в выявлении доказательств, которые имеют значение для установления обстоятельств совершения соответствующего преступления. Это очевидно и не вызывает каких-либо возражений. Традиционным является представление о том, что следователь в ходе расследования движется от одного доказательства к другому, поскольку выявление одного доказательства влечет за собой выявление другого или по крайней мере создание условий для такого выявления. В связи с этим весь процесс расследования в чем-то похож на перебирание четок, когда пальцы машинально, после того как нащупали одну бусину, перемещаются к нащупыванию другой. Однако такое представление о процессе расследования преступления сильно упрощает ту деятельность, которую выполняет следователь для того, чтобы обеспечить справедливость уголовного процесса. Процесс расследования несколько сложнее, поскольку далеко не всегда получить необходимый объем доказательств также легко, как перебирать четки, и логика здесь намного сложнее, поскольку выявление одного доказательства вовсе не всегда предполагает формирование предпосылок для выявления другого.

Особенно сложным представляется выявление доказательств на начальном этапе расследования, когда есть сообщение о преступлении, но нет достаточных оснований считать это сообщение в полной мере достоверным. Следователю нужна подсказка, которая могла бы указать на те факты, исходя из которых он мог бы построить свою познавательную деятельность так, чтобы получить доказательства, необходимые ему для принятия соответствующих процессуальных решений. Такой подсказкой может быть всякая информация, которая хоть как-то могла бы указывать на обстоятельства совершенного деяния, иметь к нему хоть какое-то отношение. Такую информацию принято именовать ориентирующей [4, с. 730], поскольку она ориентирует следователя в определении направления поиска, в результате которого он может выявить недостающие ему доказательства. Данная информация не является процессуальной, а потому к ней не предъявляются требования по соблюдению порядка и формы ее получения. В ней важно лишь то, что эта информация о преступлении или одном из обстоятельств его совершения. Важно лишь то, что она относится к событию совершения определенного деяния, в котором есть вероятность обнаружить признаки преступления. Данная информация используется следователем для того, чтобы, используя ее, сделать предположение об источнике, из которого можно получить соответствующее доказательство [5, с. 382]. Так, благодаря этой информации можно узнать тех лиц, которые могли быть очевидцами совершенного преступления, а потому их следует допросить в качестве свидетелей. Так следователь имеет возможность получить показания свидетелей, которые были очевидцами совершения конкретного преступления. Достаточно часто следователь в начале расследования располагает информацией о вероятном пути прихода и ухода преступника с места происшествия. Эта информация указывает на вероятные места нахождения следов, которые при правильном проведении осмотра места происшествия могут уличать лиц, которые могли быть причастными к совер-

шенному преступлению, а также указывать на отдельные обстоятельства совершения конкретного деяния. Как видно, названная информация хотя и не является доказательственной, но имеет самое непосредственное отношение к процессу доказывания, поскольку позволяет следователю определять направление проводимого им расследования.

Важным здесь является то, что следователь всегда уделяет внимание только тем доказательствам и той информации (данным), которые имеют отношение к событию преступления (или предполагаемого преступления). То есть важным принципом познания является относимость конкретных доказательств или данных к расследуемому деянию. Такой подход вполне логичен и с точки зрения любого следователя вполне оправдан, поскольку задает для следственного познания достаточно четкую направленность, благодаря которой обеспечивается экономия времени и средств (в виде проведения следственных и иных процессуальных действий). Благодаря этому имеется возможность выстраивать достаточно четкий и конкретный план всего расследования, а также проведения отдельных следственных действий. При этом следователь не отвлекается на изучение вопросов, которые не имеют прямого отношения к совершенному преступлению. Это способствует процессу доказывания, поскольку позволяет выстроить четкую и определенную систему доказательств, которая убедительно изобличает виновное в совершении преступления лицо и указывает на те обстоятельства, которые составляют расследуемое преступное деяние. Такой подход позволяет следователю в отдельных случаях уже на начальном этапе расследования формулировать алгоритм проводимого расследования, т.е. следователь четко определяет для себя, что он должен сделать в первую очередь, что – во вторую, а что – в третью. Он может прогнозировать результаты проведения соответствующих следственных действий, а также то, какие процессуальные решения ему предстоит вынести в определенный момент проведения расследования.

Особо следует подчеркнуть то, что требование относимости [6, с. 90], которое предъявляется не только к доказыванию, но и в целом ко всему процессу следственного и судебного познания, при традиционном подходе предполагает непосредственное отношение доказательств и иной информации к расследуемому событию. Оно исключает опосредованное отношение конкретной информации к совершенному преступному деянию. Данный подход не предполагает исследование обстоятельств, которые не имеют непосредственного отношения к расследуемому событию. Это связано с тем, что исследование обстоятельств, которые могут быть опосредованно связаны с совершением преступления, способно затянуть расследования и даже завести в гносеологический тупик, когда сложно будет определить значение для расследования полученной информации. Данный подход позволяет определять не только конечную, но и промежуточные цели, что дает возможность четко определять ход проводимого расследования, степень его успешности и результативности. Это, несомненно, важно, и в этом проявляется ориентированность данного подхода на практику расследования, поскольку позволяет

решать проблемы, встающие перед следователем, достаточно быстро и эффективно.

Однако при всем своем удобстве и понятности данный подход не позволяет решать все те проблемы, которые встают перед следователем в ходе проводимого расследования. Не все виды преступлений можно эффективно расследовать с помощью только этого методического подхода. Так, при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами, приходится сталкиваться с тем, что в качестве виновных представляются те лица, которые в действительности к совершенному преступлению не имели отношения или имели, но не в том объеме, в котором они сами сообщают и сообщают об этом другие лица (как правило, члены соответствующей группировки). Цель такой дезинформации в том, чтобы действительно виновное лицо не было привлечено к уголовной ответственности и не понесло уголовного наказания, поскольку это может стать серьезным ударом по криминальной активности соответствующей преступной группировки [7, с. 232]. В связи с этим перед следователем встает задача своевременно выявить такую дезинформацию. Для этого необходимо достаточно критически подходить к тем доказательствам, которые становятся доступными следователю. Сделать это бывает достаточно сложно, поскольку преступная группировка стремится к оказанию противодействия посредством формирования ложной системы доказательств. Одной из наиболее значимых задач при расследовании этих преступлений является изобличение ложности показаний, которые указывают на лицо, которое не имело причастности к совершенному преступлению. Необходимым является также преодоление самооговора лица, которое преступной группировкой было «назначено» на роль виновного. Важно изобличить всю систему ложной информации, которую выстраивает соответствующая преступная группировка ради того, чтобы обеспечить свою будущую криминальную активность.

Для решения названной и подобных задач традиционный метод расследования является недостаточно эффективным, поскольку за пределами внимания следователя оказывается значимая информация, использование которой позволяет восстановить правдивую картину совершенного преступного деяния. Для того чтобы изобличить лицо, которое оговаривает себя в преступлении, которого не совершало или совершало, но не в той роли, которую себе присваивает, необходимо знание особенностей его личности. Это позволяет соотнести предрасположенность конкретного лица к совершению тех действий, в причастности к которым оно признается. Но для того чтобы это понять, необходимо выявить все те особенности личности, которые отражаются в ее действиях. Необходимо знать особенности характера соответствующего лица, наличие у него склонности к совершению определенного вида действий (к примеру, агрессивных), уровень его интеллектуальных способностей и некоторые другие. Выявление этих особенностей позволяет обнаружить соответствие (несоответствие) характеристики личности конкретного лица тем действиям, которые ему приписываются. Это позволяет

критически переосмыслить следователю те доказательства, которые им были ранее собраны. Так, в случае несоответствия особенностей личности особенностям совершенного преступления это становится сигналом для следователя к проверке достоверности собранных доказательств.

Изучение личности подозреваемого в совершении преступления в этом случае не ограничивается установлением лишь тех обстоятельств, которые имеют непосредственное отношение к совершенному преступлению. Для того чтобы понять личность предполагаемого преступника, необходимо проанализировать все его поведение, а это значит, что нужно устанавливать не только обстоятельства, касающиеся совершенного преступления, но и обстоятельства, которые его характеризуют [8, с. 32]. Это значит, что необходимо в проводимом расследовании выйти за пределы обстоятельств, непосредственно указывающих на совершенное преступное деяние. Имеющими для расследования значение являются также обстоятельства, которые указывают на особенности личности лица, которое предполагается совершившим преступление. Данные обстоятельства не имеют непосредственного отношения к совершенному преступлению, но они могут помочь в ответе на вопрос о способности конкретного предполагаемого виновным лица совершить вменяемое ему преступление. В этом усматриваются контуры совершенно иного метода, который отличается от рассмотренного традиционного. Этот метод состоит в том, что он основывается на полном изучении личности преступника, а не только тех ее качеств, которые проявились в совершенном преступлении. Понять любую личность можно лишь на основе изучения всех аспектов ее поведения, а не ограничиваться только каким-то одним [9, с. 111]. Для расследования преступления это важно, поскольку на следовую картину влияют не только криминальные наклонности конкретного человека, но и те его особенности, в которых нет ничего криминального. К примеру, в механизме совершения преступления против жизни и здоровья могут проявиться навыки, которые были приобретены в ходе выполнения трудовых функций по определенной профессии, которая является социально одобряемой. Но именно эти особенности личности связаны с выбранным ею способом и механизмом совершения преступления. Они могут также непроизвольно отобразиться в следах на месте совершения преступления. Это имеет значение для проводимого расследования, поскольку позволяет выявить недостающие доказательства и критически отнестись к тем, которые уже собраны. Следователь имеет возможность эффективно противостоять противодействию тех лиц, которые не желают того, чтобы по конкретному уголовному делу была установлена истина.

Основной вопрос названного метода, с помощью которого имеется возможность критического осмысления доказательств, формулируется так: соответствуют ли преступные действия особенностям и структуре личности лица, которое выдается за виновного? То есть акцент ставится на личности как исходном моменте в изучении соответствующего события, в котором стремятся выявить наличие (или отсутствие) обстоятельств, указывающих на

совершение преступления. Знание личности позволяет понять то, как она действует, и смоделировать ее поведение при наличии определенных условий. В действиях проецируется личность конкретного человека. Человека можно понять только через его действия и никак иначе. Даже подсознательное проявляется в действиях конкретного человека, от чего и становится известно о содержании этого подсознательного. Но не только анализ действий позволяет сделать вывод о структуре и особенностях личности конкретного человека, знание личности способно позволить определить тот круг действий конкретного человека, на которые он способен. Данный метод именуют системно-деятельностным подходом, где в качестве основного методологического положения принимается взаимосвязь и взаимообусловленность, которая имеется между личностью человека и его деятельностью. Данная взаимосвязь и взаимозависимость достаточно полно и всесторонне изучены в психологии, однако в криминалистике этот метод до настоящего времени не имеет четкого определения, поскольку его исследователи ограничиваются лишь отсылкой на соответствующие положения, сформулированные в различных теориях психологии [10, с. 463] и педагогики [11, с. 60]. Однако для того чтобы эффективно применять данный метод в криминалистике, необходима его адаптация к объекту и предмету криминалистики. Также важным является определение того, насколько глубоко следует погружаться в исследование личности конкретного лица, которое подозревается в совершении преступления. Стоит ли привлекать к такому исследованию специалиста в психологии или достаточно познаний, которые имеются у следователя, т.е. общераспространенных познаний на уровне соответствующей юридической специальности, в рамках курса которой проходил обучение следователь? От ответа на данные вопросы зависит то, как следует использовать названный метод в ходе расследования.

Системно-деятельностный метод состоит в определении хода познания следователем при расследовании преступления. Его познание должно быть направленным с личности предполагаемого виновного на совершенные им действия. При этом важно принимать во внимание не только преступную деятельность, но и все проявления поведения соответствующего лица, которое предполагается виновным в совершении преступления. Для этого необходимо выявлять не только обстоятельства, составляющие совершенное преступление, но и обстоятельства, которые характеризуют личность предполагаемого виновного, причем эти обстоятельства могут не нести в себе ничего противоправного. Для этого необходимо предусматривать действия по выявлению соответствующей информации, причем не только доказательств, но и иных сведений, благодаря которым можно установить особенности личности конкретного лица, подозреваемого в совершении преступления. Следователь может решить данную задачу, имеющую как тактическое, так и стратегическое значение, самостоятельно, но в отдельных наиболее сложных случаях может привлечь к планированию и проведению отдельных следственных действий (например, допроса подозреваемого) специалиста, имеющего

познания в психологии. Этого может быть вполне достаточно для преодоления противодействия со стороны лиц, которые не желали бы того, чтобы истина была установленной.

Однако может возникнуть необходимость проведения судебно-психологической экспертизы, благодаря которой можно было бы выявить некоторые особенности конкретной личности для того, чтобы получить ответ на вопрос о действительной причастности конкретного лица к совершенному преступлению. В частности, перед судебно-психологической экспертизой могут быть поставлены вопросы о наличии у конкретного лица лидерских качеств, а также иных особенностей, наличие которых могло проявиться в совершенных им преступных действиях. Этот вид судебных экспертиз может позволить установить у конкретного лица такие качества, как внушаемость, избирательная чувствительность, пониженная критичность к своим действиям, неспособность к интеллектуальному контролю. Знание всех этих особенностей личности позволяет определить, могла ли она совершить преступление, в котором призналась либо в котором ее изобличают другие лица (потерпевший, свидетели). Проведением данных экспертиз реализуется, по сути, системно-деятельностный метод, поскольку благодаря знанию особенностей конкретной личности следователь имеет возможность сделать вывод о ее причастности к совершенному преступлению. При этом важным является то, что психолог при проведении данной экспертизы выявляет информацию, которая имеет только опосредованное отношение к совершенному преступлению, т.е. указывает не на обстоятельства совершенного преступления, а на особенности преступника или личности, подозреваемой в совершении преступления. Данная судебно-психологическая экспертиза позволяет критически отнестись к тем доказательствам, которые уже ранее были собраны и приобщены к уголовному делу.

В настоящее время системно-деятельностный подход используется преимущественно для проверки уже собранных доказательств. Чаще всего следователь использует его на последующем этапе расследования, когда есть лицо, привлеченное в качестве подозреваемого или обвиняемого. Причиной применения данного подхода становятся сомнения следователя в имеющихся уличающих доказательствах. То есть данный подход выполняет в расследовании контрольную функцию, поскольку позволяет проверить степень достоверности собранных доказательств. Благодаря ему у следователя имеется возможность критически отнестись ко всему объему собранных доказательств. Также значение применения этого метода состоит в формировании системы доказательств, которая позволяет воссоздать целостную картину совершенного преступного деяния. В такой целостности проявляется системность данного метода, с помощью которого достигается непротиворечивость собранных доказательств, а также иных данных, которые доказательствами не являются. В зависимости от решаемых задач этот метод может применяться следователем без привлечения специальных познаний в психологии, а в особо сложных случаях могут привлекаться специальные знания в форме участия специалиста-психолога или проведения судебно-психологической экспертизы.

Список литературы

1. Антонов О. Ю. Особенности методики расследования насильственных преступлений с позиции системно-деятельностного подхода // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода / Удмуртский государственный университет ; Институт права, социального управления и безопасности. Вып. 12. Ижевск : Just est, 2012. С. 5–20.
2. Глазунова И. В. Следственное познание и следственное распознавание: соотношение понятий // Право и практика. 2023. № 3. С. 66–70.
3. Пироговский И. Г. Информация о преступлении как основание для возбуждения уголовного дела // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1 (47). С. 41–44.
4. Зинин А. М., Булгаков В. Г. Значение криминалистического исследования динамических признаков человека как источников ориентирующей и доказательственной информации // Lex Russica (Русский закон). 2007. Т. 66, № 4. С. 729–739.
5. Самойлов А. Ю. Особенности получения ориентирующей информации о свойствах лица, совершившего преступление // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 29 апреля 2016 г.) / Краснодарский университет МВД России. Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2016. С. 380–384.
6. Сазонова В. Д. Достоверность и относимость судебных доказательств в уголовном процессе // Проблемы научной мысли. 2023. Т. 4, № 5. С. 89–91.
7. Аккаева Х. А. Тактика предупреждение лжи в показаниях подозреваемого // Право и управление. 2024. № 3. С. 231–235.
8. Бажанов С. В. Изучение личности подозреваемого (обвиняемого) как частная криминалистическая теория // Вестник Юридического института МИИТ. 2021. № 2 (34). С. 24–35.
9. Смирнов А. М. К вопросу о фундаментально-теоретической модели изучения личности преступника // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 110–112.
10. Герасимова А. В., Захаров М. А., Манаенков А. О. Теория деятельности А. Н. Леонтьева и креативное мышление личности // Инновации в обществе: современные вызовы и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. студ. конф. (г. Москва, 15–16 апреля 2024 г.). М. : Академия управления и производства, 2024. С. 462–467.
11. Денисенко О. А. Содержание понятия «художественная деятельность» в теории и практике общего образования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 6-2. С. 56–61.

References

1. Antonov O.Yu. Features of the methodology for investigating violent crimes from the perspective of a systemic-activity approach. *Kriminalistika, kriminologiya i sudebnye ekspertizy v svete sistemno-deyatel'nostnogo podkhoda*. Vyp. 12 = *Forensic science, criminology and forensic examinations in light of the system-activity approach*. Issue 12. Izhevsk: Just est, 2012:5–20. (In Russ.)
2. Glazunova I.V. Investigative cognition and investigative recognition: the relationship of concepts. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2023;(3):66–70. (In Russ.)
3. Pirogovskiy I.G. Information about a crime as a basis for initiating a criminal case. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(1):41–44. (In Russ.)

4. Zinin A.M., Bulgakov V.G. The importance of forensic examination of human dynamic features as sources of orientation and evidentiary information. *Lex Russica (Russkiy zakon) = Russian law*. 2007;66(4):729–739. (In Russ.)
5. Samoylov A.Yu. Features of obtaining orientation information about the characteristics of a person who committed a crime. *Kriminalistika i sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v usloviyakh sovremennosti: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Krasnodar, 29 aprelya 2016 g.) = Forensic science and forensic activities in modern conditions: proceedings of the 4th International scientific and practical conference (Krasnodar, April 29, 2016)*. Krasnodar: Krasnodarskiy un-t MVD Rossii, 2016:380–384. (In Russ.)
6. Sazonova V.D. Reliability and relevance of judicial evidence in criminal proceedings. *Problemy nauchnoy mysli = Issues of scientific thought*. 2023;4(5):89–91. (In Russ.)
7. Akkaeva Kh.A. Tactics to prevent lies in a suspect's testimony. *Pravo i upravlenie = Law and management*. 2024;(3):231–235. (In Russ.)
8. Bazhanov S.V. Study of the personality of a suspect (accused) as a private forensic theory. *Vestnik Yuridicheskogo instituta MIIT = Bulletin of the Law Institute of MIET*. 2021;(2):24–35. (In Russ.)
9. Smirnov A.M. On the issue of a fundamental theoretical model for studying the personality of a criminal. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020;(1):110–112. (In Russ.)
10. Gerasimova A.V., Zakharov M.A., Manaenkov A.O. The theory of activity of N. Leontiev and creative thinking of the individual. *Innovatsii v obshchestve: sovremennye vyzovy i perspektivy: materialy III Vseros. nauch.-prakt. stud. konf. (g. Moskva, 15–16 aprelya 2024 g.) = Innovations in society: modern challenges and prospects: proceedings of the 3rd All-Russian scientific and practical student conference (Moscow, April 15–16, 2024)*. Moscow: Akademiya upravleniya i proizvodstva, 2024:462–467. (In Russ.)
11. Denisenko O.A. The content of the concept of “artistic activity” in the theory and practice of general education. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern science: current problems of theory and practice. Series: humanities*. 2020;(6-2):56–61. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Николай Александрович Подольный
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного
процесса и криминалистики,
Казанский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста
России) (Россия, г. Казань, ул. Фатыха
Амирхана, 14)

E-mail: ipk-saransk@yandex.ru

Nikolai A. Podol'nyy
Doctor of juridical sciences, associate
professor, head of the sub-department
of criminal procedure and criminalistics,
Kazan Institute (branch) of the All-Russian
State University of Justice (RPA of the
Ministry of Justice of Russia) (14 Fatykha
Amirkhana street, Kazan, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 12.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.02.2025

Принята к публикации / Accepted 04.03.2025

УДК 343.1

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-15

Принудительные работы: неиспользованные резервы**В. В. Геранин¹, С. Н. Мальцева²**^{1,2}Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани, Рязань, Россия¹gvvtzn@mail.ru, ²kafedrapd2015@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Принудительные работы относятся к самым обсуждаемым и одновременно дискуссионным из применяемых в России наказаний. Если в первые годы после начала применения этого наказания главной из обсуждаемых была проблема увеличения сети исправительных центров и количества осужденных, то по мере приобретения принудительными работами все большего опыта применения акцент внимания последовательно смещался в сторону совершенствования регулирования правового положения осужденных. В последнее же время, в связи с постепенным исчерпанием экстенсивных возможностей наполнения исправительных центров осужденными, исследователей все чаще стал привлекать поиск иных возможностей повышения потенциала использования труда осужденных, отбывающих принудительные работы. Вслед за решениями Правительства Российской Федерации о расширении возможностей трудоустройства инвалидов этот вопрос актуализируется и для уголовно-исполнительной системы России. Цель работы – поиск новых возможностей наполнения исправительных центров потенциальными работниками. *Материалы и методы.* Использовались научные труды по исследуемой проблеме, материалы законодательной практики, а также результаты авторских исследований. Методологической основой послужил всеобщий диалектический метод познания. *Результаты.* В ходе проведенного исследования было выдвинуто предложение о возможности направления в исправительные центры осужденных, являющихся инвалидами второй группы. *Выводы.* Авторы, опираясь на анализ широко используемых статистических данных об экономической ситуации как в целом в стране, так и в трудоустройстве осужденных в частности, выступают с предложением о внесении изменений в ст. 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности об изъятии из ч. 7 указанной статьи ограничения на назначение принудительных работ инвалидам II группы.

Ключевые слова: принудительные работы, исправительный центр, дефицит кадров, трудоустройство осужденных, инвалидность

Для цитирования: Геранин В. В., Мальцева С. Н. Принудительные работы: неиспользованные резервы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 187–198. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-15

Forced labor: unused reserves

V.V. Geranin¹, S.N. Mal'tseva²

Ryazan branch of Witte Moscow University, Ryazan, Russia

¹gvvrzn@mail.ru, ²kafedraupd2015@yandex.ru

Abstract. *Background.* Forced labor is one of the most discussed and at the same time controversial of the punishments used in Russia. If in the first years after the beginning of the application of this punishment, the main issue discussed was the problem of increasing the network of correctional centers and the number of convicts, then as forced labor acquired more and more experience in its application, the focus of attention consistently shifted toward improving the regulation of the legal status of convicts. Recently, in connection with the gradual exhaustion of extensive possibilities for filling correctional centers with convicts, researchers have increasingly become attracted to the search for other opportunities to increase the potential for using the labor of convicts serving forced labor. Following the decisions of the Government of the Russian Federation on expanding employment opportunities for disabled people, this issue is also becoming relevant for the Russian penal system. The goal of the work is to find new opportunities to fill correctional centers with potential workers. *Materials and methods.* Scientific works on the problem under study, materials from legislative practice, as well as the results of the author's research were used. The methodological basis was the general dialectical method of cognition. *Results.* During the study, a proposal was put forward regarding the possibility of sending convicts who are disabled persons of the second group to correctional centers. *Conclusions.* The authors, relying on an analysis of widely used statistical data on the economic situation both in the country as a whole and in the employment of convicts in particular, propose amendments to Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, in particular, the removal from Part 7 of this article of the restriction on the assignment of forced labor to disabled persons of group 2.

Keywords: forced labor, correctional center, shortage of personnel, labor use of convicts, disability

For citation: Geranin V.V., Mal'tseva S.N. Forced labor: unused reserves. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):187–198. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-15

Сегодня можно признать, что принудительные работы – новейшая и одна из наиболее обсуждаемых в научной литературе последних лет уголовно-правовая мера – прочно закрепились в системе наказаний. Отличительной особенностью начала применения этого наказания можно назвать то, что, во-первых, его появление в теории уголовного права было предопределено необходимостью придания системе наказаний логической завершенности. И в частности, суровость каждой последующей меры в лестнице наказаний должна нарастать последовательно, постепенно и с условием, чтобы между ее ступенями отсутствовали значительные разрывы. В результате между группой наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и наказаниями, связанными с таковой, должно существовать наказание, занимающее «промежуточное

между свободой и несвободой место» [1, с. 90]. Во-вторых, наблюдаем нестандартное для постсоветского исторического периода развития пенитенциарной системы нашей страны условие начала применения наказания. Пожалуй, не считая лишения свободы и исправительных работ, все остальные наказания начали применяться спустя определенное время – после создания необходимых условий. А такое, например, наказание, как арест, не применяется до настоящего времени, поскольку необходимые условия (наличие арестных домов) не созданы.

Принудительные работы в качестве вида наказания были введены в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) в 2011 г. И по сложившейся к тому времени традиции их применение дважды откладывалось. Причина тому заключалась в отсутствии учреждений для содержания осужденных (исправительных центров). Тем не менее неожиданно с 1 января 2017 г. принудительные работы начали назначаться судами в качестве действующего наказания [2, с. 58]. Неожиданность принятия решения о начале применения нового наказания объяснялась тем, что уголовно-исполнительная система все еще не была готова к его исполнению: к тому времени на всю страну были созданы лишь 4 исправительных центра, готовых принять только 900 осужденных [3].

Отсутствие мест для размещения осужденных, а также ряд других правовых и организационных недостатков, нередко сопровождающих многие новые проекты, в течение ряда лет не позволяли принудительным работам представлять реальную альтернативу лишению свободы, в качестве которой они были заявлены: в течение первых шести лет применения (2017–2022 гг.) из совокупности всех назначаемых уголовных наказаний удельный вес принудительных работ, назначаемых по приговору суда, был ниже 1 % [4].

Между тем введение данного наказания было обусловлено стремлением не только дальнейшего продления тенденции сокращения численности осужденных, отбывающих лишение свободы на определенный срок. Расширение сети исправительных центров непосредственно связано с потребностью целенаправленного перехода учреждений уголовно-исполнительной системы к самокупаемости. Принудительные работы как никакое другое наказание наиболее полно отвечают этому. Можно сказать, что содержание норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), регулирующих условия исполнения/отбывания данного наказания и правовой статус осужденных, в первую очередь обуславливалось главной отличительной особенностью принудительных работ – самокупаемостью (с ними в этом могут соперничать, пожалуй, лишь исправительные работы). Начиная с названия наказания (принудительные **работы**), обязательного условия наличия трудоспособности у осужденных, обязательностью их труда и заканчивая возможностью трудоустройства в организациях любой организационно-правовой формы, даже у индивидуальных предпринимателей, данная уголовно-

правовая мера подчеркивает ее основную нацеленность – привлечение осужденных к труду.

Востребованность нового наказания была высокой с самого начала (о чем свидетельствует внезапность начала его применения) и со временем только возрастала. Если до 2022 г. ежегодно количество осужденных, поступающих в исправительные центры, в среднем удваивалось, то по итогам 2023 г. их число возросло в 3,5 раза. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 г. принудительные работы на основании приговоров суда были назначены 17 333 осужденным, а на основании постановлений суда о замене ими лишения свободы – 19 277 осужденным [5].

В самом начале применения принудительных работ у отдельных авторов уровень ожиданий от их эффективности оказался завышен до уровня его оценки как панацеи от всего. Так, профессор Ю. А. Кашуба предположил, что принудительными работами можно заменить «такие виды наказаний, как исправительные работы, обязательные работы и ограничение свободы», поскольку они способны более эффективно выполнять их функции [6, с. 15]. Подобные этому суждения, на наш взгляд, не учитывают ни место и роль этих уголовно-правовых мер в системе наказаний, ни соотношения уровня содержащихся в них кары с общественной опасностью как преступлений, так и лиц, их совершивших, ни иные обстоятельства, обусловленные необходимостью реализации принципа индивидуализации наказания. В качестве комментария к подобным высказываниям вполне уместной выглядит открытая ирония, заложенная режиссером в слова одного из персонажей оscarоносного фильма «Москва слезам не верит» Рудольфа: «Ничего не будет: ни кино, ни театра, ни книг, ни газет – одно сплошное телевидение».

В действительности принудительные работы не могут да и не должны заместить ни одно из перечисленных наказаний. Более того, весьма непросто объединить в некий конгломерат (путем поглощения одного другим) даже два конкурента, практически идентичных друг другу, – принудительные работы и колонии-поселения. Хотя предложений о таком объединении высказано немало [7, с. 131–135; 8, с. 224–231]. Наиболее полно и аргументированно о незамеченных подводных камнях подготовленного законопроекта о ликвидации колоний-поселений как конкурента принудительных работ высказался профессор В. И. Селиверстов [9, с. 46–47].

Тем не менее усиленное внимание, оказываемое принудительным работам со стороны государства (в числе последних мер, например, содействие в решении задачи расширения сети исправительных центров [10, 11], повышение порога возраста для назначения гражданам принудительных работ¹), свидетельствует о существующей высокой заинтересованности в продолжении роста количества осужденных, содержащихся в исправительных центрах.

¹ О внесении изменения в статью 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер.закон № 111-ФЗ от 03.04.2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Представляется, что повышенное внимание со стороны государства и его структур к принудительным работам следует оценивать в первую очередь с точки зрения нынешней социально-экономической ситуации в России. Согласно представленному Министерством экономического развития Российской Федерации «Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов», внутренние риски социально-экономического развития страны связаны прежде всего с дефицитом кадров на рынке труда [12]. По оценке Банка России, обеспеченность кадрами во II квартале 2024 г. обновила очередной минимум за всю историю наблюдений, а нехватка работников отмечается во всех ключевых отраслях российской экономики [13]. Причем предприятия в настоящее время нуждаются более всего в представителях рабочих и массовых профессий. То есть нужда остро стоит даже не столько в высококвалифицированных специалистах (в них потребность постоянна), сколько просто в рабочих руках.

Как отмечают специалисты, дефицит кадров вызван главным образом тремя факторами: демографической ямой, последствиями COVID-19 и специальной военной операции [14]. Повышение производительности труда, на которое, в том числе, надеются в Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации, сможет лишь смягчить, но не решить проблему. Без наращивания экстенсивного потенциала (увеличения доли работоспособного населения) кадровый голод не позволит отечественной экономике прирастать желаемыми темпами.

В последние годы на самых разных уровнях в стране идут острые дискуссии о том, как влияют мигранты на экономику и какие социальные проблемы вызывает их массовый приток в Россию. Накал достиг уровня, требовавшего от депутатов Государственной Думы РФ начать разработку нормативных актов, вносящих изменения в миграционную политику. Неограниченный и нерегулируемый приток мигрантов, объясняемый исключительно экономическими потребностями, довольно быстро натолкнулся на разнообразные и многочисленные социальные проблемы, связанные с их адаптацией в российском обществе.

В качестве приемлемой альтернативы экономической составляющей масштабного прибытия в страну мигрантов Правительство РФ инициирует и иные меры, среди которых предлагается расширение применения наказания в виде принудительных работ. Как отметил министр юстиции К. А. Чуйченко на встрече с Президентом России, из 180 тысяч осужденных к лишению свободы, у которых существует вероятность замены данного наказания на принудительные работы, около 100 тысяч достойны этого. Сдерживает указанную возможность прежде всего отсутствие достаточного числа исправительных центров [15].

Разумеется, жизнь вносит свои коррективы и расчет на приток в исправительные центры 100 тысяч осужденных из мест лишения свободы может и не быть достигнут. За время, прошедшее после упомянутой рабочей встречи,

значительная часть из тех осужденных, которым потенциально лишение свободы могло быть заменено принудительными работами, заключили контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ в соответствии с ч. 5.1 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»¹.

Поэтому новые места для осужденных к принудительным работам, для создания которых Федеральная служба исполнения наказаний РФ прилагает значительные усилия, могут остаться не вполне востребованными. Заместить же такое количество осужденными, направляемыми в исправительные центры по приговору суда, как показывает судебная статистика, скорее всего, не удастся.

В то же время можно рассмотреть и другие, до сих пор не использовавшиеся варианты увеличения доли осужденных к принудительным работам. Речь идет об инвалидах.

Вовлечение данной категории граждан в трудовую деятельность сегодня является одной из актуальных государственных задач. По оценке правительства, экономике России потребуется до 2,4 млн дополнительных работников на период до 2030 г. В 2023 г. численность инвалидов в трудоспособном возрасте составила 4,2 млн человек. Это в основном лица с инвалидностью второй (39,8 %) и третьей (45,2 %) групп, «сохраняющие возможность трудиться при наличии подходящих условий». При этом уровень занятости этой категории не превышает 28 % [16]. То есть существует значительный и недостаточно задействованный в настоящее время резерв граждан (в трудоспособном возрасте), не вовлеченных в рынок труда.

Для восполнения дефицита кадров в соответствии со ст. 38 Федерального закона «О занятости населения в РФ» Правительство РФ приняло Постановление № 709 от 30.05.2024², согласно которому с 01.09.2024 организации, насчитывающие свыше 35 работников, обязаны трудоустроить по квоте, установленной соответствующим субъектом РФ, инвалидов трудоспособного возраста в размере от 2 до 4 % от среднесписочной численности работников. В случае же трудоустройства инвалидов 1-й группы закрывается два места квоты.

Как мы уже подчеркивали, принудительные работы изначально создавались с целью использования трудовых возможностей осужденных, чтобы они не только отбывали наказание, но и самостоятельно обеспечивали бы свое содержание. Исходя из этого и требования, предъявляемые осужденным к принудительным работам, обуславливались прежде всего их способностью к труду. Отсюда ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, устанавливающая ограничения в назначении принудительных работ, помимо несовершеннолетних, беременных

¹ О воинской обязанности и военной службе : федер. закон № 53-ФЗ от 28.03.1998 (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

² О порядке выполнения работодателями квоты для приема на работу инвалидов (вместе с «Правилами выполнения работодателем квоты для приема на работу инвалидов», «Правилами заключения соглашения о трудоустройстве инвалидов») : постановление Правительства РФ № 709 от 30.05.2024 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 23 (ч. I). Ст. 3187.

женщин и других категорий, включила лиц, признанных инвалидами первой и второй группы.

Вспомним, что ст. 53.1 была введена в УК РФ в 2011 г. Этот период в истории нашей страны характеризуется как начало выхода из мирового финансово-экономического кризиса, затронувшего и Россию. К концу 2011 г., по оценкам специалистов, «рынок труда восстановился практически полностью. Потребность компаний в персонале сравнима с 2008 годом» [17]. Проблема кадрового голода остро еще не стояла. Напротив, Правительство РФ предпринимало усилия по снижению безработицы, которая в то время составляла 6,6 % экономически активного населения страны и насчитывала 5,02 млн безработных. И главное, проводимая Россией специальная военная операция на Украине не оттягивала работоспособное население от участия в производительном труде. В этих условиях для перспективного наказания, ожидания от которого как раз и основывались на трудоиспользовании осужденных, инвалиды были бы балластом при демонстрации показателей его эффективности.

На сегодняшний день обстановка существенно изменилась. По данным Росстата, на июнь 2024 г. безработица в России снизилась до нового исторического минимума в 2,4 %, а безработными классифицировалось 1,9 млн человек [18]. В условиях кадрового голода инвалиды стали рассматриваться как недостаточно используемый источник пополнения работников, в которых нуждается экономика.

По итогам 2023 г. в исправительных учреждениях содержалось 17 203 инвалида (около 7 % от среднесписочной численности). Для сравнения, в 2021 г. количество инвалидов в местах лишения свободы – 17 510 человек, в том числе I группы инвалидности – 391 человек, II группы инвалидности – 7087 человек, III группы инвалидности – 9993 человек [19], в 2017 г. их насчитывалось 19 200 [20]. Статистика свидетельствует о достаточно высокой стабильности числа инвалидов, отбывающих лишение свободы, около 40 % из которых составляют инвалиды II группы. К этому следует добавить также некоторое количество осужденных инвалидов, поступающих в исправительные учреждения на основании приговора суда.

На наш взгляд, направление совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства должно соответствовать общей тенденции ускоренного развития экономики страны, которое, по мнению Президента РФ, является главным основным условием «для реализации долгосрочных планов развития России» [21].

В свете этого мы предлагаем расширить категории лиц, осуждаемых к принудительным работам, сняв ограничение для инвалидов II группы, предусмотренное ст. 53.1 УК РФ. Востребованность предлагаемых изменений, помимо сказанного, обусловлена также тем, что Уголовно-исполнительная система Российской Федерации по ряду причин пока не может трудоустроить всех трудоспособных осужденных, отбывающих лишение свободы,

в то время как содержащиеся в исправительных центрах (ИЦ) и участках, функционирующих как исправительные центры (УФИЦ), обеспечены работой практически полностью. Так, по итогам деятельности Уголовно-исполнительной системы за 2023 г. доля осужденных к лишению свободы, привлеченных к труду на оплачиваемых работах, в среднесписочной численности осужденных, подлежащих привлечению к труду, составила 86,6 %, а охват трудом осужденных к принудительным работам за этот же период составил 99,2 % от численности лиц, подлежащих привлечению к труду.

Учитывая, что согласно ч. 2. ст. 103 УИК РФ осужденные к лишению свободы, являющиеся инвалидами I и II группы, привлекаются к труду только по их желанию, обязательным условием замены отбываемого ими наказания на принудительные работы следует установить данное ими предварительное письменное согласие на перевод. Тем самым осужденный подтверждает знание им своего будущего правового статуса и, в частности, требований ст. 60.7 УИК РФ, предусматривающей его обязанность трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров. То есть он должен осознавать, что после перевода в исправительный центр у него не только сократится ряд правоограничений, но и появится отсутствующая у инвалидов второй группы, отбывающих лишение свободы, обязанность трудиться. Осужденный также должен быть предупрежден о том, что в случае отказа от работы после перевода в исправительный центр он в соответствии со ст. 60.15 УИК РФ будет признан злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ и в отношении него в суд будет направлено представление о замене неотбытой части наказания к принудительным работам лишением свободы.

Думается, что предлагаемая превентивная мера позволит в числе прочего снизить наметившийся рост уклонений от отбывания наказания в виде принудительных работ, который по итогам 2023 г. составил 6672 случая (в 2022 г. – 1874 случая).

Заключение

Являясь самым молодым и самым быстро развивающимся наказанием, принудительные работы, пожалуй, как ни одна другая уголовно-правовая мера, испытывают влияние изменений, происходящих в обществе и стране, прежде всего в ее экономической сфере. И это не случайно, поскольку само наказание изначально задумывалось не только как один из инструментов воспроизводства поставленной в 20–30-е гг. прошлого века цели перехода уголовно-исполнительной системы к самокупаемости, но и в качестве дополнительного средства поддержки экономического роста страны.

Поэтому, когда сегодня практически все предприятия и организации России столкнулись со значительной нехваткой рабочих рук, по сути, с кадровым голодом, уголовно-исполнительная система, ее промышленный потенциал и прежде всего человеческие ресурсы как никогда за весь постсоветский период развития страны вновь стали пользоваться спросом. Если

в 1990–2000-е гг. удельный вес осужденных к лишению свободы, привлеченных к труду на оплачиваемых работах, опускался до четверти от среднесписочной численности осужденных, подлежащих привлечению к труду, то в последние годы он начал стремительно прирастать и по итогам 2023 г. составил 86,6 % (по итогам аналогичного периода прошлого года – 70,5 %).

Еще более востребованным в этом отношении оказывается наказание в виде принудительных работ, при исполнении которого охват трудом осужденных за этот же период составил 99,2 % от численности лиц, подлежащих привлечению к труду. Усилиями Правительства РФ, Федеральной службы исполнения наказаний РФ численность ИЦ/УФИЦ, как и содержащихся в них осужденных, постоянно прирастает и по итогам 2023 г. количество созданных мест в 50 ИЦ и 355 УФИЦ составило 49 520.

Тем не менее контрольная цифра в 100 тысяч мест к завершению 2024 г., поставленная Министерством юстиции Российской Федерации, может оказаться невостребованной ввиду снижения числа осужденных, которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменяется принудительными работами на основании ст. 80 УК РФ. Это связано с тем, что осужденные, которым потенциально лишение свободы могло быть заменено принудительными работами, заключили или заключат контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ в соответствии с ч. 5.1 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

В изменившихся условиях необходимо по-новому взглянуть на неиспользуемые резервы привлечения осужденных к оплачиваемому труду и вслед за решением Правительства РФ (Постановление Правительства РФ от 30.05.2024 № 709) пересмотреть возможности трудоустройства осужденных инвалидов. Предлагается расширить категории лиц, осуждаемых к принудительным работам, сняв ограничение для инвалидов II группы, предусмотренное ст. 53.1 УК РФ. Это же ограничение не должно действовать и в отношении осужденных, которым неотбытая часть лишения свободы заменяется принудительными работами на основании ст. 80 УК РФ.

Список литературы

1. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2018. 240 с.
2. Геранин В. В. Проблемы применения наказания в виде принудительных работ // Научные труды Московского университета имени С. Ю. Витте : сб. науч. ст. / под ред. Н. Г. Малышева, А. В. Семенова. М. : Московский университет имени С. Ю. Витте, 2018. С. 55–65.
3. В России с первого января введен новый альтернативный вид наказания // РИА Новости. 2017. 1 января. URL: <https://ria.ru/20170101/1485049772.html>
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. // Судебный департамент. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_go-dovaya/F1-svod_vse_sudy-2022.xls
5. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики за 2023 г. // Судебный департамент. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

6. Кашуба Ю. А. Возможности создания системы исправительных центров // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1-4), № 1. С. 11–15.
7. Каданева Е. А. Конкуренция уголовных наказаний и иных мер уголовноправового характера // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 131–135.
8. Селиверстов В. И. Перспективы изменения уголовно-исполнительной политики в Российской Федерации: анализ эволюционных и революционных рисков развития // Преступление, наказание, исправление : материалы VI Междунар. пенитенциарного форума, приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации № 5473-І от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (г. Рязань, 15–17 ноября 2023 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2023. С. 224–231.
9. Селиверстов В. И. Принудительные работы: перспективы, пределы и риски развития // Пенитенциарная наука. 2024. № 1 (65). С. 44–50.
10. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Президент России. 2021. 9 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70349>
11. Путин поддержал идею заменить лишение свободы ряду осужденных на принудительные работы // ТАСС. 2022. 31 января. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13573001>
12. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2024_god_i_na_planovyy_period_2025_i_2026_godov.html
13. Мониторинг предприятий. 2024. № 7 (26). URL: <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49342/0724.pdf>
14. Рынок труда 2024. Почему не хватает людей // SuperJob. URL: <https://reutov.superjob.ru/research/articles/114770/rynok-truda-2024/>
15. Владимир Путин провел рабочую встречу с Министром юстиции Константином Чуйченко // Президент России. 2022. 31 января. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/67666>
16. Татьяна Голикова провела заседание Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений // Правительство России. 2024. 29 июля. URL: <http://government.ru/news/52259/>
17. Рынок труда в 2011 году. Прогнозы на 2012. «Рынок замер в ожидании» // Работа Град. URL: https://www.rabotagrad.ru/articles/_aview_b20372
18. Безработица в России в июне снизилась до исторического минимума // РИА Новости. 2024. 31 июля. URL: <https://ria.ru/20240731/bezrobotitsa-1963277970.html>
19. Статистические данные // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/medicine/statisticheskie-dannye/>
20. Инвалиды и уголовно-исполнительная система Российской Федерации // Без Барьеров. URL: <https://barrierfree.ru/2019/01/16/invauk16012019/>
21. Владимир Путин оценил состояние экономики России // Российская газета. 2024. 26 августа. URL: <https://rg.ru/2024/08/26/indikatory-rosta.html>

References

1. Utkin V.A. *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy: kurs lektsiy = Problems of the theory of criminal punishments: lecture course*. Tomsk: Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018:240. (In Russ.)
2. Geranin V.V. Problems of applying punishment in the form of forced labor. *Nauchnye trudy Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte: sb. nauch. st. = Proceedings of Moscow Witte University: collected papers*. Moscow: Moskovskiy universitet imeni S.Yu. Vitte, 2018:55–65. (In Russ.)
3. A new alternative form of punishment has been introduced in Russia since January 1st. *RIA Novosti = RIA news*. 2017;1 Jan. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20170101/1485049772.html>
4. Report on the work of courts of general jurisdiction in the consideration of criminal cases at first instance for 12 months of 2022. *Sudebnyy department = Judicial department*. (In Russ.). Available at: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/F1-svod_vse_sudy-2022.xls
5. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics data for 2023. *Sudebnyy department = Judicial department*. (In Russ.). Available at: <http://www.cdep.ru/?id=79>
6. Kashuba Yu.A. Possibilities of creating a system of correctional centers. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*. 2018;26(1):11–15. (In Russ.)
7. Kadaneva E.A. Competition between criminal penalties and other criminal law measures. *Ugolovnaya yustitsiya = Criminal justice*. 2018;(11):131–135. (In Russ.)
8. Seliverstov V.I. Prospects for changing the penal policy in the Russian Federation: analysis of evolutionary and revolutionary development risks. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: materialy VI Mezhdunar. penitentsiarnogo foruma, priurochennogo k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i Zakona Rossiyskoy Federatsii № 5473-I ot 21 iyulya 1993 g. «Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii» (g. Ryazan', 15–17 noyabrya 2023 g.) = Crime, punishment, correction: proceedings of the 6th International penitentiary forum, dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation No. 5473-I of July 21, 1993 “On the establishment and organs of the criminal-executive system of the Russian Federation” (Ryazan, November 15–17, 2023)*. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2023: 224–231. (In Russ.)
9. Seliverstov V.I. Forced labor: prospects, limits and risks of development. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary science*. 2024;(1):44–50. (In Russ.)
10. List of instructions following the meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights. *Prezident Rossii = President of Russia*. 2021;9 Dec. (In Russ.). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70349>
11. Putin supported the idea of replacing the imprisonment of a number of convicts with forced labor. *TASS*. 2022;31 Jan. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/13573001>
12. Forecast of the socio-economic development of the Russian Federation for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii = Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. (In Russ.). Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2024_god_i_na_planovyy_period_2025_i_2026_godov.html
13. *Monitoring predpriyatiy = Monitoring of enterprises*. 2024;(7). (In Russ.). Available at: <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49342/0724.pdf>

14. Labor Market 2024. Why there are not enough people. *SuperJob*. (In Russ.). Available at: <https://reutov.superjob.ru/research/articles/114770/rynok-truda-2024/>
15. Vladimir Putin held a working meeting with Minister of Justice Konstantin Chuychenko. *Prezident Rossii = President of Russia*. 2022;31 Jan. (In Russ.). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/67666>
16. Tatyana Golikova held a meeting of the Russian Tripartite Commission for the regulation of social and labor relations. *Pravitel'stvo Rossii = The government of Russia*. 2024;29 Jul. (In Russ.). Available at: <http://government.ru/news/52259/>
17. The labor market in 2011. Forecasts for 2012. "The market is frozen in anticipation". *Rabota Grad = Work Grad*. (In Russ.). Available at: https://www.rabotagrad.ru/articles/_aview_b20372
18. Unemployment in Russia fell to a historic low in June. *RIA Novosti = RIA News*. 2024;31 Jul. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20240731/bezrobotitsa-1963277970.html>
19. Statistical data. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazaniy = Federal Penitentiary Service*. (In Russ.). Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/medicine/statisticheskie-dannye-/>
20. Disabled persons and the penal system of the Russian Federation. *Bez Bar'erov = No barriers*. (In Russ.). Available at: <https://barrierfree.ru/2019/01/16/invauk16012019/>
21. Vladimir Putin assessed the state of the Russian economy. *Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper*. 2024;26 Aug. (In Russ.). Available at: <https://rg.ru/2024/08/26/indikatory-rosta.html>

Информация об авторах / Information about the authors

Виталий Владимирович Геранин

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой
уголовно-правовых и гуманитарных
дисциплин, филиал Московского
университета имени С. Ю. Витте
в г. Рязани (Россия, г. Рязань,
Первомайский пр-кт, 62)

E-mail: gvvrzn@mail.ru

Vitaliy V. Geranin

Candidate of juridical sciences, associate
professor, deputy head of the sub-
department of criminal law and
humanities, Ryazan branch of Witte
Moscow University (62 Pervomayskiy
avenue, Ryazan, Russia)

Светлана Николаевна Мальцева

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-
правовых и гуманитарных дисциплин,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Рязани
(Россия, г. Рязань,
Первомайский пр-кт, 62)

E-mail: kafedraupd2015@yandex.ru

Svetlana N. Mal'tseva

Candidate of juridical sciences, associate
professor, head of the sub-department
of criminal law and humanities, Ryazan
branch of Witte Moscow University
(62 Pervomayskiy avenue, Ryazan,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 19.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 29.11.2024

Принята к публикации / Accepted 12.12.2024

УДК 343.985

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-16

Проблема разграничения продолжаемого незаконного сбыта наркотических средств и совокупности преступлений

Е. В. Битюцкий

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

b-2m@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что разграничение продолжаемого незаконного сбыта наркотических средств и совокупности преступлений является существенным аспектом в объективной квалификации действий виновного лица по ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем правовая позиция правоприменительных и судебных органов подвержена определенным изменениям, вызванным трансформацией самого механизма совершения незаконного сбыта наркотических средств и, как следствие, методик его выявления и пресечения. Ошибки в квалификации могут привести к назначению несправедливого наказания, поэтому важно обеспечить всестороннее и объективное расследование всех обстоятельств совершенного преступления, в том числе установить роль каждого соучастника, выполняемую им, объективную сторону преступления и направленность преступного умысла. *Материалы и методы.* Методологическая основа включает сравнительно-правовой и социологический методы исследования. Судебная практика по незаконным сбытам наркотических средств весьма объемна и разнообразна, в этой связи в качестве примеров были использованы решения судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, при этом был приведен сравнительно-правовой анализ судебной практики за последние два-три десятилетия. *Результаты.* В ходе проведенного исследования была комплексно рассмотрена проблема разграничения продолжаемого незаконного сбыта наркотических средств и совокупности преступлений. *Выводы.* Проведенное исследование свидетельствует о том, что в настоящее время ключевым критерием для разграничения продолжаемого сбыта наркотиков и совокупности преступлений выступает установление единства преступного умысла, охватывающего все эпизоды незаконного сбыта. При выявлении факта оборудования виновным лицом тайников-закладок с наркотическим средством позиция судебных и правоприменительных органов сводится к необходимости квалификации каждого эпизода незаконного сбыта наркотических средств в качестве самостоятельного преступления в случае формирования у виновного лица каждый раз нового преступного умысла на незаконный сбыт наркотиков неустановленному приобретателю.

Ключевые слова: наркотические средства, незаконный сбыт наркотических средств, продолжаемое преступление, совокупность преступлений

Для цитирования: Битюцкий Е. В. Проблема разграничения продолжаемого незаконного сбыта наркотических средств и совокупности преступлений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 199–208. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-16

The issue of distinguishing between the ongoing illegal sale of narcotic drugs and a set of crimes

E.V. Bityutskiy

Penza State University, Penza, Russia

b-2m@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the problem under study lies in the fact that the distinction between the ongoing illegal sale of narcotic drugs and a set of crimes is an essential aspect in the objective qualification of the actions of the guilty party under Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, the legal position of law enforcement and judicial bodies is subject to certain changes caused by the transformation of the very mechanism of committing the illegal sale of narcotic drugs and, as a consequence, the methods of its detection and suppression. Errors in qualification can lead to the imposition of an unfair punishment, so it is important to ensure a comprehensive and objective investigation of all the circumstances of the crime committed, including establishing the role of each accomplice, the objective side of the crime performed by him and the direction of the criminal intent. *Materials and methods.* The methodological basis includes comparative legal and sociological research methods. Judicial practice on illegal drug sales is very voluminous and diverse, in this regard, decisions of the courts of first, appellate and cassation instances were used as examples, not only in recent years, but also a comparative legal analysis of judicial practice over the past two to three decades is given. *Results.* In the course of the study, the issue of distinguishing between the ongoing illegal sale of drugs and a set of crimes was comprehensively considered. *Conclusions.* The study shows that at present, the key criterion for distinguishing between the ongoing sale of drugs and a set of crimes is the establishment of the unity of criminal intent, covering all episodes of illegal sale. When it is revealed that a guilty person has set up hiding places for drugs, the position of judicial and law enforcement agencies comes down to the need to qualify each episode of illegal sale of drugs as an independent crime in the event that the guilty person each time develops a new criminal intent to illegally sell drugs to an unidentified purchaser.

Keywords: narcotic drugs, illegal sale of narcotic drugs, continuous crime, multiple crimes

For citation: Bityutskiy E.V. The issue of distinguishing between the ongoing illegal sale of narcotic drugs and a set of crimes. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):199–208. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-16

Нормативное определение продолжаемого преступления включает в себя указание на то, что подобное преступление складывается из ряда юридически тождественных деяний, которые направлены на достижение единой цели и объединены единым умыслом, единством объекта посягательства и возможных преступных последствий¹.

¹ О едином учете преступлений (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов»): приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) (зарег. в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) // Российская газета. 2006. № 13.

Пленум Верховного Суда РФ (ВС РФ) также сформулировал определение продолжаемого преступления, коим признается «преступление, состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом»¹. Главное отличие от приведенного выше определения состоит в отсутствии указания на единство объекта преступного посягательства и возможных преступных последствий, при этом акцент сделан именно на тождественности противоправных действий и наличии единого умысла.

Пленум ВС РФ обратил особое внимание на обстоятельства, которые могут свидетельствовать о единстве умысла виновного, и привел примеры таких преступлений, в частности получение и дача взятки в несколько приемов. В то же время преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, в частности незаконный сбыт путем оборудования тайников-закладок, в качестве примеров не были приведены. При этом в Постановлении Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»² также отсутствуют конкретные критерии для отграничения продолжаемого сбыта от совокупности преступлений в случае неоднократности их совершения.

Так, если ранее Пленум ВС РФ рассматривал незаконный сбыт наркотических средств как любые способы их возмездной либо безвозмездной передачи другим лицам, а также иные способы реализации, то с 2015 г. его правовая позиция изменилась и он стал рассматривать незаконный сбыт наркотических средств в качестве незаконной деятельности лица, направленной на их возмездную либо безвозмездную реализацию другому лицу – приобретателю³. Тем самым изменился подход к толкованию термина «незаконный сбыт наркотических средств» со «способа» на «деятельность», что, вероятно, должно было унифицировать правоприменительную практику.

В то же время эволюция правовой позиции правоприменительных и судебных органов по проблеме отграничения продолжаемого незаконного сбыта наркотических средств от совокупности преступлений носит последовательный, но вместе с тем переменчивый характер, что во многом обусловлено изменениями механизма совершения данных преступлений и, соответственно, методиками их выявления и пресечения, что прямо влияет на особенности квалификации действий виновных лиц.

Следует обратить внимание, что приводимые ниже временные отрезки являются весьма условными, так как судебная и правоприменительная практика в Российской Федерации ввиду значительного количества регионов и общей площади ее территории в разные периоды была весьма неоднородной.

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 43 от 12.12.2023 // Российская газета. 2023. № 291.

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 15.06.2006 (ред. от 23.12.2010) // Российская газета. 2006. № 137.

³ Там же.

Так, с 1990-х до конца 2000-х гг. большинство незаконных сбытов наркотических средств осуществлялось непосредственно путем передачи «из рук в руки», что выявлялось и документировалось прежде всего в рамках оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) «Проверочная закупка». Судебная и правоприменительная практики того времени исходили из того, что каждый факт незаконного сбыта квалифицировался как отдельное преступление.

При этом встречались случаи, когда в отношении одного и того же лица совершалось более десяти проверочных закупок наркотических средств и фактически искусственно увеличивалось количество выявленных и в дальнейшем (при задержании лица) раскрытых преступлений. Однако, после того как ряд подобных действий были признаны умышленной провокацией преступлений со стороны сотрудников правоохранительных органов, практика проведения значительного количества ОРМ «Проверочная закупка», направленных на решение по сути однотипных, а не новых задач, была прекращена.

Позиция судебных органов заключалась в необходимости проведения оперативными подразделениями лишь минимально необходимого количества указанных оперативно-розыскных мероприятий в целях установления наличия состава преступления в действиях предполагаемого виновного лица и пресечения его дальнейших преступных действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, а не в целях искусственного создания условий для совершения подобных действий и повышения служебных показателей раскрываемости данных преступлений. В случае установления факта необоснованного проведения ОРМ «Проверочная закупка» сотрудниками оперативных подразделений подсудимый (осужденный) мог быть даже оправдан по всем выявленным подобным фактам [1].

Однако в последующем – с конца 2000-х – начала 2010-х гг. – произошли глобальные изменения в системе незаконного сбыта наркотических средств на территории России и значительная часть подобных преступлений стала совершаться бесконтактным способом, путем оборудования тайников-закладок, особенно те преступления, предметом которых выступали наркотические средства синтетического происхождения, известные в среде наркопотребителей как «курительные смеси», «спайс», «соли», «реагент» и т.д.

Сам способ бесконтактного сбыта наркотических средств, при котором исключен личный контакт как между сбытчиком и приобретателем, так и между членами преступной группы, занимающейся незаконным оборотом наркотических средств, не являлся изобретением преступных групп, активизировавших свою преступную деятельность в конце 2000-х – начале 2010-х гг. и специализировавшихся на наркотических средствах синтетического происхождения. Подобным способом совершались преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств еще в 90-х гг. прошлого века, особенно те преступления, предметом которых выступало наркотическое средство героин и к совершению которых были причастны организованные преступные группы, активными членами и руководителями которых были лица, отбыва-

ющие наказание в исправительных учреждениях и организующие деятельность преступной группы посредством мобильной связи. Однако активное использование описанный выше бесконтактный способ незаконного сбыта наркотических средств получил именно у преступных групп, занимающихся незаконным сбытом наркотических средств синтетического происхождения в конце 2000-х – начале 2010-х гг.

Изначально позиция судебных и правоприменительных органов предусматривала необходимость квалификации каждого факта обнаружения и изъятия из незаконного оборота наркотического средства в отдельном тайнике-закладке как самостоятельного преступления. Таким образом, в случае установления лица, причастного к оборудованию данных тайников-закладок, предъявляемое ему обвинение могло включать несколько десятков эпизодов преступной деятельности.

Примерно в середине 2010-х гг. судебная и правоприменительная практики изменились:

– во-первых, при непосредственном контакте сбытчика и приобретателя не любой способ передачи наркотического средства стал рассматриваться как незаконный сбыт, а лишь тот, где сбытчик действовал не в интересах приобретателя, а в своих интересах. При это важно было установить факт наличия наркотического средства во владении у сбытчика до обращения к нему потенциального приобретателя¹. Так, например, согласно Приговору Октябрьского районного суда г. Пензы от 23.06.2010 два гражданина были осуждены за покушение на пособничество в незаконном приобретении наркотического средства в крупном размере без цели сбыта². В приведенном приговоре указаны два существенных обстоятельства, согласно которым орган предварительного следствия и впоследствии суд отграничили незаконный сбыт наркотических средств от пособничества в их незаконном приобретении: направленность действий в интересах приобретателя (в данном случае неустановленного лица из числа осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении) и отсутствие наркотического средств в момент обращения потенциального приобретателя;

– во-вторых, при квалификации действий виновных лиц, занимающихся оборудованием тайников-закладок с наркотическими средствами, судебные и правоприменительные органы в качестве главного критерия для отграничения продолжаемого незаконного сбыта от совокупности преступлений стали выделять факт получения сбытчиком в целях дальнейшего незаконного сбыта партии наркотического средства. Таким образом, для квалификации действий виновного лица как единого продолжаемого преступления было необходимо установить, что все оборудованные им тайники-закладки содержали наркотическое средство (или наркотические средства), полученное ра-

¹ Кассационное определение Липецкого областного суда от 06.07.2010 по делу № 22-913/2010 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.10.2024).

² Приговор Октябрьского районного суда города Пензы № 1-227/2010 от 23.06.2010 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.10.2024).

нее из одной партии. Если же виновное лицо получило не одну, а несколько партий путем, например, оптовой закладки, то его действия квалифицировались в зависимости от количества данных партий, т.е. уже по совокупности преступлений. Пример тому – приговор Богородского городского суда Нижегородской области от 14.05.2010, в соответствии с которым гр-н Ц., несколько раз незаконно сбывший наркотическое средство, признан виновным в совершении одного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, так как суд учел, что наркотическое средство гр-ном Ц. сбывалось из полученной им ранее одной партии, незаконный сбыт наркотика им был совершен в несколько приемов в течение непродолжительного времени, что свидетельствует о едином умысле на незаконный сбыт всех наркотических средств, изъятых из незаконного оборота в ходе проверочных закупок и при задержании указанного гражданина¹.

Однако современная судебная и правоприменительная практика отличается от приведенной выше. Так, в настоящее время сложилась правовая позиция, согласно которой при установлении факта незаконного сбыта наркотических средств как контактным, так и бесконтактным способом не одному, а нескольким приобретателям каждый из преступных эпизодов следует квалифицировать в качестве самостоятельного преступления. При этом на подобную квалификацию не влияет даже наличие у сбытчика уже изначально преступной цели сбыть все незаконно хранящееся им наркотическое средство [2, с. 13].

Таким образом, актуальная правовая позиция заключается в рассмотрении каждой закладки с наркотическим средством как отдельного тайника, предназначенного отдельному приобретателю (даже пусть не нескольким лицам, а одному лицу, но не одновременно, а в несколько приемов). Подобный подход объясняется тем, что, оборудуя тайники-закладки, виновное лицо каждый раз реализует самостоятельный преступный умысел, направленный в каждом конкретном случае на незаконный сбыт именно той массы наркотического средства, которая расположена в данной закладке. Тем самым любое дробление или разделение наркотического средства на части и дальнейшее размещение его в отдельные тайники-закладки необходимо квалифицировать в качестве самостоятельного преступления, при совершении которого виновное лицо реализует самостоятельный преступный умысел. В связи с изложенным весь процесс незаконного сбыта путем оборудования подобных тайников-закладок с наркотическим средством необходимо рассматривать в качестве совокупности преступлений.

Анализ современной судебной практики свидетельствует о необходимости квалификации по совокупности преступлений действий виновного лица, совершившего несколько эпизодов незаконного сбыта наркотических средств, при наличии следующих обстоятельств:

¹ Приговор Богородского городского суда Нижегородской области от 14.05.2010 по делу № 1-73/2010 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.10.2024).

– направленность умысла виновного лица на множественный сбыт определенного количества наркотических средств разным потенциальным приобретателям, которые приобрели бы их через различные тайники-закладки, в разное время, в разных местах, при различных обстоятельствах¹;

– осуществление незаконного сбыта определенного вида и размера реализуемых наркотических средств, на что указывают их разная масса, самостоятельная фасовка, используемые формы конспирации, т.е. так называемые форма и содержание предмета²;

– отсутствие данных о том, что реализуемые наркотические средства, размещенные в разные закладки, предназначались для одного потребителя, или существовала договоренность с соучастником или с самим потребителем о реализации всего их объема³;

– наличие данных о том, что наркотические средства предназначались в дальнейшем для сбыта неопределенному кругу лиц, которые на тот момент не фигурировали еще в качестве их потенциальных приобретателей⁴;

– размещение виновным лицом наркотических средств в различных местах за денежное вознаграждение, размер которого зависел от количества оборудованных тайников-закладок⁵;

– незамедлительная передача куратору (оператору) посредством сети Интернет сведений об оборудованном тайнике-закладке с наркотическим средством непосредственно после его размещения⁶;

– обнаружение у виновного лица наряду с наркотическим средством предметов (пакетов, весов, фрагментов бумаги), предназначенных для его последующей расфасовки⁷.

Несмотря на то что бремя вины доказывания лежит на стороне обвинения, все собранные доказательства оцениваются в их совокупности. Таким образом, если после пресечения преступной деятельности подозреваемый, ранее оборудовавший ряд тайников-закладок с наркотиками, в ходе дачи показаний будет, например, настаивать на наличии у него при выполнении объективной стороны преступления единого преступного умысла, направленного на незаконный сбыт всех ранее оборудованных тайников, данный факт не будет прямым и безусловным основанием для квалификации его действий как единого продолжаемого преступления, если будут отсутствовать иные

¹ Апелляционное определение Тульского областного суда от 07.12.2023 по делу № 22-2921/2023 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 03.10.2024).

² Апелляционное определение Верховного Суда Республики Марий Эл от 13.12.2023 по делу № 22-1077/2023 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 03.10.2024).

³ Приговор Ленинского районного суда города Ульяновска от 03.07.2023 по делу № 1-187/2023 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 03.10.2024).

⁴ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.05.2024 № 77-1480/2024 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.10.2024).

⁵ Приговор Засвияжского районного суда города Ульяновска от 04.08.2023 по делу № 1-263/2023 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 03.10.2024).

⁶ Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 14.12.2023 по делу № 22-2662/2023 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 03.10.2024).

⁷ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.07.2024 № 77-1895/2024 (УИД 92RS0002-01-2022-000339-70) // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 03.10.2024).

доказательства, свидетельствующие, например, о наличии его договоренности либо с иным членом преступной группы (например, оператором), либо с конкретным приобретателем, для кого якобы предназначался весь объем наркотического средства из оборудованных тайников-закладок. В то же время зачастую обоснование стороной защиты позиции о совершении лицом единого продолжаемого преступления, а не совокупности двух и более преступлений, сводится к тому, что тождественные действия лица охватывались единым умыслом, направленным на незаконный сбыт всей массы незаконно приобретенного ранее наркотического средства, и выразились в том, что в незначительный период времени оно разместило наркотические средства в тайники, расположенные неподалеку друг от друга.

Однако анализ актуальной судебной практики свидетельствует о том, что не являются безусловными и прямыми доказательствами наличия у виновного лица именно единого преступного умысла на незаконный сбыт наркотических средств следующие обстоятельства:

- факт единовременного приобретения наркотических средств¹;
- получение виновным лицом реализуемых наркотических средств в расфасованном виде из одного источника и оборудование тайников-закладок в течение одного дня²;
- схожесть действий виновного лица по оборудованию тайников-закладок, т.е. их размещение последовательно и одинаковым способом, друг за другом, через короткий промежуток времени в различные тайники-закладки³.

На необходимость квалификации действий виновного лица как одно продолжаемое преступление при наличии общей цели сбыта всей незаконно приобретенной партии наркотических средств могут указывать лишь следующие обстоятельства:

- наличие договоренности (с другим соучастником или потребителем) о реализации всего объема наркотических средств [3, 4];
- изъятие у виновного лица предназначенных для последующего незаконного сбыта наркотических средств, даже в расфасованном виде, которые не были размещены им в конкретные места в виде тайников-закладок, и, как следствие, отсутствие доказательств того, что они предназначались тому количеству потребителей, количество которых соответствовало бы числу частей, на которые они были разделены⁴.

Таким образом, приведенные выше обстоятельства свидетельствуют об ужесточении правовой позиции правоприменительных и судебных органов

¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.07.2024 № 77-2614/2024 (УИД 63RS0041-01-2023-001774-65) // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 05.10.2024).

² Приговор Ново-Савиновского районного суда города Казани от 24.10.2023 по делу № 1-684/2023 // КонсультантПлюс (дата обращения: 03.10.2024)

³ Приговор Засвияжского районного суда города Ульяновска от 04.08.2023 по делу № 1-263/2023 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 03.10.2024).

⁴ Приговор Засвияжского районного суда города Ульяновска от 13.04.2023 по делу № 1-102/2023 // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 03.10.2024).

по вопросам квалификации действий виновных лиц, занимающихся незаконным сбытом наркотических средств, что, с одной стороны, во многом оправдано необходимостью формирования единого правового вектора борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. С другой стороны, важность разграничения продолжаемого незаконного сбыта наркотических средств и совокупности преступлений состоит в том, что необоснованное раздробление единого продолжаемого преступления на совокупность преступлений обуславливает завышение тяжести предъявленного лицу обвинения и, как следствие, назначенного наказания, что является существенным нарушением уголовного и уголовно-процессуального закона. Действительно, борьба с незаконным оборотом наркотиков требует комплексного подхода, в этой связи важно, чтобы квалификация действий виновного лица была объективной и учитывала все обстоятельства совершения им преступления, поэтому необходимо постоянно совершенствовать законодательство и правоприменительную практику, стремясь к достижению баланса между необходимостью борьбы с преступностью и соблюдением прав человека.

Список литературы

1. Обзор судебной практики по уголовным делам за август 2008 года (подготовлен Белгородским областным судом) // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 14.10.2024).
2. Гарбатович Д. А. Особенности квалификации некоторых продолжаемых преступлений // Администратор суда. 2023. № 1. С. 13–17.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) (начало) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 10.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) (окончание) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 11.

References

1. Review of judicial practice in criminal cases for August 2008 (prepared by Belgorod Regional Court). *ConsultantPlus*. (In Russ.). Available at: www.consultant.ru (accessed 14.10.2024).
2. Garbatovich D.A. Peculiarities of qualification of some continuing crimes. *Administrator suda = Court Administrator*. 2023;(1):13–17. (In Russ.)
3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 20.12.2016) (beginning). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF = Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2017;(10). (In Russ.)
4. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 20.12.2016) (end). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF = Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2017;(11). (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Евгений Владимирович Битюцкий

кандидат юридических наук,
доцент кафедры правоохранительной
деятельности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: b-2m@mail.ru

Evgeniy V. Bityutskiy

Candidate of juridical sciences, associate
professor of the sub-department
of law enforcement, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 24.11.2024

Принята к публикации / Accepted 18.12.2024

УДК 340

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-17

Особый правовой порядок: к постановке вопроса

С. И. Ежикова

Нотариальная контора нотариуса Игоря Борисовича Щербуняева, Пенза, Россия

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

s.krasnova1927@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Термин «особый», отличающийся новизной и все чаще встречающийся в текстах нормативно-правовых и подзаконных актов, вызывает повышенный интерес у исследователей и необходимость интерпретации. Особый правовой порядок как правовой феномен для общей теории права является довольно новым институтом, что обуславливает актуальность поднятого вопроса. Цель работы – провести анализ понятия особого правового порядка посредством изучения этимологии схожих с ним категорий. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе семантического анализа понятий особого, специального, исключительного, приоритетного порядка. Методологический потенциал включает диалектический, формально-юридический и сравнительный методы познания. *Результаты.* Исследована этимология схожих с категорией «особый» понятий, проанализированы нормы действующего законодательства, выявлены сходства и различия, позволяющие понять сущностную природу данного правового феномена. *Выводы.* Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что особый правовой порядок – самостоятельная правовая категория, замещение которой иными, схожими по смыслу понятиями недопустимо.

Ключевые слова: особый правовой порядок, специальный порядок, исключительный порядок, приоритетный порядок, правовой режим, правовая процедура

Для цитирования: Ежикова С. И. Особый правовой порядок: к постановке вопроса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 209–217. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-17

The issue of special legal procedure

S.I. Ezhikova

Notary office of notary Igor Borisovich Shchebunyaev, Penza, Russia

Penza State University, Penza, Russia

s.krasnova1927@yandex.ru

Abstract. *Background.* The term “special”, which is characterized by novelty and is increasingly found in the texts of normative legal and by-laws, arouses increased interest among researchers and the need for interpretation. The special legal order as a legal phenomenon is a fairly new institution for the general theory of law, which determines the relevance of the issue raised. The purpose of the work is to analyze the concept of a special legal order by studying the etymology of categories similar to it. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved on the basis of a semantic analysis of the concepts of special, special, exceptional, priority order. The methodological potential

includes dialectical, formal legal and comparative methods of cognition. *Results.* The etymology of concepts similar to the category of “special” is investigated, the norms of current legislation are analyzed, similarities and differences are revealed, allowing to understand the essential nature of this legal phenomenon. *Conclusions.* The analysis made it possible to conclude that a special legal order is an independent legal category, the replacement of which by other concepts similar in meaning is unacceptable.

Keywords: special legal order, special order, exceptional order, priority order, legal regime, legal procedure

For citation: Ezhikova S.I. The issue of special legal procedure. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(1):209–217. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-17

Динамика развития социальных отношений объясняет необходимость возникновения новых и совершенствования существующих правовых институтов. Особый правовой порядок, выступая разновидностью правового порядка, учитывает специфику определенной области или конкретной ситуации, на которую он направлен, служит инструментом учета особых потребностей и интересов определенных групп лиц.

Правовой порядок – институт межотраслевого, междисциплинарного характера, активно употребляемый в различных областях научного знания и в текстах нормативно-правовых актов, прочно вошедший в юридическую терминологию и общественно-политический лексикон для обозначения различных правовых состояний в общей теории права и ряде юридических отраслей.

Современный этап развития теории правового порядка характеризуется разными исследовательскими подходами, включением в сферу правового пространства и правопорядка виртуальной реальности.

По утверждению В. В. Борисова, правопорядок – «это объективно обусловленное состояние, свойство социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью и урегулированностью системы правовых отношений и связей, основанных на реализации демократических, гуманистических принципов и нормативных основ права и законности; прав, свобод и обязанностей субъектов; правовая форма организации общественной жизни, ее состояние» [1, с. 242].

В. В. Лазарев, В. С. Афанасьев, Р. Т. Мухаев определяют правопорядок как «состояние упорядоченности общественных отношений, основанных на праве и законности» [2, с. 298].

Консолидация научных взглядов и их системный анализ позволяет констатировать, что существенных отличий в определениях правового порядка они не содержат и отличаются разве что деталями. Соответственно, феномен правового порядка комплексно следует характеризовать и как состояние упорядоченности общественных отношений, и как результат реализации правовых норм всеми субъектами права, т.е. право в действии.

Обращаясь к анализу особого правового порядка, необходимо отметить, что данный феномен не раз становился предметом научного познания.

Однако исследования велись и ведутся в основном на уровне отраслевых наук. В рамках курса общей теории права практически не предпринимается попыток в подобном направлении. Полагаем, что причины такой ситуации кроются в отсутствии в юридической науке единого мнения относительно сущностной природы правового порядка, а также в новизне особого правового порядка как разновидности правового порядка, не получившего еще должной научной проработанности, понятийной сущности и специфики.

Действительно, если обратиться к современному российскому законодательству, становится очевидно, что термин «особый» все чаще появляется в текстах нормативно-правовых и подзаконных актов. Как известно, любой отличающийся своей новизной правовой феномен требует правильности интерпретации для дальнейшего корректного осмысления, понимания и в конечном итоге применения.

Обратившись к этимологии слова «особый», отметим, что в толковом словаре В. И. Даля оно означает «отличный от прочих, иной, другого разбора; отличный, в значении превосходный, лучший, особенно хороший» [3, с. 376].

В толковых словарях термин «особый» означает «отдельный», т.е. независимый от других (особое мнение, особые права); «не такой как все, необыкновенный, не как всегда, не как все, не как обычно» [4, с. 463].

Однако толковый словарь Д. Н. Ушакова гласит, что синонимом особого, отдельного, не общего, исключительного, для чего-нибудь предназначенного является прилагательное «специальный», заимствованное из иностранных языков. В этом же словаре лексема «особый» определяется как «отдельный от других, имеющий специальное назначение для чего-нибудь» [5, с. 547].

Подобное этимологическое сходство может свидетельствовать о синонимичности отмеченных категорий. Однако представленная в словаре В. И. Даля лексическая интерпретация термина «особый» отличается положительным характером. Схожая точка зрения представлена А. Г. Репьевым, указывающим на «обособленность термина “особый” от однопорядковых слов выгодностью отличия особого от общего» [6, с. 21], наличием положений, «ускоряющих порядок осуществления той или иной деятельности» [7, с. 138].

Такую точку зрения легко подтвердить, проанализировав примеры специального порядка и особого. Существует специальный порядок исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа. Перевод денежных средств происходит не напрямую, а путем их перечисления сперва в иностранной валюте в банк, определенный в контракте на поставку природного газа. Далее данные денежные средства продаются на организованных торгах, а денежные средства в рублях зачисляются иностранному покупателю на его специальный счет. Лишь после совершения такой последовательности действий производится перевод денежной суммы в рублях в уполномоченный банк на счет поставщика¹.

¹ О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа : указ Президента Российской Федерации № 172 от 31 марта 2022 г. (в ред. от 30.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2244 ; 2023. № 1 (ч. I). Ст. 206.

В противовес усложненному специальному правовому порядку можно привести особый порядок судебного разбирательства, который значительным образом упрощен по сравнению с общим порядком. Достоинства, выделяющие данную разновидность особого правового порядка, многочисленны как для судебных органов из-за уменьшения нагрузки на них, так и для подсудимых (зачастую назначается менее строгое наказание, освобождение от оплаты процессуальных издержек и т.д.).

Стоит отметить существование еще одного схожего по значению и использованию в юридической лексике слова «исключительный». По утверждению профессора С. Ю. Суменкова, особый порядок «предполагает возможность: а) учета отличных от общих, своеобразных факторов правовой жизни; б) максимально подробной их конкретизации и регламентирования» [8, с. 109].

Несколько иначе регламентируется понятие «исключительный порядок». Он назван таковым для того, чтобы подчеркнуть уникальный характер законодательно установленной последовательности действий. «Исключительный» в данном случае означает «такой, и более никакой». Он представлен в текстах как нормативно-правовых, так и судебных актов. Например, в Постановлении Правительства РФ № 391¹ определен исключительный порядок представления и рассмотрения запросов российских заявителей. Кроме того, исключительный порядок упоминается в Федеральном законе № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации». Статья 24 указанного нормативно-правового акта содержит указание на исключительный порядок выдачи разрешения на проведение морских научных исследований. Данный порядок регулируется правилами ст. 23 данного закона, однако детально не определен².

Если обратиться к исключительному порядку в судебных актах, то можно заметить, что данный термин не раскрывается, а лишь упоминается либо несет в себе несколько иной смысл. Так, в Апелляционном определении № 48-АПУ21-4 от 27 июля 2021 г. Верховного Суда Российской Федерации по результату рассмотрения в открытом судебном заседании дела по апелляционной жалобе на постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции, которым отказано в удовлетворении ходатайства подсудимого об изменении территориальной подсудности уголовного дела, Верховный Суд РФ подтверждает правильность решения нижестоящего суда, подчеркивая, что изменение территориальной подсудности уголовного дела представляет собой исключительный порядок и такие решения могут быть вынесены

¹ Об утверждении Правил проведения морских научных исследований во внутренних морских водах, в территориальном море, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации и о внесении дополнения в пункт 9 Порядка создания, эксплуатации и использования искусственных островов, сооружений и установок во внутренних морских водах и в территориальном море Российской Федерации : постановление Правительства РФ № 391 от 30 июля 2004 г. (в ред. от 10.09.2016) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3338 ; 2016. № 51. Ст. 7390.

² О континентальном шельфе Российской Федерации : федер. закон № 187-ФЗ от 30 ноября 1995 г. (в ред. от 19.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4694 ; 2023. № 43. Ст. 241.

лишь при наличии особых обстоятельств¹. Таковые обстоятельства отсутствовали.

В подтверждение обоснованности приводятся ст. 32 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации². Тем не менее в вышеуказанных статьях отсутствуют формулировки «исключительный порядок» и «особые обстоятельства». Как думается, обстоятельства охарактеризованы словом «особые» для противопоставления заявленных подсудным в качестве основания изменения подсудности с перечисленными в федеральном законе.

Зачастую термин «особый порядок» ассоциируется с понятием «приоритетный порядок», так как слова «особый» и «приоритетный» придают значимость тому или иному явлению. Однако данным признаком сходства указанных разновидностей порядка исчерпываются. Как правильно замечает С. А. Чиркаев, «приоритетный порядок – это правила и нормы, необходимые для правильного урегулирования наиболее значимых сторон жизни общества для решения определенных первоочередных задач» [9, с. 266]. Исследователь также придерживается мнения о том, что особый порядок подразумевает более упрощенный порядок, добавляя, что таковой не распространяется одинаково для всех. То есть основания применения особого порядка определяются наличием особого субъектного состава.

С этим сложно согласиться, поскольку, например, в случае применения особого порядка в уголовном судопроизводстве основания такового связаны не непосредственно с субъектами, а лишь с наличием и отсутствием согласия на применение данного порядка.

Приоритетный порядок, в свою очередь, определяется таким фактором, как важность и значимость его применения в конкретной проблеме, требующей быстрого, первостепенного разрешения [9, с. 267].

Таким образом, можно смело утверждать, что особый правовой порядок и приоритетный правовой порядок соотносятся друг с другом как два совершенно разных вида правовых порядков и преследуют разные цели и задачи.

Примечательно в контексте исследуемого феномена отметить нередко встречающееся в литературе отождествление его с категорией правового режима. Так, Г. С. Беляева пишет, что правовой режим – это «особый нормативный порядок регулирования на основе установленных и обеспеченных государством правовых средств, направленный на создание условий для удовлетворения интересов субъектов права, который выражается в специфике способов и гарантий его реализации и основывается на действии общих принципов, приводящих все его элементы в единую упорядоченную систему» [10, с. 27].

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 48-АПУ21-4-К7 от 27.07.2021 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatcionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27072021-n-48-apu21-4-k7/> (дата обращения: 01.09.2024).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921 ; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4922.

Позволим себе не согласиться с обозначенной доктринальной конструкцией, подтвердив сказанное анализом норм действующего законодательства. Так, Семейным кодексом Российской Федерации установлено, что «имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью» (ст. 34)¹. Данный правовой режим называется законным режимом имущества супругов, и в нем упоминается порядок владения, пользования и распоряжения общим имуществом супругов, признания имущества каждого из супругов их совместной собственностью и т.д. Однако названный правовой режим – содержательно более объемная категория, синтезирующая в себе не только дозволения, но и запреты, обязанности с целью соблюдения прав и законных интересов каждого из супругов.

Соответственно, режим законного имущества супругов, как и любой иной правовой режим, не ограничивается одним лишь правовым порядком.

Не отрицая концепции понимания правового порядка как структурного компонента правового режима, все же отметим возможность его самостоятельного, автономного существования, реализации в рамках правовой процедуры либо правового процесса. Полагаем, что особый правовой порядок как разновидность правового порядка не является исключением.

Отмеченное заставляет обратить внимание еще на одно присутствующее как на доктринальном, так и на законодательном уровне смешение особой процедуры с особым порядком. Этимологический анализ обозначенных категорий свидетельствует о том, что правовой порядок – категория все же более узкая, нежели процедура [11, с. 388].

Поддерживая концепцию понимания правового порядка как части правовой процедуры, не исключаем возможности существования его самостоятельно, без взаимодействия с правовой процедурой. Разберем на примере. Семейным законодательством регламентирован порядок усыновления ребенка: «Усыновление производится судом по заявлению лиц (лица), желающих усыновить ребенка. Рассмотрение дел об усыновлении ребенка производится судом в порядке особого производства по правилам, предусмотренным гражданским процессуальным законодательством» (ст. 125)². Данный порядок выступает компонентом процесса, процедуры в этом случае не обозначены. Соответственно, правовой порядок может быть частью правовой процедуры, а может и существовать вне нее. Таким образом, природа особого правового порядка обусловлена наличием особых факторов правовой жизни, в результате которых достижение какого-либо юридически значимого результата в общем порядке невозможно либо значительным образом затруднено.

В ранее названных аспектах прослеживается определенное сходство особого, специального, исключительного и приоритетного порядка. Подобное терминологическое многообразие объясняется во многом недостаточной

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16 ; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6139.

² Там же.

научной проработанностью исследуемых понятий, а также ярким проявлением субъективного подхода каждого из авторов к их дефинированию, стремлением выделить наиболее важные с их позиции черты [12, с. 32]. Это создает потребность в четком разграничении указанных разновидностей правового порядка на законодательном и доктринальном уровне. Проведенный анализ аспектов соотношения вышеназванных понятий позволяет определить особый правовой порядок как установленный законодательством порядок регуляции, отличающийся высокой степенью определенности и четкости правового воздействия, заключающийся в особом сочетании юридических средств, направленных на упорядочение отличных от общих процессов, явлений и отношений. Вышеперечисленные черты позволяют познать сущность особого правового порядка и доказать его право на существование как самостоятельного правового института.

Список литературы

1. Борисов В. В. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. М. : Норма, 2007. Т. 3. 292 с.
2. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2005. 520 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2000. Т. 2. 584 с.
4. Толковый словарь Ожегова С. И. URL: [https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34117#:~:text=Работа%20производимая%20органом%2C%20организмом%20\(книжн.\)](https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34117#:~:text=Работа%20производимая%20органом%2C%20организмом%20(книжн.)) (дата обращения: 15.08.2024).
5. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка : 180 000 слов и словосочетаний. М. : Альта-Принт, 2005. 1239 с.
6. Репьев А. Г. Особая правовая процедура в системе правовых преимуществ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 21–28.
7. Саюшкина Е. В. К вопросу о понятии особого порядка российского уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 138–140.
8. Суменков С. Ю. Дефиниция «в порядке исключения»: особенности нормативного использования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 1 (10). С. 101–110.
9. Чиркаев С. А. К вопросу о понятии «приоритетный порядок»: общетеоретический аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. С. 265–268.
10. Беляева Г. С. Понятие правового режима в теории права: основные подходы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5 (85). С. 26–31.
11. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая рос. энцикл., 1998. 685 с.
12. Епифанов А. Е., Джамбалаев Я. Р. Особые государственно-правовые режимы в отечественной теории государства и права // Право и практика. 2012. № 1. С. 30–36.

References

1. Borisov V.V. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs: v 3 t. = General theory of state and law. Academic course: in 3 volumes.* Moscow: Norma, 2007;3:292. (In Russ.)
2. Lazarev V.V. (ed.). *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. = General theory of law and state: textbook. The 3rd edition, revised and supplemented.* Moscow: Yurist", 2005:520. (In Russ.)
3. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. = Explanatory dictionary of the living great russian language: in 4 volumes.* Moscow, 2000;2:584. (In Russ.)
4. *Tolkovyy slovar' Ozhegova S.I. = Explanatory dictionary of Ozhegov S.I.* (In Russ.). Available at: [https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34117#:~:text=Rabota%20proizvodimaya%20organom%2C%20organizmom%20\(knizhn.\)](https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34117#:~:text=Rabota%20proizvodimaya%20organom%2C%20organizmom%20(knizhn.)) (accessed 15.08.2024).
5. Ushakov D.N. *Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 180 000 slov i slovosochetaniy = Large explanatory dictionary of the modern Russian language: 180,000 words and phrases.* Moscow: Al'ta-Print, 2005:1239. (In Russ.)
6. Rep'ev A.G. Special legal procedure in the system of legal advantages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Law.* 2019;(34):21–28. (In Russ.)
7. Sayushkina E.V. On the issue of the concept of a special order of Russian criminal proceedings. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation.* 2016;(1):138–140. (In Russ.)
8. Sumenkov S.Yu. Definition of “by way of exception”: features of normative use. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Voronezh State University. Series: Law.* 2011;(1):101–110. (In Russ.)
9. Chirkaev S.A. On the issue of the concept of “priority order”: general theoretical aspect. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences.* 2022;(12):265–268. (In Russ.)
10. Belyaeva G.S. The concept of legal regime in the theory of law: basic approaches. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy.* 2012;(5):26–31. (In Russ.)
11. Yartseva V.N. (chief ed.). *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. 2-e izd. = Linguistics. Large encyclopedic dictionary. The 2nd edition.* Moscow: Bol'shaya ros. entsikl., 1998:685. (In Russ.)
12. Epifanov A.E., Dzhabalaev Ya.R. Special state and legal regimes in the domestic theory of state and law. *Pravo i praktika = Law and practice.* 2012;(1):30–36. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Светлана Ивановна Ежикова

юрисконсульт Нотариальной конторы
нотариуса Игоря Борисовича Щербуняева
(г. Пенза, ул Володарского, 58); аспирант
кафедры государственно-правовых
дисциплин, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: s.krasnova1927@yandex.ru

Svetlana I. Ezhikova

Legal adviser of the Notary office of notary
Igor Borisovich Shchebunyaev
(58 Volodarskogo street, Penza, Russia);
postgraduate student of the sub-department
of state and legal disciplines,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.03.2025

Принята к публикации / Accepted 02.04.2025

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- ***право***
- ***социология***
- ***экономика***

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. +7 (8412) 64-32-89; E-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.